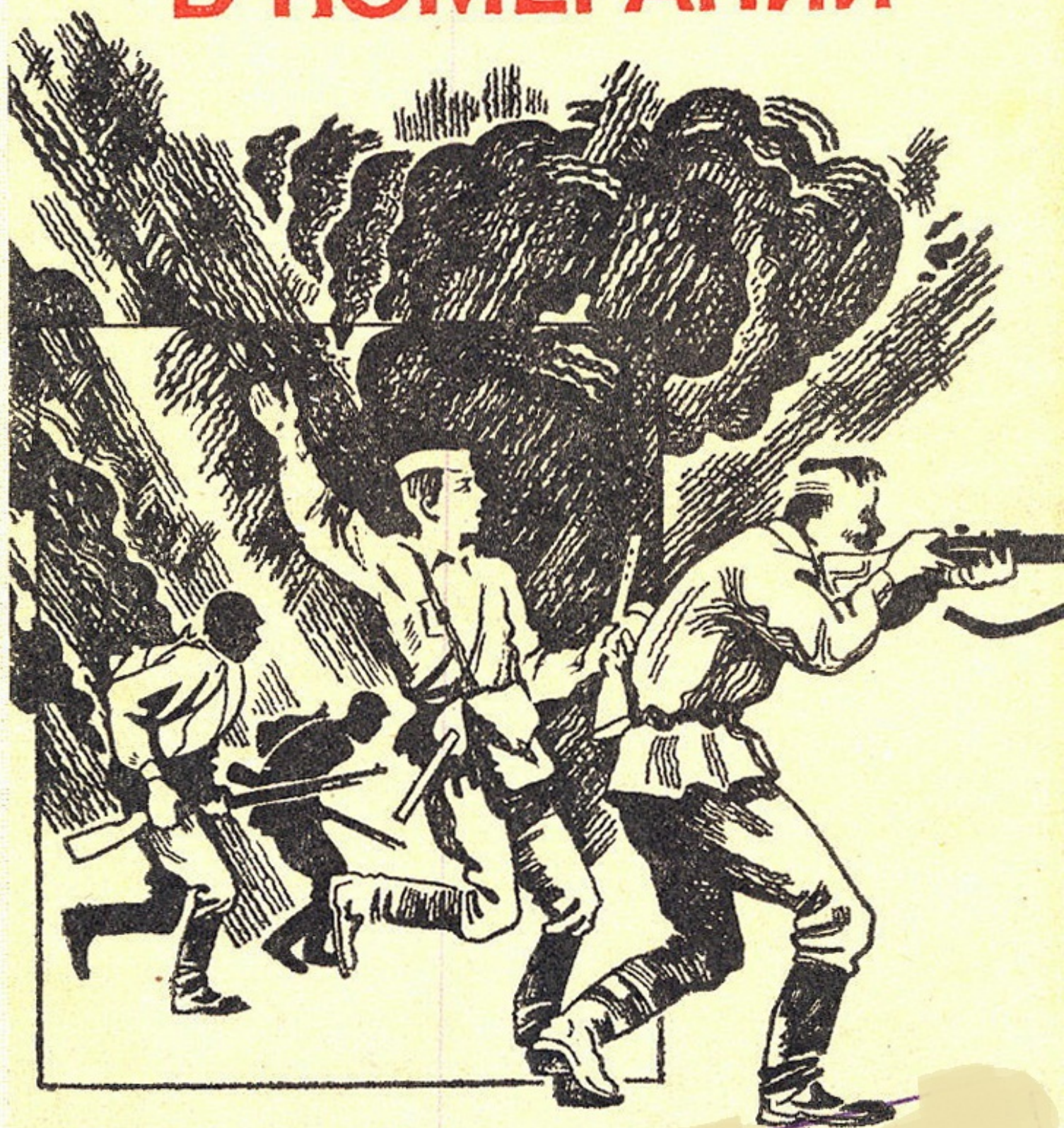

А. Ф. ФЕДОРОВ

В КАРЕЛИИ НА СВИРИ В ПОМЕРАНИИ

А. Ф. ФЕДОРОВ

В КАРЕЛИИ НА СВИРИ В ПОМЕРАНИИ

Записки ветерана
272-й стрелковой дивизии

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ»

1984

Печатается по рекомендации
совета ветеранов 272-й стрелковой дивизии

Федоров А. Ф.

Ф33 В Карелии. На Свири. В Померании: Записки
ветерана 272-й стрелковой дивизии.— Петрозаводск:
Карелия, 1984.—144 с., ил.

В книге рассказано о славных боевых делах воинов 272-й стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны. Начав свой боевой путь в оборонительных боях в Карелии, дивизия участвовала в освобождении Ленинградской области и южной Карелии, сражалась с врагом на территории Польши и Германии. Тысячи солдат и офицеров дивизии награждены орденами и медалями, 11 — удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К ЧИТАТЕЛЮ

Великая Отечественная война... Уже не годы, а десятилетия отделяют нас от ее окончания. За это время выросло новое поколение людей, не знавших войны, а всего лишь игравших «в наших и фашистов». Все меньше остается тех, кому довелось завоевывать и праздновать Великую Победу. Но события того времени, тех 1417 дней, предшествовавших 9 мая 1945 года, волнуют и будут волновать своей грандиозностью сердца и умы людей.

Время и героический труд залечили многие раны войны. Но память о павших в боях, о замученных и искалеченных, о миллионах вдов и сирот, о развалинах городов и пепелищах деревень живет сегодня и будет жить всегда в людских сердцах как вечный призыв: «Этого не должно повториться!»

В этой книге рассказывается о боевых действиях одного рядового соединения — 272-й стрелковой дивизии, которая прошла большой и славный путь.

Дивизия провела в боях 1200 дней. Она сражалась на Онежско-Ладожском перешейке с противником, в два — три, а временами в четыре раза превосходявшим ее, и в конце 1941 года, основательно измотав, остановила его в южном Прионежье.

Вместе с другими частями и соединениями дивизия участвовала в освобождении города Тихвина и территории района и не дала врагу замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда в ноябре — декабре 1941 года.

Дивизия освобождала северные районы Ленинградской области и южную Карелию, а на заключительном этапе войны сражалась с врагом на территории Польши и Германии, добивала фашистских варваров в их собственном логове.

Она прошла с боями сотни километров, форсировала Свирь и ряд других рек, вместе с другими частями и соединениями Советской Армии освободила двадцать три города и десятки сел и деревень. Воины дивизии — ле-

нинградцы, составлявшие ядро соединения, коммунисты и комсомольцы, воспитанные партией Ленина, ее испытанным отрядом — Ленинградской партийной организацией, — мужественно и с честью выполнили свой долг перед Родиной. За подвиги девять раз ей объявлялась благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего и столько же раз ей салютовала столица нашей Родины Москва.

Дивизия получила два почетных наименования и награждена двумя боевыми орденами. Орденов и медалей удостоены тысячи ее воинов, а одиннадцати присвоено звание Героя Советского Союза.

Таков краткий перечень боевых дел 272-й орденов Красного Знамени и Красной Звезды Свирско-Померанской стрелковой дивизии.

Много написано и рассказано о том неповторимом и грозном времени. Но еще немало событий и подвигов минувшей войны остаются неизвестными людям, в том числе читателям тех мест, где они совершались.

Являясь более двадцати лет председателем совета ветеранов и постоянно общаясь с бывшими воинами, с которыми прошел путь от формирования дивизии до изгнания врага с территории Родины, автор много лет работал над записками о боевых действиях соединения. В ходе работы были использованы материалы из различных источников, в том числе Центрального архива Министерства обороны СССР (ЦАМО СССР), было совершено восемнадцать больших походов по местам боев. Своими воспоминаниями поделились с ним более трехсот бывших бойцов и командиров дивизии, а в написании раздела о Тихвинской операции принял участие бывший комиссар дивизии полковник в отставке Т. П. Лесняк.

Автор благодарит всех, кто оказывал помощь в работе над книгой, особенно М. А. Васильеву, Н. Б. Кожанова и И. А. Федорова.

Глава первая

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

ВЕЛЕНИЕМ РОДИНЫ

Вероломное вторжение немецко-фашистских войск, начатое ранним утром 22 июня, нарушило созидательную деятельность нашей Родины.

Война входила в каждый дом. Под ее тяжестью содрогалась земля, гибли города и села Прибалтики, Белоруссии, Украины... Тысячи вражеских танков сминали гусеницами все живое. В небе нависали армады фашистских самолетов. Десятки тысяч орудий и минометов извергали из своих жерл железо, огонь и смерть на мирные поля и города, убивая и калеча советских людей.

Воины Красной Армии и весь советский народ встретили вероломное нападение гитлеровских захватчиков с исключительной стойкостью и мужеством. Массовый героизм стал характерной чертой военного времени.

На фронтах складывалось крайне тяжелое положение. Части и соединения, первыми встретившие врага, понесли огромные потери в живой силе и технике, многие бились, будучи окруженными. Некоторые полки и соединения обезлюдели настолько, что уже не могли противостоять врагу. Пополнение действующей армии осуществлялось из внутренних округов, кроме того, началось формирование новых полков и соединений.

К концу третьей недели войны Ленинград стал прифронтовым городом. Война уже наложила на него свой суровый отпечаток. Тревожно и напряженно бился в те дни пульс огромного города, вся его жизнь была подчинена лозунгу: «Все для фронта, все для победы!»

13 июля мы, 56 политработников, только что окончивших окружные курсы политического состава армии, были направлены в Тихвин. Что ждало нас впереди, мы еще не знали.

Людской поток захлестнул вокзалы. Поэтому ехать пришлось необычным путем. Сначала отправились в Красногвардейск (так тогда назывался город Гатчи-

на), там разыскали на товарной станции состав, следующий на Мгу, и дальше отправились на нем.

До станции Мга тащились более пяти часов. На расвете высадились: поезд дальше не шел. И пока наш старший В. А. Чебыкин «пробивал» через комендатуру дальнейшее следование, мы, прикорнув возле друг друга, «добирали» уже которую подряд проведенную почти без сна ночь. Ведь с 22 июня мы были на военном положении: днем шли напряженные занятия, ночью — патрулирование по городу, служба на постах, в том числе на постах воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС).

Наконец около десяти часов нас посадили в поезд, следовавший на восток. Состав был переполнен. В нем ехали в основном женщины и дети из Прибалтики, где уже хозяйничали фашисты. В вагоне мы окунулись в мир беженцев — людей, опаленных войной, лишившихся своего жилища и всего того, что составляет мирный уклад жизни.

В переполненных до отказа изрядно прогретых июльским солнцем вагонах — несмолкаемый говор и детский плач. На сосредоточенных лицах не видно улыбок. Вместе с тем люди были по-особенному внимательны друг к другу и к нам. Всех нас сближало всенародное бедствие — война.

Примерно на полпути между Волховстроем и Тихвином поезд остановился, и люди, уже испытавшие на себе ужас бомбежек, встревожились. Однако оказалось, что остановка была вызвана перегрузкой на путях. На восток перемещался большой поток людей, а также эвакуируемых материалов и промышленного оборудования. На запад шли воинские эшелоны, вооружение, боеприпасы, другие грузы, необходимые фронту.

Пользуясь стоянкой, люди вышли из вагонов. И тут один наш товарищ, младший политрук М. И. Симагин, встретил свою семью — жену и детей. До призыва в армию Михаил Иванович заведовал отделом народного образования в одном из районов на Псковщине, откуда и эвакуировалась его семья.

Под вечер прибыли в Тихвин. Город встретил нас пышной зеленью и удивительной тишиной. В военкомате узнали, что нам предстояло формировать новое соединение.

Оказалось, что мы приехали первыми, поэтому нам нужно подготовиться к приему личного состава, который,

как ожидалось, начнет прибывать уже на следующий день. Вместе с провожатым мы тотчас отправились в район формирования.

Уезжая с курсов, каждый из нас знал свою будущую должность. Так, В. П. Рыжаков и М. Г. Ткаченко назначались на должности секретарей партийных бюро полков, А. К. Ильичев и В. Н. Карсанов — пропагандистами полков, И. Н. Никандров, М. И. Симагин и В. А. Чебыкин — секретарями партийных бюро отдельных батальонов, А. О. Хохлов — комиссаром стрелкового батальона, я — комиссаром батареи 76-миллиметровых пушек, С. П. Иванов, П. В. Кузьмин, Н. И. Сайко и другие — политруками рот, К. В. Марков — инструктором политотдела по учету, П. В. Федосеев — литературным сотрудником дивизионной газеты... Словом, в каждый полк, подразделение и в аппарат политотдела назначались «лермонтовцы» — выпускники окружных курсов политсостава армии.

Мы были не единственными ленинградцами, прибывшими в дивизию, собственно, вся дивизия формировалась из жителей города и области. Но эта первая группа партийных работников с предприятий и учреждений Ленинграда, имеющих опыт партполитработы и прошедших военную подготовку, тогда молодых, энергичных людей, стала опорой командования и политотдела в формировании и последующем становлении дивизии.

На месте формирования мы увидели следующую картину: небольшое озеро, окруженное лесом, да поляна на юго-восточном берегу, за болотной горловиной. На поляне стоял пустующий домишко, рядом с которым росла развесистая береза. Дальше шел сосновый бор.

Осмотрев район и определив кому и где развешивать свои единицы, устроились на ночлег. Домом, постелью, подушкой и одеялом в ту ночь и многие другие потом служила нам одна и та же шинель.

Так 14 июля 1941 года было положено начало рождению 272-й дивизии. И первыми ее воинами стали 56 коммунистов — политработников из Ленинграда.

НАПРЯЖЕННЫЕ БУДНИ

С утра 15 июля в район формирования начали прибывать новые группы людей. Прибыли: начальник штаба дивизии майор Я. Г. Голубев, майор Л. В. Алексеев — бывший командир дивизиона из Первого Ленинградского артучилища, назначенный в дивизию командиром артил-

лерийского полка, командир батареи того же училища капитан Дейч Г. И.—на должность начальника штаба этого полка, с ними несколько других командиров-артиллеристов.

Приехали медицинские работники: профессор Ленинградского мединститута А. И. Раппопорт — на должность начальника медслужбы дивизии, К. Н. Марголина — на должность командира медсанбата, В. И. Капилевич — на должность главного хирурга, а также врачи и медсестры П. Е. Михайлова, З. К. Теглева, Л. И. Айзенштадт, А. А. Кожевникова, И. Н. Сергеева, О. Гращенко, Н. Титкова и другие.

С этого же дня пошел поток рядового и сержантского состава, хотя командиров стрелковых частей и подразделений еще не было. Начальник штаба майор Я. Г. Голубев, руководивший формированием до прибытия командива, познакомился с политработниками и назначил из их состава временно исполняющих обязанности командиров и комиссаров частей, сохранив за ними и исполнение основных обязанностей.

Наши товарищи получили назначения на стрелковые полки и спецподразделения. Получил назначение и я — командиром, а В. П. Рыжак — комиссаром 1065-го стрелкового полка.

Одновременно в адрес дивизии начали поступать продовольствие, обмундирование, вооружение, боеприпасы, кони... Все это надлежало принять, определить по своим местам и немедленно включить в дело.

В эти дни мы работали по 18—20 часов в сутки и обо всем постоянно докладывали Якову Григорьевичу Голубеву, получая от него все новые и новые распоряжения.

В своей работе мы ощущали повседневное внимание и помощь со стороны ленинградских и тихвинских партийных и советских органов. Трудности, однако, возникали на каждом шагу. Затягивалась экипировка, так как базы снабжения в Тихвине не было, и все имущество доставлялось по одноколесной перегруженной железной дороге, своих же транспортных средств было ничтожно мало. Да и люди, призванные из запаса, с делом формирования встретились впервые.

С 20 июля начали прибывать командиры взводов, рот, батальонов, политработники, работники различных служб и тыла. Среди них достойно проявившие себя в последующем: Т. С. Абрамов, А. Ф. Аксенов, Ф. Д. Андреев, П. М. Богомоллов, И. Е. Буханец, А. И. Губанов, Н. И. Ка-

мышан, В. И. Крапивин, В. Ляховский, П. А. Морозов, А. Кремнев, А. И. Павловский, В. Я. Сомов, Г. Торговенко, П. С. Фролов и другие. Некоторые были людьми обстрелянными, успевшими, как говорится, «понюхать пороху», поскольку прибыли из действующей армии.

Формирование заметно ускорилось. К 25 июля основные работы по организации полков и спецподразделений были почти завершены. Были сформированы по штатам военного времени 1061, 1063 и 1065-й стрелковые и 815-й артиллерийский полки, 340-й противотанковый дивизион, 574-й зенитный артиллерийский дивизион, 555-й саперный батальон, 749-й батальон связи, 317-й медико-санитарный батальон, 359-я разведывательная рота, 382-я рота химзащиты и 730-я автомобильная рота, а также политотдел, все службы штаба и управления дивизии, тыловые учреждения и т. д. В каждом полку и отдельном подразделении были созданы партийные и комсомольские организации, правда, немногочисленные. К примеру, в нашей батарее было всего три члена партии, один кандидат и два комсомольца.

К этому времени прибыли командир дивизии полковник М. М. Потапов и командиры стрелковых полков, слушатели Академии имени Фрунзе, майоры Г. Н. Джамалев, В. Н. Гончаров и Н. И. Сокало.

Прибыл командир и в нашу батарею. Этому обстоятельству я был рад вдвойне. И дело заключалось не только в том, что я освобождался от временного исполнения двух командных должностей, но и в том, что командиром батареи оказался мой старый знакомый младший лейтенант И. П. Дьяков.

Иван Прокофьевич был лишь четырьмя годами старше меня, но обладал несравненно большим жизненным опытом. Он прошел большую подготовку в 25-й кавдивизии, которой командовал комбриг Н. А. Дедаев и где три года довелось служить и мне. В 1939—1940 годах И. П. Дьяков был командиром огневого взвода, и мы в одной батарее участвовали в боях против белофиннов. И вот снова вместе. Фронтовая жизнь быстро сближает людей, и это сближение порождает уверенность. Ну, а совместная служба с уже испытанным боевым товарищем вселяет уверенность еще большую.

С прибытием командиров мы, политработники, переключились на выполнение своих прямых обязанностей. Хотя партийно-политическая работа и боевая подготовка, то есть все то, что необходимо для сколачивания боевого

подразделения, велись уже с первого дня, несмотря на большую занятость другими делами.

Большое внимание при сколачивании подразделений уделялось строевой подготовке. Строй спланирует, утверждает чувство локтя, воспитывает подтянутого и организованного воина. Наряду со строевой подготовкой шли занятия по изучению материальной части оружия и техники. Изучались также уставы и наставления, тактика ведения боя в составе отделения, взвода, роты.

Это было особенно важно, потому что дивизия формировалась в значительной степени из людей старших возрастов, которых от срочной службы в армии отделяло большое время. Необходимо было восстановить прежние знания и научить новому. А нового, благодаря постоянному вниманию партии и правительства к армии, к делу защиты Родины, за последние годы накопилось немало.

Надо сказать, что в дивизию пришли люди с большим жизненным опытом, сознательные, самоотверженные. Это подтвердили их последующие боевые дела. «Я часто вспоминаю нашу батарею. Какие замечательные люди были у нас!», «Чем больше лет отделяет нас от суровых дней войны, тем дороже ценишь тех людей», — так пишут об этих людях полковники в отставке И. П. Дьяков и П. В. Федосеев.

Это, безусловно, так. Но тогда, в самом начале войны, надо было не только переключить людей на новое дело, но и, учитывая исключительно тяжелую обстановку, которая складывалась к тому времени, не дать им пасть духом, окружить вниманием. Надо было подготовить людей морально и физически к суровым испытаниям.

ПРИСЯГА

Наступил памятный день 27 июля. С утра потянул упругий ветерок, откликнулись шелестом листья, качнулись гибкие ветки берез, запели тихую песню кроны сосен-великанов.

Накануне в каждом подразделении были составлены списки лиц, не принимавших военной присяги. Их было много, подавляющее большинство. Поклясться верности Родине воину положено и в мирное время, а сейчас, в суровую годину, — необходимо вдвойне.

Подготовкой к этому торжественному акту были заняты все бойцы, командиры и политработники. И вот с утра построение. В каждом полку на прибранных и оформлен-

ных полянах стояли шеренги подразделений. Начался священный ритуал.

Выходит боец, получает в руки текст присяги и чеканит:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь...

И летело многоголосое «клянусь» из конца в конец прибрежного леса.

— ...Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины...

— ...Я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом...

Текст с присягой переходил из рук в руки: заканчивал один — начинал другой. Уже солнце в зените, а по лесу разносилось:

— ...Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

И с этой минуты каждый еще глубже понимал свое назначение, свою высокую ответственность перед народом, ответственность за судьбу Советской Родины.

К этому дню командование дивизии подвело итоги работы по боевой и политической подготовке. Особенных успехов добился 815-й артполк. Поэтому, когда тихвинцы решили вручить дивизии шефское знамя, принять его было поручено артиллеристам. Состоявшийся по этому поводу митинг вылился в яркую демонстрацию единства армии и народа. В ответ на напутствие тихвинцев командир полка майор Л. В. Алексеев, поблагодарив за помощь, внимание и добрые пожелания, заверил участников митинга, что это знамя будет пронесено незапятнанным через все сражения, какие выпадут на долю дивизии.

В этот день дивизия получила приказ выступить на фронт. И в нашем, ставшем уже привычным, лесу все пришло в движение. С целью маскировки выходили по ночам.

Что ждало нас завтра, никто не знал. Но было ясно одно: это дорога на войну. И каждый с особым чувством вглядывался во все вокруг. Милыми и родными представляли и одинокая береза у ручья, и раскидистая сосна на поле, и петляющая по лугу речка, и селения с неповторимыми высокостенными домами севера и церквушками — этими памятниками старины.

Все воспринималось тогда не столько разумом, сколько сердцем. По-особенному оценивалось все отчее, все ухоженное и сделанное. Все это — Родина. Нет, не смеем мы отдать ее на поругание врагу.

Значительно позднее нам стало известно, что по первоначальному замыслу командования Северо-Западного направления 272-ю вместе с тремя другими поступающими из Ставки дивизиями предполагалось сосредоточить в Батецкой, на новгородско-лужском участке фронта. Однако это решение пришлось изменить, поскольку финские войска начали большое наступление в Карелии и на Карельском перешейке, и малочисленные силы наших армий, оборонявшиеся здесь, вынуждены были отступать. Во что бы то ни стало нужно было изменить положение и не допустить соединения немецкой группы армий «Север» с финскими войсками, поэтому Военный совет Северного фронта направил 272-ю стрелковую дивизию на петрозаводское направление*.

Глава вторая

МЫ ГОТОВЫ. ПРИКАЗЫВАЙ, РОДИНА!

НА ПЕТРОЗАВОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ К НАЧАЛУ АВГУСТА

Итак, дивизия выдвигалась на петрозаводское направление. В ночь на 30 июля отбыл первый эшелон, в ночь на 5 августа — последний. А 6 августа он выгрузился там же, где и первые, — западнее Петрозаводска, на разъездах перед Сямозером. Дивизия вошла в состав 7-й армии.

Накануне войны в составе 7-й армии было всего три дивизии, рассредоточенных на пяти направлениях на 500-километровом участке от реки Писта на севере до озера Пюхаярви на юге. На левом фланге протяженностью 140 километров против двух наших дивизий — 71-й и 168-й финны сосредоточили основные силы своей Карельской армии, которые имели более чем тройное превосходство в людях, двойное — в артиллерии и танках и во много раз — по количеству автоматов.

10 июля финны перешли границу, нанеся главный удар по 71-й стрелковой дивизии. Имея большое превосходство

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 83, лл. 45—46.

на участке прорыва, они расчленили части дивизии и устремились по образовавшемуся коридору на юго-восток, в направлении станции Лоймола, которую заняли 14 июля, а затем, повернув на юг, 16 июля вышли к Ладожскому озеру и овладели городом Питкяранта. 168-я стрелковая дивизия, а также командование и один стрелковый полк 71-й дивизии оказались отрезанными под Сортавалой. 7-я армия осталась на широком фронте с крайне малочисленными силами.

Командование армии совместно с ЦК Компартии и Советом Министров Карело-Финской республики мобилизовало все внутренние резервы. Наскоро формировались отдельные стрелковые полки (31, 9, 24, 452-й) и истребительные батальоны, которые прикрывали основные направления и наносили удары по превосходящим силам противника.

Некоторую помощь 7-й армии оказало командование Северного фронта, направив сюда 3-ю морскую бригаду, 7-й и 10-й мотополки, два танковых батальона, батальон ленинградских добровольцев, артиллерийский и минометный дивизионы.

Для лучшего управления имеющимися разрозненными силами командование армии 21 июля создало две оперативные группы: Петрозаводскую — под командованием генерал-лейтенанта М. А. Антонюка и Южную — под командованием генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева*.

Выполняя приказ командующего Северным фронтом и командующего 7-й армией, вновь образованные оперативные группы 23 июля начали наступление на противника, вышедшего к этому времени в район Ведлозеро — Кинелахта — Большие Горы. Но вскоре наступление остановилось, и наши войска перешли к обороне. Петрозаводская группа оборонялась на фронте в 35 километров от озера Шотозеро до озера Топорное, Южная группа — по левому берегу реки Тулокса на фронте Асипала — Ладожское озеро.

В конце июля развернулись жестокие бои в районе Суоярви. Вслед за ними следовало ожидать перехода противника в наступление на левом фланге 7-й армии, где на фронте протяженностью в 120 километров было прикрыто не более 40—45 километров.

Именно в это время и последовал приказ о направлении 272-й стрелковой дивизии на петрозаводское

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 3, л. 49.

направление, а 3-й дивизии ленинградского народного ополчения, имевшей в своем составе два полка,— на олонецкое направление.

Командующий 7-й армией поставил нашу 272-ю стрелковую дивизию на левый фланг Петрозаводской оперативной группы, в полосе озеро Топорное — Коткозеро, и приказал группе сковать противника на своем правом фланге и в центре, а на левом фланге нанести удар силами 272-й стрелковой дивизии в направлении Большие Горы и во взаимодействии с Южной оперативной группой уничтожить его части в районе Видлицы*.

Район предстоящих боевых действий дивизии представлял собой труднейшую территорию средней тайги с обилием лесов и болот, озер и рек. Рельеф местности холмистый — с перепадами до ста и более метров. Вся земля усеяна валунами, что затрудняло возможность вгрызаться в нее. С олонецкого тракта на запад тянулись едва проезжие проселки, бегущие по камням и корням или утопающие в низинах. На восток — не было и их.

Словом, 272-й стрелковой дивизии, новой, необстрелянной, предстояло встретиться со многими трудностями и вести бои с опытным противником, который был хорошо вооружен и чувствовал себя в лесах, как дома.

По прибытии дивизию тотчас посетил член Военного совета 7-й армии генерал-майор Г. Н. Куприянов. В своем письме ко мне он так вспоминал об этом:

«Мы ждали 272-ю дивизию. Она становилась основной главной силой в Петрозаводской оперативной группе; от ее умения драться зависело многое в предстоящих боях...

Я был в ней в дни подготовки к наступлению. Долго беседовал с ее командиром М. М. Потаповым; был в 1063-м и 1065-м полках, а также в 815-м артполку. Части дивизии были полностью укомплектованы личным составом по штатам военного времени. У всех был высокий боевой дух. Приказ о наступлении был встречен с большим подъемом».

Уже по этому отзыву можно представить, какую большую работу провели с личным составом дивизии командование и политотдел, командиры и особенно политработники за сравнительно короткое время.

С получением приказа о наступлении в частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждался один вопрос — о роли комму-

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 87, лл. 47—49.

нистов и комсомольцев в предстоящем наступлении. Участники боев с белофиннами в 1939—1940 годах рассказали бойцам о противнике, о его тактике ведения боя в лесисто-болотистой местности. Важнейшей задачей было доведение приказа до каждого воина. Командование и штабы уточняли детали ближайших и последующих действий, устанавливали связь с соседями и отрабатывали взаимодействие с приданными и поддерживающими части дивизии артиллеристами и танкистами.

ДИВИЗИЯ ВСТУПАЕТ В БОЙ

С утра 8 августа дивизия начала движение в район сосредоточения: Святиозеро — Нырки, чтобы занять исходный рубеж для наступления.

Двигались по единственной дороге Петрозаводск — Пряжа — Олонец. В авангарде находился 1061-й стрелковый полк, усиленный двумя дивизионами 815-го артполка. За ним в 6—8 километрах — главные силы: 1065-й стрелковый полк, остальная артиллерия, 1063-й стрелковый полк, спецподразделения, штаб. Впереди авангарда, на удалении до 8 километров, действовала дивизионная разведка.

Не имея сведений о положении соседа справа, штаб дивизии выслал конную разведку в район Ведлозера для установления связи с 24-м стрелковым полком, который, по сведениям штаба армии, должен был там обороняться. Разведка, вернувшись к исходу 8 августа, доложила, что в районе Крошнозера (в 15 километрах восточнее Ведлозера) встретила лишь небольшие группы отходящих войск, в основном пограничников, которые сообщили, что впереди наших войск нет. Эти сведения были немедленно переданы в штаб армии для уточнения обстановки на правом фланге дивизии.

Между тем дивизия, в предвидении встречного боя, продолжала двигаться вперед в прежнем порядке.

После короткого ночного привала 1065-й стрелковый полк лесными дорогами сразу за деревней Нырки стал выходить на рубеж Матчезеро — Вагвозеро, а 1061-й стрелковый полк продолжал движение по тракту. Штаб дивизии, 1063-й стрелковый полк и другие подразделения остановились на шоссе у озера Белое.

«Вскоре, — вспоминает начальник штаба дивизии Я. Г. Голубев, — разведка 1061-го стрелкового полка, не доходя 5 километров до Кескозера, встретила с противником.

1-й стрелковый батальон этого полка, следовавший за ней, с ходу развернулся и начал наступление на высоту, но успеха не имел. Тогда, отведя основные силы и выдвинув подразделения в обход высоты справа и слева, он снова атаковал и овладел ею».

На подходе к Вагвозеру встретилась с противником и разведка 1065-го стрелкового полка.

В этой обстановке командир дивизии, имея приказ о наступлении, решил тотчас нанести удар по передовым подразделениям 1-й пехотной дивизии финнов силами 1065-го стрелкового полка в направлении Матчезеро — Вагвозеро, силами 1061-го стрелкового полка в направлении Кескозеро — Утозеро, поддержав их артиллерией дивизии и приданными танками, с последующим наступлением на Варлов Лес — Паннила и дальше на Большие Горы.

Наступление началось 9 августа, на сутки раньше намеченного срока, с рубежа олонецкий тракт — река Топозерка — деревня Вайвас-Ламби — 5 километров севернее Кескозера (это на 12—15 километров восточнее обозначенного тем же приказом рубежа).

1063-й стрелковый полк был оставлен во втором эшелоне с тем, чтобы затем ввести его в бой для развития успеха полков первого эшелона.

Выполняя приказ комдива и тесня подразделения 30-го полка 1-й пехотной дивизии финнов, 1061-й стрелковый полк продолжал наступление 1-м стрелковым батальоном по тракту, а 2-м батальоном — от тракта справа. После ряда схваток с врагом ему удалось выйти на развилку дорог, что в 2 километрах севернее Кескозера. После этого 2-й стрелковый батальон, повернув на юго-запад, повел наступление на Сигозеро, а 1-й батальон подготовился к атаке на деревню Кескозеро.

В тот же день 1-й и 2-й батальоны 1065-го полка при поддержке дивизиона 815-го артполка и нескольких танков начали наступление на Матчезеро и Вагвозеро.

Полковая батарея 76-миллиметровых пушек, в которой я служил, продвигалась в боевых порядках 2-го стрелкового батальона, наступавшего на Вагвозеро.

Дело происходило ночью. Справа и слева от дороги, по которой мы шли, сплошной стеной стоял лес. Каждое орудие тащили три пары лошадей. В общей тишине лишь позвякивали орудийные щиты да слышны были шаги нагруженных пехотинцев, пробиравшихся по замшелым обочинам...

И вдруг впереди — жаркая, но короткая перестрелка. Что это? Оказалось, что разведка встретила с передовыми постами противника. Появились первые убитые и раненые.

К четырем часам утра 9 августа лесная дорога вывела нас на высоту. С нее открывалось довольно значительное открытое пространство, образованное вырубкой тридцатых годов.

Когда забрезжил рассвет, впереди снова вспыхнула перестрелка, становясь с каждым мгновением все яростней. Находившийся рядом со мной связной Павел Петухов сказал:

— Ну, кажется, началось.

Да, это было боевое крещение дивизии. В эти же минуты, как грозовой раскат, донесся гул боя слева, где подходил к Сигозеру 2-й стрелковый батальон 1061-го полка. Справа, где наступал 1-й батальон 1065-го полка на Матчезеро, пока было тихо.

Роты ускорили движение вперед. Комбат И. П. Дьяков скороговоркой бросил мне:

— Комиссар, беру взвод управления и иду вперед. Тут все на тебе.

Бой впереди разгорался. Вот на высоту выкатились батареи артдивизиона 815-го полка; подминая подрост безрезняка, разворачивались танки.

«Полковой батарее тут не место», — решил я и повел ее вперед.

На дорогу с грохотом ложились мины и снаряды противника; уже несли раненых, иные шли сами. У нас в батарее пока потерь нет. Навстречу нам прибежал связной от комбата с приказом: «Пушки вперед». И мы двинулись на рысях.

Примерно через километр мелкоколесье сменила неширокая полоса зрелого леса. Сразу за ней — пойма реки Меллич, за которой — большая высота. С нее противник вел интенсивный огонь. Роты залегли на опушке перед рекой. Тут же развернулись и наши пушки. По высоте вели огонь все пулеметы и минометы, пушки 45- и 76-миллиметровых батарей полка и дивизиона 815-го полка. Стоял сплошной грохот.

В небе не было ни облачка, ярко светило солнце, стояло полное безветрие. А на высоте от обстрела гулял вихрь: крутил, гнул, качал каждый куст, каждое деревце. И так продолжалось более часа. Казалось, там не осталось ничего живого. Но когда роты поднялись для броска,

враг, открыв сильный артиллерийский и минометный огонь, вновь прижал их к земле. Снарядом повредило одну из пушек нашей батареи, ранило бойцов расчета. Но другие пушки на огонь противника отвечали своим огнем.

Положение у противника было выгодное. Он находился на господствующей высоте, скаты которой по самую вершину превосходно прикрыты густым мелкоколесьем. Наши бойцы — на низкой речной террасе с редким подлеском по опушке. А впереди открытая пойма с рекою по середине. Учитывая это, командир полка решил отвести часть подразделений и отправить их в обход высоты справа.

Оставшиеся на месте бойцы продолжали бой весь день. До них уже донесся гул боя и справа, от Матчезера, где действовал 1-й стрелковый батальон 1065-го полка против подразделений 56-го полка 1-й пехотной дивизии финнов. Но особого накала он достиг к исходу дня слева, у Сигозера, где наступал 2-й батальон 1061-го стрелкового полка.

Героически вел себя в этот день политрук 4-й стрелковой роты ленинградец П. В. Кузьмин — один из первых прибывших в дивизию 56 политработников. Когда рота вырвалась на переправу у деревни Афанасьева Гора, выбила оттуда противника и подготовилась к броску вперед, белофинны обрушили на нее шквальный минометный огонь и пошли в контратаку. Но, встретив дружное сопротивление, они откатились назад. Разъяренный враг предпринял новую контратаку, но и она не увенчалась успехом...

После каждой отбитой атаки таяли ряды наших бойцов. Погиб командир роты. А финны продолжали наступать. Им удалось вклиниться в расположение роты. Тогда политрук Кузьмин, выскочив из окопа, с криком «Вперед, за Родину!» повел бойцов на врага.

Противник не выдержал натиска, побежал назад. Рота преследовала его два километра, до развилки дорог, ведущих к Сигозеру и Вороновой Сельге. Здесь находились финские окопы. Отважный политрук первым ворвался в них. И тут пуля противника сразила его. В этот момент он увидел перед собой вражеского солдата и, собрав последние силы, пронзил его штыком, а сам замертво упал на землю.

Этим же вечером обходявшая высоту перед Вагвозером 6-я стрелковая рота 1065-го полка встретила с противником и с криком «Ура!» пошла на него в атаку. Ее

дружно поддерживали пулеметчики и минометчики. Но, сдерживая напор, враг предпринял контратаку. Тогда навстречу ему повел свой взвод молодой лейтенант В. В. Ветров. Противник открыл сильный огонь, но прижать бойцов к земле не смог. Тогда финны выкатили пушку на прямую наводку и одним из выстрелов сразили героического командира, однако атака продолжалась. А боец Н. С. Куракин, вырвавшись вперед и столкнувшись лицом к лицу с вражеским офицером, уничтожил его и забрал автомат, револьвер и полевую сумку с документами...

Наше наступление продолжалось, и противник, видя, что наши воины вот-вот перехватят дорогу и отрежут его от тылов, оставил ночью высоту и с подразделениями, находившимися в районе развилки дорог, что противостояли 2-му батальону 1061-го стрелкового полка, отступил к Вороновой Сельге.

Овладев высотой и деревней Вагвозеро, расположенной на западных склонах этой высоты, 2-й батальон 1065-го стрелкового полка с утра 10 августа повел наступление вверх по реке Топорная и ее притоку реке Лепна в направлении на Гижозеро, куда после освобождения Матчезера продвигался с боями и 1-й батальон этого полка.

В этот день отважно сражался помкомвзвода пулеметной роты 1065-го стрелкового полка А. Ф. Затевахин. Во время наступления на одну из высот, когда был ранен командир отделения и убит первый номер пулеметного расчета, он сам лег за пулемет и, открыв ураганный огонь по противнику, помог пехоте выполнить свою задачу. Кстати, позже, 14 августа, при переходе на новый рубеж под сильным огнем противника он вместе с пулеметчиками вынес шесть станковых пулеметов, расчеты которых погибли.

1-й батальон 1061-го стрелкового полка, продолжая наступать по олонецкому тракту, 10 августа выбил противника из Кескозера и устремился на Ипполитово и Утозеро. В наступление по тракту на Коткозеро командир полка ввел 3-й стрелковый батальон.

11—12 августа полки первого эшелона, овладев деревнями Утозеро, Ипполитово, Воронова Сельга, Гольват Сельга, Гижозеро, Ивасельга, вплотную подошли к Варлову Лесу и Панниле — последним пунктам ближайшей задачи дивизии. Но, ведя наступление по расходящимся направлениям, когда полоса по фронту возросла с 12 километров вначале до 30 километров к исходу дня 12 августа, и понесся значительные потери — при этом сопротив-

ление противника все усиливалось,— с выполнением задачи полки справиться не смогли.

Тогда командир 1065-го полка вывел на левый фланг 3-й стрелковый батальон с задачей обходом озера Гижозеро с юга овладеть деревней Паннилы. Одновременно командир дивизии ввел в бой второй эшелон — 1063-й стрелковый полк — правее 1065-го полка с задачей обходом Гижозера с севера разбить группировку врага в районе Паннилы и далее наступать в направлении Кинелахта — Большие Горы. Но контратакованный крупными силами, этот полк задачу не выполнил.

Однако наше наступление не на шутку встревожило финское командование. 11 августа Маннергейм вынужден был подписать приказ о переброске 4-й и 17-й дивизий с Карельского перешейка на петрозаводское направление. 14 августа передовые части этих дивизий уже принимали участие в контратаках против 272-й стрелковой дивизии. Учитывая сложившуюся обстановку, командование 7-й армии отдало приказ о переходе дивизии к обороне*.

В ходе наступательных боев дивизия сражалась самоотверженно. Об этом красноречиво говорит донесение политотдела Петрозаводской группы войск Военному совету 7-й армии: «В боях 10—14 августа части 272-й стрелковой дивизии дрались мужественно и вели наступление организовано. Начальствующий состав правильно ориентировался в обстановке, настроение бойцов хорошее. После столкновения с отдельными группами противника и разгрома их настроение бойцов еще более повысилось. Особенно хорошее приподнятое настроение было в подразделении капитана Чемуха Н. А., бойцы которого в бою 10 августа убедились в своей силе и трусости врага»**.

Мужественно и умело действовали в этих боях воины спецподразделений. Вот что писала, например, о медицинских работниках дивизионная газета «За нашу победу»:

«Военфельдшер медсанбата Мария Громова вместе с подчиненными санитарями пошла 10 августа на ротные участки. И в течение первого дня лично эвакуировала с поля боя 12 раненых. 11 августа, несмотря на сильный огонь противника, она продолжала продвигаться с пехотой и эвакуировать раненых. Многим она спасла жизнь. Но 12 августа оказалась и сама тяжело раненой».

«Военфельдшер Мария Волкова в разгар боя всегда

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 25191, д. 4, л. 46.

** Там же, оп. 5391, д. 10, л. 482.

появляется на передовой линии и оказывает помощь раненым. Чутко, внимательно, как любящая мать, ухаживает она за ранеными бойцами. Не раз во время боя бойцы просили Марусю уйти подальше, в укрытие. Но просьбы не действуют. Где нависает опасность, где разгорается бой, там появляется и Маруся Волкова».

«В деревне Н. (Березовый Наволок.— А. Ф.) находился небольшой медицинский отряд. Враг наседавал. Визжали пули, рвались мины и снаряды, а военфельдшер Леля Гращенко спокойно, с присущей ей деловитостью выполняла свою работу. То к одному, то к другому бойцу подползала она и перевязывала их горячие раны. Теплым ласковым словом поддерживала она дух бойцов. Лишь когда приказал командир, отошла она из деревни, сопровождая раненых...»

13 августа в районе Гольват Сельги финны обошли 2-й стрелковый батальон 1061-го полка и вышли в его тыл. Получив это сообщение, комдив для очистки дороги и уничтожения врага ввел в бой располагавшийся здесь саперный батальон дивизии. Одну из его рот повел участник гражданской войны лейтенант А. Кремнев. Другая рота получила приказ наступать слева от дороги.

Развернув роту повзводно, ее повел вперед политрук С. П. Иванов. Попад под фланговый огонь противника, бойцы рванулись вперед. И хотя пришлось трудно, саперы задачу выполнили — дорога была освобождена.

Преследуя отступивших финнов, саперные роты соединились со стрелковым батальоном и помогли ему освободить деревню Гольват Сельга.

Не обошлось без потерь. Пали смертью храбрых лейтенант А. Кремнев, парторг роты Данилов, связной Никифоров, скончался от осколочной раны в живот санинструктор Цветков...

НА ЗАНЯТЫХ РУБЕЖАХ

В связи с переброской на петрозаводское направление двух новых финских дивизий соотношение сил резко изменилось. Поэтому войскам Петрозаводской оперативной группы было приказано отойти на исходные рубежи.

Противник, имея значительное превосходство, стал яростно атаковать наши части. Повсеместно шли ожесточенные бои.

Комдив периода войны генерал-майор З. Н. Алексеев вспоминал:

«По показаниям пленного унтер-офицера, финны сосредоточили только на участке 1061-го стрелкового полка до двух полков пехоты, отдельные батальоны и большое количество тяжелых минометов и артиллерии.

В качестве плацдарма они избрали район населенных пунктов Варлов Лес — Паннила, перед которыми остановились полки нашей дивизии. 15 августа на рассвете вражеские минометы открыли ураганный огонь по нашим позициям. Вслед за этим противник перешел в наступление. Широко применяя свою тактику обтекания флангов и просачивания групп в тылы наших частей, финнам удалось нарушить связь между подразделениями 1061-го стрелкового полка; они отрезали пути и нарушили связь с 1-м стрелковым батальоном, которым командовал участник войны с белофиннами 1939—1940 годов орденосец старший лейтенант В. Ляховский. Когда пули засвистели не только с фронта, но и с тыла и флангов, некоторые заколебались. Чтобы ободрить бойцов, вернуть им веру в свои силы, комбат, умело расставив огневые средства, сам лег за станковый пулемет. Меткими очередями было уничтожено немало солдат противника.

Захлебнувшаяся атака белофиннов произвела перелом в настроении бойцов. По сигналу комбата они поднялись в контратаку, опрокинули врага и соединились с другими подразделениями полка.

Большую роль в отражении вражеских атак сыграли артиллеристы. Так, 1-я батарея 815-го полка 14 августа вела огонь прямой наводкой, находясь под непрерывным обстрелом врага. Артиллеристы уничтожили финский наблюдательный пункт, выгодно расположенный на тригонометрической вышке, а затем засыпали наступающего противника шрапнелью, внося опустошения в его ряды».

В этот же день в течение нескольких часов удерживала свои позиции небольшая группа зенитчиков под командованием младшего лейтенанта Николаева. Врагу удалось окружить ее. Тогда старшина Иван Дмитриев повел свой танк Т-26 на выручку зенитчиков. Пренебрегая опасностью, он вклинился в ряды финнов, давя и расстреливая их. Но когда кольцо окружения было прорвано, вражеский снаряд угодил в танк. Так, спасая своих товарищей, погиб отважный экипаж.

Образцы мужества проявили и пулеметчики 3-й роты 1065-го стрелкового полка, которой командовал старший лейтенант Г. Торговенко. Вражеская пуля сразила пуле-

метчика, затем был ранен в грудь наводчик А. Аверьянов, но, преодолевая боль, он снова прильнул к пулемету и продолжал уничтожать вражеских солдат. А когда мина повредила пулемет, истекающий кровью Аверьянов вытащил его с поля боя, чтобы и разбитое оружие не досталось врагу.

На левом фланге этого же полка, уже после отхода основных сил, еще долго держалась группа воинов 3-го стрелкового батальона под командованием начальника разведки дивизии капитана В. И. Леванчука и младшего лейтенанта Еричева.

Об этой группе генерал-майор З. Н. Алексеев вспоминает:

«Высота, на которой оборонялись бойцы, была окружена белофиннами. Помощи ждать неоткуда. Враги предлагали сдаться, обещая райскую жизнь в плену. В ответ наши бойцы еще более усилили огонь. Одну за другой они отразили пять яростных атак. Тогда капитан Леванчук принял смелое решение. Белофинны предполагали, что если окруженные и предпримут прорыв, то только в сторону к своим. Поэтому, когда наступила ночь, неприятель увеличил силы на предполагаемом участке прорыва. Этого-то и ждал смелый капитан. По его приказу находившийся здесь танк смял заслон врага в направлении его тыла и устремился в прорыв. В образовавшуюся брешь тотчас вошла наша пехота, забрав всех раненых и вооружение.

На следующий день, внеся панику в тылах врага, весь отряд через открытый участок вышел из окружения и соединился со своими подразделениями.

Действия В. Ляховского и В. И. Леванчука — участников советско-финской войны, — заключает З. Н. Алексеев, — служили примером для других командиров: тактике врага надо противопоставлять свою тактику».

Неудачно для неприятеля закончилась и попытка переправиться через реку Топорная. Комбат 1065-го стрелкового полка, находившийся рядом с наблюдательным пунктом полковой батареи 76-миллиметровых пушек, доложил командиру батареи И. П. Дьякову, что противник сосредоточивается для переправы через реку. Это отметили и наблюдатели батареи, обосновавшиеся на старой ели. Последовала команда, и батарея ударила по подготовившемуся к переправе через реку врагу.

Через несколько минут И. П. Дьяков сообщил:

— Молодцы. Здорово накрыли,— и объявил благодарность старшему на батарее Пашехонову и бойцам расчетов.

Понеся потери, противник не рискнул оставшимися силами переправляться через реку. Зато, воспользовавшись моментом, наша рота выдвинула в этом месте боевое охранение и твердо закрепила за собой плацдарм на правом берегу Топорной.

Не раз финны предпринимали атаки на нашу оборону и на других участках, но каждый раз наталкивались на стойкое сопротивление.

«Особенно,— рассказывал полковник Я. Г. Голубев,— их привлекало дефиле между озерами Гижозеро и Топорное, где держали оборону подразделения 1063-го стрелкового полка. Здесь финны предприняли немало атак на наши позиции, но успеха не имели. Воины полка каждый раз встречали их организованностью и мощным огнем».

Не достигнув успеха в полосе обороны нашей дивизии,— а она простиралась на 40 километров от озера Топорное на севере, по реке Топорная через Вагвозеро до Коткозера на юге,— противник перешел к обороне. Справа от дивизии действовали 24-й и 9-й отдельные стрелковые полки. Они обороняли рубеж между озерами Топозеро и Вогатозеро *. Слева, за 25-километровым никем не занятым участком, по реке Тулокса оборонялась 3-я дивизия народного ополчения.

Поскольку положение в полосе обороны 272-й дивизии стабилизировалось, противник, оставив здесь свою 1-ю пехотную дивизию и механизированную бригаду, бросил в район Сямозера 17-ю пехотную дивизию и другие резервы.

Действовавшие там 15-й полк НКВД и отдельные подразделения противостоят наступлению врага не могли. Учитывая это, командарм принял решение направить туда 1063-й полк 272-й стрелковой дивизии, который 26 августа занял рубеж в районе деревни Корза, что южнее Сямозера.

Пользуясь некоторым затишьем, в частях и подразделениях были подведены итоги первых боев. На партийных и комсомольских собраниях главное внимание уделялось бдительности и укреплению обороны, слаженности подразделений, мастерству каждого воина и взаимозаменяемости. Шло обучение новых командиров из числа рядово-

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 25191, д. 4, л. 46.

го и сержантского состава, выдвинутых взамен выбывших в дни боев.

В это же время весь личный состав смог вымыться в походных банях. Чистое белье, опрятность, подтянутость — тоже немаловажный фактор на фронте.

Впервые после прибытия дивизии на фронт поступили газеты и письма.

Кстати, о письмах... Они связывали бойцов с домом, с родными и близкими, со всем нашим тылом и имели большое воздействие на солдат. Поэтому командиры и политработники внимательно следили, чтобы почта вовремя приходила в подразделения.

Сводки Совинформбюро были тревожными. Тяжелая обстановка под Ленинградом. Немецкие войска подходили к Неве, финские — на Карельском перешейке — к реке Сестра.

В это время ни на минуту не затихали бои у Сямозера. Враг рвался к Петрозаводску, к Кировской железной дороге.

Учитывая сложность обстановки под Ленинградом, 23 августа Ставка разделила Северный фронт на два самостоятельных — Ленинградский и Карельский.

272-я стрелковая дивизия вошла в состав Карельского фронта.

Глава третья

СЕНТЯБРЬСКИЕ БОИ 1941 ГОДА

ДНИ ТРЕВОГ И ОГОРЧЕНИЙ

В конце августа, после того как финская Юго-Восточная армия вышла на Карельском перешейке на старую государственную границу, финское командование перебросило отсюда четыре дивизии и две бригады на Онежско-Ладожский перешеек. Таким образом, действовавшая здесь Карельская армия пополнилась крупными силами.

1 сентября финны начали большое наступление южнее Сямозера. Оборонявшиеся на 20-километровом рубеже 1063-й стрелковый полк нашей дивизии и малочисленный отдельный 15-й полк НКВД под натиском частей 11-й пехотной дивизии финнов, за которой разворачивались вновь прибывшие полки, вынуждены были отступить.

Группы бойцов 15-го полка НКВД отходили на юго-восток, к Пряже. 1063-й стрелковый полк выводился из-

под Корзы и должен был занять оборону в районе Маркелицы, чтобы прикрыть дорогу от Сямозера на Петрозаводск. В образовавшийся разрыв тотчас устремились части левого фланга 7-го корпуса финнов и 6 сентября заняли поселок Пряжа. 272-я стрелковая дивизия оказалась отрезанной от Петрозаводска.

4 сентября перешел в наступление 6-й корпус финнов на олонецком направлении. Сбив подразделения полков 67-й стрелковой дивизии, финны расчленили войска Южной группы и 5 сентября взяли город Олонец. Продвигаясь далее на восток, 7 сентября они перерезали у станции Свирь железную дорогу и вышли к реке Свирь, а 9 сентября форсировали реку и заняли плацдарм на ее левом берегу у Подпорожья.

Для дивизии наступала пора решительных испытаний. Она оказалась обойденной и с севера, и с юга. На ее левом фланге, совершенно открытом после отхода 3-й дивизии народного ополчения, сосредоточивались части 7-й пехотной дивизии финнов. Туда же подходила 17-я дивизия. По фронту по-прежнему действовала 1-я дивизия с пехотной бригадой в резерве. Справа на Пряжу вышла 11-я дивизия.

Путей отхода на восток у дивизии не было, так как восточнее олонецкого тракта царило полное безлюдье и бездорожье — на десятки километров тянулись леса и обширные болота.

В эти же дни немецко-фашистские войска достигли истока Невы и отрезали все сухопутные пути, связывавшие Ленинград со страной.

Все это обязывало усилить организаторскую и политико-воспитательную работу. И каждодневно в полках и подразделениях велась большая партийно-политическая работа. Работники политотдела дивизии и политаппарата полков оказывали практическую помощь политрукам рот и батарей, секретарям партийных и комсомольских организаций, агитаторам, редакторам боевых листов в организации их повседневной деятельности. Там, где позволяли условия, квалифицированные товарищи выступали перед бойцами с лекциями и докладами на различные темы: об общественном и государственном строе Страны Советов; о партии, направляющей советский народ и Красную Армию на разгром врага; о работе советского тыла; о международном положении; об обстановке на фронтах; об итогах первых боев дивизии; о советском патриотизме и пат-

риотизме русского народа на различных этапах истории Родины.

Комиссары, секретари партийных и комсомольских бюро полков заслушивали отдельных командиров и политработников об их работе, о политико-моральном состоянии личного состава подразделений.

Как правило, политработники на каждый день набрасывали план, в котором предусматривались вопросы проверки несения боевой службы, особенно в ночное время, состояния оружия, организации питания и отдыха бойцов, обеспеченности подразделений боеприпасами и всем необходимым для боя и жизни.

Немалую роль в политико-воспитательной работе играла личность начальника — его спокойствие, культура, подтянутость, дисциплина. Мелочей во всей этой работе не могло быть, передышки тоже.

8 сентября дивизия получила приказ отойти на рубеж Топозеро — деревня Нырки — река Тукша. Разведка, высланная в направлении Пряжи, 9 сентября доложила, что передовые подразделения противника уже подходят к озеру Пелдожское, что в 9 километрах южнее Пряжи, сокращая и без того малый маневр дивизии и еще более нависая над ее правым флангом.

Командир дивизии полковник М. М. Потапов, имея приказ о переходе на новый рубеж с утра 10 сентября, поставил перед своим резервом — двумя стрелковыми батальонами 1061-го и 1065-го полков — задачу: контратакой в направлении Святозеро — Пряжа уничтожить противника, вышедшего на тракт, и соединиться с частями вновь прибывшей 313-й стрелковой дивизии, которая подходила к поселку Пряжа.

В результате контратаки передовые подразделения противника были отброшены лишь на 4 километра, и малочисленные батальоны закрепились на достигнутом рубеже.

Как и предусматривалось планом перехода на новый рубеж, 1065-й стрелковый полк, оставив подразделения прикрытия, начал отход в 16.00 10 сентября, а 1061-й — в этот же день с наступлением темноты.

1065-й полк, используя особенности лесистой местности, снялся незамеченным. Иначе сложилось у 1061-го полка. Противник обнаружил начало отхода подразделений и тотчас перешел в наступление. К утру 11 сентября, настигнутый финнами, полк вынужден был вести бой в невыгодных условиях и понес значительные потери, лишился артиллерии и транспорта.

Нельзя не сказать об исключительном мужестве людей, особенно артиллеристов. Если пехота могла идти стороной, лесом, то повозкам и пушкам приходилось преодолевать путь по сплошному месиву совершенно испорченных дождями лесных дорог.

Немного легче было продвигаться повозкам, а пушки буквально тонули в грязи. И ни три пары лошадей, ни личный состав расчетов не могли вытащить орудия. А по пятам шел неприятель... Однако, если не было растерянности, то выходили и из этого, казалось, безвыходного положения. На помощь приходили другие расчеты, вытаскивали увязшую пушку, гатили топь и двигались дальше. Так действовали, например, артиллеристы 1065-го стрелкового полка. И когда командир и комиссар встретили 11 сентября свою батарею, вышедшую на олонецкий тракт, они объявили всему личному составу благодарность.

На новом рубеже обороны 1065-й полк занял позиции от южного берега Топозера по реке Тукша до деревни Нырки. Полковая артиллерия и минометы — в километре северо-восточнее деревни. Артиллерия дивизии, спецподразделения и штаб — в районе Святозера. 1061-й полк, измотанный боями и преследуемый противником, в ночь на 12 сентября тоже вышел в район деревни и стал занимать оборону влево от нее, на скатах высот северного берега реки Тукша.

Перед Тукшей на открытой пойме у шоссе — небольшой лесистый остров. Там боевое охранение. Все в ожидании...

Бой начался в расположении 1061-го стрелкового полка. Наступая лесами от Кескозера, противник пошел в атаку ранним утром 12 сентября, когда полк еще не успел окопаться. В завязавшейся жаркой схватке малочисленные подразделения с поредевшим командным составом дрались храбро, но вынуждены были отступать. Противник вот-вот мог перерезать дорогу севернее Нырков.

Связь полков со штабом дивизии была нарушена. Несмотря на все усилия связистов, наладить ее так и не удалось. Не имея связи с командованием дивизии и предупреждая угрозу выхода противника через рубеж 1061-го полка на дорогу и в свои тылы, командование 1065-го полка отвело артиллерию и минометы к озеру Суярламби, расположенному в трех километрах западнее деревни Христяны. Туда же в ночь на 13 сентября вышли и стрелковые подразделения обоих полков.

Дивизия была сжата и полуокружена на территории в 50 квадратных километров. Однако противнику не удалось ни разбить, ни расчленить ее на части. Она, хотя и ослабленная, осталась в едином кулаке.

Ранним утром стало известно, что противник вышел на перекресток дорог Святозеро — Лижма и перерезал дорогу на Кашканы — единственную, по которой был возможен выход дивизии на новый рубеж.

Исполняющий обязанности комдива майор Я. Г. Голубев (полковник М. М. Потапов отбыл в Петрозаводск) поставил 1061-му стрелковому полку задачу: совместно с 1-м батальоном 1065-го полка, артиллеристами 815-го артполка и бойцами спецподразделений выбить противника с перекрестка и освободить путь для отхода дивизии. Именно в это время в дивизию поступил приказ о занятии ею обороны на реке Важинка, датированный еще 10 сентября, который из-за выхода противника на дорогу в районе Пряжи был получен через офицера связи армии с опозданием на трое суток.

Около 10 километров по фронту, около двух — в глубину (позади довольно большое озеро Святозеро, а чуть южнее — группа малых озер и сплошные болота вокруг) — таков был весь «простор» для действий дивизии.

Бой закипел с рассветом. Противник крупными силами повел наступление от населенных пунктов Нырки и Пряжа — с запада и северо-запада. Затишье сменилось крошечным адом. Воины дивизии дрались самоотверженно. Туда, в самое пекло, шли люди с увесистыми ящиками патронов и мин. Падал сраженный вражеской пулей или осколком один, его ношу брал в придачу к своей другой... А навстречу, шатаясь, шли с наскоро наложенными повязками раненые, которых надо было бы нести, но несли только тех, кто сам уже совсем не мог двигаться.

Дорога находилась под артиллерийским и минометным огнем врага. Падали телеграфные столбы и вековые деревья. Под огнем оказались медпункты и полковые тылы. Отходя, они забили все полотно дороги в несколько рядов. Противник, обнаружив скопление, тотчас открыл по нему массированный огонь артиллерии и начал бомбить авиацией.

А воины дивизии дрались с удвоенной энергией. Вскоре в бой вступили ездые и повара, бойцы санитарных рот...

Пять атак отбили пулеметчики и артиллеристы на дороге юго-западнее Христьян. Противнику удалось вырвать-

ся вперед только тогда, когда уже были выведены из строя обе пушки, все пулеметы, многие бойцы...

В тот же день 1061-й полк совместно с 1-м батальоном 1065-го полка, имея 2 пушки 76-миллиметровой батареи этого полка под командованием И. П. Дьякова, выбил противника с развилки дорог олонецкий тракт — Кашканы и тем обеспечил выход дивизии на новый рубеж, указанный командармом в приказе от 10 сентября.

Однако часть арьергарда, находившегося западнее деревни, не знала, что противник выбит с перекрестка, и стала отходить по бездорожью. Бойцы оказались на болотах с островами и малыми озерами. В топях болот утонули лошади, а люди под артиллерийским огнем пробирались через открытые пространства, через острова с вековыми деревьями и буреломом и выходили на кашканскую дорогу.

Подразделения, что выбили противника с перекрестка, вместе с влившимися в них бойцами и командирами 24-го и 9-го полков — соседей справа, отходили по кашканской дороге тоже под массированным артиллерийским огнем врага. Политрук Ф. Д. Андреев и комбат И. П. Дьяков вспоминают, что при выходе на кашканскую дорогу они вдруг слышали стрельбу из ручного пулемета. Кто-то строчил по финнам, набросившимся на наши разбитые повозки. А когда отходящие бойцы вышли из поля зрения противника, пулеметчик снялся с позиции и кустами вдоль дороги догнал своих. Это был исполняющий обязанности начальника штаба 1065-го стрелкового полка капитан Сергей Владимирович Полянский.

К исходу дня командование, штаб, политотдел и спецподразделения дивизии сосредоточились в районе Важинской Пристани, на юго-западном берегу Святозера. 815-й артполк и оставшаяся часть резерва дивизии, прикрывшая его, соорудив плоты, переправилась в самом узком месте Святозера на восточный берег в район деревни Сюръя.

Из Важинской Пристани все раненые, способные передвигаться, были отправлены в район озера Лососинное. Об этом переходе П. В. Федосеев писал в газете «За нашу победу»:

«...По неизведанным тропам, по бездорожью, через вражеское полукольцо предстояло эвакуировать раненых. Надо было пойти на риск. Командир назначил проводником военфельдшера Аню Васильеву и был уверен, что она выведет. Командир не ошибся. На третий день раненые

были доставлены по назначению. Десятки километров тернистого пути остались позади».

Окружить и уничтожить дивизию врагу не удалось. Даже понеся значительные потери, она оставалась действующей.

Тогда же разведка дивизии установила, что финны вышли на кашканскую дорогу и перехватили ее у реки Чаром, в 10 километрах южнее Важинской Пристани. Стало ясно, что, не сумев разгромить дивизию на олонецком тракте, враг решил сделать это на кашканском проселке. Но он не знал, что дивизии был определен другой путь и другой оборонительный рубеж. Поэтому, сосредоточив на реке Чаром крупные силы, он встретил здесь лишь далеко не полный батальон прикрытия, который был создан утром 14 сентября по приказу майора Я. Г. Голубева специально для того, чтобы не допустить противника в район сосредоточения дивизии.

Батальон состоял из бойцов и командиров разных подразделений разных полков, вышедших из-под деревни Христяны. Его командиром был назначен И. П. Дьяков, а я — комиссаром.

В трех ротах батальона насчитывалось менее двухсот человек. Из 8 офицеров только два были из стрелковых рот. Все вооружение — винтовки, два ручных, один станковый пулемет да три 50-миллиметровых миномета.

В 10 часов утра, после того как были составлены списки и разъяснена задача, батальон выступил на выполнение задания.

Другой батальон, созданный таким же образом из бойцов 1061-го полка, занял оборону в районе деревни Сигнаволоок на южном берегу Святозера.

В это время дивизия начала выходить в верховья реки Важинка. А позади, сдерживая врага, вели бой батальоны прикрытия.

Главный удар противника пришелся на наш батальон. Надо сказать, что хотя Дьяков был артиллеристом, он сумел правильно распределить силы и расставить людей. «Если враг все-таки пойдет с фронта, — сказал он мне, — то тебе, комиссар, лучше быть на правом фланге. Я же останусь здесь, на дороге, на случай, если он начнет обходить нас слева».

Как и предвидел комбат, противник нанес удар по левому флангу батальона, пытаясь окружить его.

Тогда комбат отвел часть сил с центрального участка, от моста на дороге, и бросил их на разгром противника,

прорвавшегося на крайнем левом фланге. В ходе яростного боя, переходившего в рукопашную, И. П. Дьякову удалось разбить просочившиеся вражеские группы и даже захватить у финнов пушку. Но в этом бою Иван Прокофьевич был ранен. Командование этой группой принял прибывший к месту боя комиссар полка М. Уваров.

Более 6 часов батальон сдерживал противника, дав дивизии возможность значительно оторваться от неприятеля. И лишь тогда, когда финны оказались в тылу батальона, он двумя частями — левофланговой под командованием комиссара М. Уварова и правофланговой, которой командовал я, — стал отходить на восток.

К дивизии выйти нам уже не удалось. Лишь на четвертые сутки, голодные, по бездорожью, вынося раненых, обе группы разными путями вышли в район станции Ладва. Там батальон временно вошел в состав понесшей большие потери 3-й дивизии народного ополчения, которую к этому времени принял генерал-майор Ф. П. Судаков.

БОИ ЗА ПЕТРОЗАВОДСК

16 сентября 272-я дивизия заняла оборону в верховье реки Важинка. К этому времени в ней оставалась всего одна артиллерийская батарея, имелось только стрелковое оружие, очень мало оставалось боеприпасов, не было продовольствия и средств их доставки, не было возможности и госпитализировать тяжелораненых. А главное, не было транспортных путей на Петрозаводск.

Вот почему надлежало в предельно короткие сроки построить колонный путь к Петрозаводску. Это имело первостепенное значение — без пищи и боеприпасов боец не боец. Поэтому, продолжая уделять внимание обороне, командование и политотдел, опираясь на коммунистов и комсомольцев, мобилизовали большую часть личного состава дивизии во главе с 555-м саперным батальоном на строительство дороги.

В результате героического труда за четыре дня был проложен колонный путь к городу. И уже 20 сентября в дивизию прибыл первый транспорт с продовольствием и боеприпасами. Были эвакуированы все раненые. Теперь каждый знал: дивизия не в изоляции, что имело большое значение для морально-политического состояния воинов.

Это еще раз подтверждало, что партийно-политическая работа, не подкрепленная делами, — беспредметна, исполненная действием — окрыляет.

20 сентября дивизию принял генерал-майор М. С. Князев. Теперь ему, недавнему начальнику кафедры тактики Академии имени М. В. Фрунзе, предстояло применить теорию на практике, да еще на таком сложном участке и в крайне обострившейся обстановке.

Прибыв в дивизию, М. С. Князев первым делом стал знакомиться с людьми, с которыми ему предстояло воевать. Он останавливал бойцов и командиров, беседовал с ними, расспрашивал обо всем. Одним из них оказался младший политрук Ф. Д. Андреев, уж прослышавший о новом комдиве. На вопрос генерала, кто он, представился: «Политрук 4-й роты 1065-го стрелкового полка. Проходил службу в 1933—1935 годах в Курске в 46-м Нырлинском полку 16-й Краснознаменной дивизии имени Киквидзе». Глаза комдива потеплели: в годы, названные политруком, он командовал этой дивизией. Генерал крепко пожал руку бывшему сослуживцу.

Отправляясь из штаба армии в дивизию, комдив получил приказ о переводе соединения на новый оборонительный рубеж в районе озер Лососинное — Машозеро, чтобы с юго-запада отразить атаки врага на Петрозаводск*.

Переход завершился к 23 сентября. Сюда же прибыл 1063-й стрелковый полк, который почти месяц находился в отрыве от дивизии и также вел активные оборонительные бои. Особенно напряженными для него были дни с 5 по 11 сентября, когда в тыл полка в районе Падозера проникла вражеская диверсионная группа. Понесся в боях не меньший урон, чем и другие полки дивизии, он, несмотря на это, остался боеспособной единицей. При отходе от Корзы на Маркелицы в неимоверно тяжелых условиях саперы полка и выделенные им в помощь бойцы в короткие сроки через болотные топи проложили многокилометровый колонный путь, по которому полк отошел, сохранив всю материальную часть.

Находясь с 11 сентября в Петрозаводске, 1063-й полк пополнился личным составом из маршевых рот, пограничниками и бойцами расформированного 12-го московского батальона.

Когда дивизия выходила в новый район, полк, прибыв в ее распоряжение, оказал ей помощь всеми силами и средствами, в том числе повозками, походными кухнями, в чем она так нуждалась в это время. Однако уже 23 сентября был выведен в резерв армии 1061-й стрелковый

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 87, с. 107.

полк — как понесший наибольшие потери. И дивизия вновь осталась с двумя стрелковыми полками.

На новом рубеже генерал М. С. Князев поставил 1063-й стрелковый полк на правом фланге: озеро Лососинное — река Перти — отметка 190, а 1065-й полк — на левом: Лососинное — Машозеро. На флангах непрерывно действовали разведки полков и дивизии.

Учитывая тактику перехвата дорог противником, перед саперами дивизии была поставлена задача построить колонный путь к разъезду Деревянка.

24 сентября командование 7-й армией принял генерал армии К. А. Мерецков. Генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко стал его заместителем*.

Новый командующий, уже неделю находившийся здесь как представитель Ставки, знал сложную обстановку в армии. В своих воспоминаниях он пишет, что был прежде всего обеспокоен положением дел на свирском участке, теперь главном для армии, выделенной из состава Карельского фронта и становившейся отныне 7-й отдельной армией, подчиненной непосредственно Ставке. Там левый фланг (по нижнему течению реки Свирь), хотя и частично, был прикрыт. А соединения, действовавшие под Петрозаводском, выйти для прикрытия средней и верхней Свири пока не могли.

Несмотря на это, выделив всего лишь один разведывательный батальон на тракт Шелтозеро — Вознесенье, для прикрытия верховья Свири, командарм основные силы сосредоточил для обороны Петрозаводска.

К. А. Мерецков приказал 272-й стрелковой дивизии оставить в районе Лососинного — Машозера 1063-й стрелковый полк и спецподразделения, а 1065-й стрелковый полк послать на помощь 313-й стрелковой дивизии, оказавшейся в полукольце в районе поселка Матросы. Многократно повторенные полком атаки для освобождения тракта у поселка Матросы, без артиллерийско-минометной поддержки и в связи с его малочисленностью, успеха не имели. Но, отвлекая на себя силы противника, полк облегчил 313-й дивизии выход в новый район обороны на реке Шуя.

В это время осложнилось положение у подразделений 1063-го стрелкового полка. Атакуя с фронта, противник отдельными подразделениями стал выходить в батальонные тылы, в расположение штаба полка и на дорогу Лосо-

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 87, л. 116.

синное — Петрозаводск. Одну из групп врага, вышедших к штабу и на дорогу, по которой в полк шел обоз, было приказано ликвидировать взводу под командованием сержанта И. М. Голицына. Бойцы дружной атакой разгромили налетчиков и вызволили шефское знамя тихвинцев, захватили 12 автоматов, боеприпасы и другое имущество.

К 26 сентября фронт придвинулся непосредственно к Петрозаводску. С севера, со стороны станции Шуйская, оборону заняла вновь сформированная 2-я стрелковая бригада под командованием полковника М. М. Потапова, вернувшегося из госпиталя, с северо-запада на участке Сулажгора — Бесовец — 37-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Д. Державина. На юго-западе у озер Лососинное — Машозеро оставалась наша 272-я дивизия. С юга, в районе Орзег, встала 1-я стрелковая бригада под командованием генерал-майора Я. А. Аввакумова.

Кроме этих двух дивизий и двух бригад других сил для защиты города не было. Из них лишь 272-я дивизия, хотя и малочисленная, являлась проверенным полуторамесячными боями соединением. Другие были сформированы только что из бойцов обескровленных сражениями полков и батальонов, а также маршевых рот.

В связи с отъездом командарма для руководства боями на свирском участке, командование войсками под Петрозаводском возлагалось на генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко.

272-я дивизия находилась значительно западнее всех других частей. Учитывая это, генерал Гореленко приказал отвести ее на рубеж озер Денное — Половинное, в 5—7 километрах юго-западнее Петрозаводска.

Во время подготовки к выходу на новый рубеж героически погибла Аня Андреева. Получив распоряжение парторга батальона М. И. Симагина, она отправилась верхом на коне к командованию за получением указаний на передислокацию медсанбата. В пути на связную напала финская разведка. Лошадь была убита. Аня открыла огонь по врагу из карабина. Аня вела бой до последнего патрона. Вражеская разведка отступила, даже не посмея подойти к отважной девушке, уже убитой.

В то время, когда дивизия вела бои за Петрозаводск, отдельные группы бойцов после боев на олонекском тракте и на реке Чаром выходили на восток, в район станции Ладва. Из числа вышедших в эти места бойцов и коман-

диров был сформирован стрелковый батальон двухротного состава для прикрытия станции и железной дороги, связывающей Токари с Петрозаводском.

После того как часть танковой колонны Лагуса нанесла по прикрытию сильный удар от поселка Ладва и обошла его с тыла, батальон, потеряв большую часть личного состава, перестал существовать. Оставшиеся в живых воины отошли в верховье Свири. Туда же выходили бойцы и командиры 3-й дивизии народного ополчения, не успевшие отойти к Петрозаводску.

В последние дни сентября противник усилил нажим на Петрозаводск.

С юга, после боев под Ладвой, к городу подошли 7-я пехотная дивизия финнов и танковая группа Лагуса. Усилив огонь артиллерии, враг шел в одну атаку за другой против оборонявшихся здесь бойцов бригады Я. А. Аввакумова, а также воинов 272-й дивизии — составленного из артиллеристов отряда под командованием комиссара 815-го артполка А. Ф. Аксенова, поддерживаемого единственной сохранившейся батареей А. Ф. Виноградова.

К вечеру 28 сентября части 272-й дивизии были перемещены на юго-западные окраины Петрозаводска, где вместе с другими частями еще двое суток дрались за город. На рассвете 30 сентября финны, изрядно хлебнув спиртного, полураздетые, пошли в психическую атаку на стыке между 1065-м и 1063-м полками. Когда вражеские цепи подошли на 150—200 метров, на них был обрушен шквал огня из всех видов оружия. Атака была отбита. Перед передним краем осталось лежать более двухсот трупов.

Враг нес большие потери. Но таяли и ряды обороняющихся. К тому же силы были неравны.

В этот же день, 30 сентября, противник, сбив батальоны 1-й стрелковой бригады с занимаемых ими рубежей, навис над флангом 1065-го стрелкового полка. Поэтому командование к полудню отдало приказ на отход. Дивизии предстояло, оставив надежные арьергарды, отойти на переправу к Соломенному, а затем занять оборону по реке Шуя.

В ночь на 1 октября части 272-й дивизии стали выходить в район поселка Соломенное для переправы через пролив. Сюда же подходили другие воинские части, железнодорожники, жители Петрозаводска. Однако здесь, кроме одного небольшого парома, других средств переправы не было. Полки оказались в тяжелом положении: дорога на Шую перерезана, к северо-западу от поселка

болото, к востоку — озеро. А в 2—3 километрах юго-западнее переправы уже завязались арьергардные бои.

Попытка пробиться по дороге на Шую не увенчалась успехом. Один из двух имевшихся танков подорвался на mine, а разведка была встречена сильным огнем и с потерями отступила. Тогда было принято решение выйти к реке Шуя через болото. Спустя 3 часа полки дивизии по болоту подошли к реке и по железнодорожному мосту переправились на ее левый берег, где и заняли оборону. Арьергарды после боя на ручье Студенец тем же путем вышли к переправе, а затем — к реке.

Более суток подразделения дивизии вместе с частями других соединений вели оборонительные бои на Шую. Несколько танков, проскочивших по дороге Петрозаводск — Шуя еще до того, как она оказалась перерезанной противником, поддерживая дивизию, вступили в единоборство с вражескими орудиями.

В это время командир нашей дивизии генерал-майор М. С. Князев был назначен командиром Медвежьегорской оперативной группы, выделенной из состава 7-й армии*. Дивизию принял полковник И. И. Романов, а комиссаром был назначен И. А. Малашенков. В это же время дивизия получила приказ: в составе двух стрелковых полков передислоцироваться на Свирь. А 815-й артиллерийский и 1061-й стрелковый полки после боев под Кондопогой были выведены в Медвежьегорск с тем, чтобы после доукомплектования прибыть также на Свирь.

Так заканчивался первый труднейший этап боевой деятельности дивизии. Многие из тех, кто встал в ее ряды под Тихвином, выбыли: одни пали в боях на карельской земле, другие оказались в госпиталях, а после излечения — в новых соединениях. Но основное ядро, пройдя через огонь и невзгоды первых месяцев войны, окрепло и закалилось.

В этих боях дивизия возмужала и приобрела опыт борьбы с опасным врагом. По данным разведотдела армии и по сообщениям самого противника, только 1-я пехотная дивизия финнов, наступавшая вместе с другими частями против нашей 272-й дивизии, потеряла примерно половину своего личного состава. Финны понесли также значительные потери в вооружении и технике.

Что касается допущенных в ходе первых боев просчетов и ошибок, то они стали предметом детального обсуждения командования, партийных и комсомольских органи-

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 87, л. 116.

заций. Еще многому предстояло научиться, чтобы не только сдерживать, но и побеждать врага.

Глава четвертая

НА ОШТИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

ВРАГ ОСТАНОВЛЕН И ВЫБРОШЕН ИЗ СЕЛ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В конце сентября по приказу командарма для прикрытия верхней Свири в район Вознесенья прибыл 74-й отдельный разведывательный батальон (ОРБ) 71-й стрелковой дивизии. В его состав входили рота броневиков (бронерота), две мотороты и спецвзвода. Сюда же из-под Шелтозера вышел взвод младшего лейтенанта П. С. Фролова и из-под Ладвы — 28 человек из состава батальона прикрытия. Для выполнения инженерных работ прибыл 41-й дорожно-строительный батальон.

Возглавлявшие 74-й разведбатальон майор В. Ромонов и старший политрук М. Н. Булгаков, по указанию командования Южной опергруппы, подчинили себе всех, кто к тому времени оказался в этом районе, и организовали оборону на левом берегу Свири от Вознесенья до Вязострова. Нас с Фроловым, представлявших 272-ю дивизию, назначили: его — командиром мотороты, меня — политруком бронероты.

Рота Фролова заняла оборону на правом фланге в районе Вознесенье — Кара, рота А. Тарзалайнена — в районе Иваньково.

Это было 30 сентября. А в ночь на 1 октября противник зажег артогнем Вознесенье и 7-й пехотной дивизией форсировал Свирь. Ввиду явного превосходства врага подразделения батальона начали отход; рота Фролова — на Лябушки — Вожероксу и частью сил по Онежскому каналу; рота Тарзалайнена — на Кузру — Бараны (3 октября она соединилась с батальоном).

Опасаясь за левый фланг, майор Ромонов приказал командиру бронероты В. И. Ловыгину, оставив броневики в распоряжении штаба, с двумя взводами разведать район выхода противника на плацдарм. Удалось установить, что враг занял Юксовичи и начал движение в направлении Винницы. 5 октября финны, наступая от Юксовичей на восток, заняли деревню Бараны и были на пути к Травни-

кам. В тот же день разведчики, возвращаясь в расположение батальона и проскочив развилку у Травников, были обстреляны на поле у деревни Левино.

Между тем они не были обнаружены и враг стрелял не по ним, а по двум девушкам, которые до этого прятались в кустах, и когда увидели наших разведчиков, бросились к ним через открытое пространство. Девушки назвались учащимися и сказали, что пробираются к своим из Карелии.

Можно было бы не упоминать об этом обычном для той поры эпизоде, если бы эти девушки не оказались разведчицами, будущими Героями Советского Союза Аней Лисицыной и Марией Мелентьевой. Именно тогда с ними познакомились и беседовали командир бронероты В. И. Ловыгин, комиссар разведбата М. И. Булгаков и другие.

...Позднее, 15 июля 1942 года, нашей разведкой они были переправлены за линию фронта в тыл врага. А 8 августа через оборону 3-го стрелкового батальона 1065-го полка Маша Мелентьева возвратилась с задания уже одна, встреченная теми же разведчиками. На командном пункте комбат капитан И. Е. Буханец одним из первых принимал ее. И тут в присутствии разведчиков она рассказала о гибели Ани...

6 октября бои переместились в район Левино — Кирпичный завод — запань на канале. В этот день противник продвинулся на 2—3 километра южнее и восточнее Левино и захватил Кирпичный завод на вознесенской дороге. 74-й ОРБ занял оборону по высотам севернее и западнее деревни Коромыслово, два взвода — на канале у запани, а на развилке дорог в Коромыслове стояли броневики, готовые к атакам неприятеля с севера и запада. Таким образом, по трактам от Подпорожья и Вознесенья оборона была организована должным образом. Но на север от Коромыслово и особенно на юг и юго-восток от Левино никаких сил не было.

Воспользовавшись этим, противник к вечеру 6 октября занял деревню Симаново и захватил дот на вознесенской дороге.

В это время в районном центре Ошта готовился к выступлению на фронт созданный там истребительный отряд. Отряд, разделенный на две группы, отправился на задание в ночь на 7 октября, не имея сведений о противнике. Группа, вышедшая в Коромыслово, встретила с командованием батальона и ознакомилась с обстановкой. Груп-

па же, направившаяся в Симаново, обнаружила в деревне финнов. Под покровом ночи бойцы отряда подобрались к крайним постройкам и подожгли их. Выскочившие из домов финны были частью перебиты, другие отступили к лесу.

Командование батальона, получив известие о выходе противника на левый фланг, направляет две роты для восстановления положения у дота на вознесенской дороге и одновременно до взвода бойцов под Симаново. В результате активных действий всех подразделений в течение 7 и 8 октября враг был остановлен. Коромыслово оставалось в наших руках.

Тогда противник обрушил на Коромыслово серию зажигательных снарядов. Деревня запылала. Языки пламени перебрасывались с одного дома на другой, на деревья. К утру лишь печные трубы сиротливо глядели в небо. Оборона переместилась к деревне Андреево.

Противник, имея крупные силы, восемь дней бросал целую дивизию против двух спецбатальонов, но смог продвинуться всего на 15—18 километров.

Ошта с расходящимися от нее дорогами была важным пунктом обороны, который нужно было удержать во что бы то ни стало. Ввиду малочисленности наших сил подразделениям приходилось менять позиции по нескольку раз в день. И финны, всюду наталкиваясь на сопротивление, подтягивали силы, перегруппировывали их.

Чтобы отстоять Ошту, требовалось подкрепление. И оно пришло. Под вечер 9 октября сюда прибыли первые два батальона 272-й стрелковой дивизии.

Баржи с личным составом 1063-го и 1065-го стрелковых полков, спецподразделений и штаба дивизии отошли от Кондопоги и Суйсарь по Онежскому озеру 4 и 5 октября. Части дивизии выгрузились в устье реки Водла и двинулись на Вытегру. Стокилометровый путь преодолели с огромными трудностями, так как транспорта не было, а дорога — сплошное месиво грязи.

Когда полки пришли в город, местные партийные и советские органы выделили транспорт, и 9 октября первые стрелковые подразделения прибыли на машинах под Ошту. Батальон 1063-го стрелкового полка подошел к деревне Андреево, а батальон 1065-го стрелкового полка — к Тарасной и далее вверх по течению реки Ошта. Вслед подошли другие батальоны, подтянулись спецподразделения. Штаб дивизии расположился в районе Перхинской, там же медсанбат и тылы.

Против действовавшей здесь 7-й дивизии финнов вправо от Залесья до обводного канала развернулись роты 1063-го полка, влево от Карпиной на Мироново и далее — 1065-го полка. Передовые подразделения сразу же вошли в соприкосновение с противником.

Наши позиции почти всюду были крайне невыгодными. Противник находился на высотах, и вся оштинская пойма была перед ним как на ладони.

В эти дни с фронтов поступали тревожные вести. Сжималось кольцо вокруг Одессы, был оставлен Киев, враг продвигался по левобережной Украине. Ни на час не утихла битва за Москву. А рядом немецко-фашистские войска рвались на соединение с финнами.

Маннергейм бросил внушительные силы на свирский плацдарм. Левофланговая 21-я стрелковая дивизия упорно дралась у Свирьстрога, 272-я — под Оштой. А между ними — семидесятикилометровый неприкрытый участок, и финны шли по нему, правда, в замедленном темпе.

После перегруппировки и некоторой передышки финны вновь двинулись в наступление, в том числе и под Оштой. 10—12 октября противник вел интенсивный огонь по нашим позициям, бросал вперед свои подразделения, но выйти на оштинский простор не мог.

В последующие два дня противник, почувствовав серьезное сопротивление, от наступления отказался. Это подтвердили и разведчики 74-го ОРБ, совершившие дерзкий налет на рубеж врага по вознесенской дороге.

Пользуясь обстановкой, две роты разведбата и рота 1063-го полка 14 октября предприняли наступление на Поздняково и Залесье. И хотя деревни взять не удалось, наши войска значительно улучшили позиции. На следующий день, учитывая серьезность положения на левом фланге дивизии, весь 74-й отдельный разведывательный батальон, теперь подчиненный командованию 272-й дивизии, получил приказ комдива передислоцироваться на левый фланг дивизии, в район северо-западнее Копова.

Опыт, приобретенный в Карелии, позволил сделать правильные выводы: противник, умелый в ведении боев в лесу, избегал движения и боя на открытых участках и предпочитал действовать в лесистой местности. А левый фланг был именно таким, и выход противника здесь мог серьезно осложнить положение дивизии.

16 октября крупные силы 16-й армии немцев начали наступление из района Любани — Вишеры на Грузино, Будогощь, Тихвин с целью соединения с финскими войс-

ками на Свири. В свою очередь, финнам надлежало активизировать свое наступление навстречу немецким войскам.

В этой ситуации командарм К. А. Мерецков выдвинул прибывшую из резерва Ставки 114-ю стрелковую дивизию на винницкий тракт, в район Тумазы. В задачу дивизии и подошедшей 46-й танковой бригады входило наступление по тракту и дорогам в направлении Гоморовичи — Юксовичи. Одновременно приказ к наступлению получили 21-я и 272-я стрелковые дивизии.

Наша 272-я должна была сковать силы противника, которые действовали на оштинском направлении, и не дать им возможности перегруппироваться в направлении Бараны — Юксовичи.

Исходя из этой задачи командир дивизии принял решение: силами 1063-го стрелкового полка активизировать действия в направлении на деревню Андреево — обводный канал и выйти на высоты западнее и северо-западнее Коромыслово; силами 1065-го полка нанести основной удар по группировке врага, вышедшей к реке Ошта и на левобережные высоты в районе Гневашево — Симаново — высота 128,8; 74-му разведбату надлежало вести разведывательные бои на левом фланге дивизии, в районе северо-западнее Копова — высота 113,8, включая подпорожский тракт западнее Левино.

К исходу 18 октября все подразделения получили задачи и ночью заняли исходное положение для наступления. Враг превосходил нас численностью и огневыми средствами. Мы не располагали артиллерией. В этой обстановке решающее значение имели моральный настрой и боевой дух воинов. От этого зависел успех предстоящих действий. Поэтому перед командирами и политработниками стояла задача утвердить в сознании бойцов твердую решимость исполнить свой долг перед Родиной во что бы то ни стало.

С рассветом 19 октября 1-й стрелковый батальон 1065-го полка, продвигаясь по полям и перелескам, повел наступление на деревни Поздняково, Залесье и Гневашево. Противник открыл по ним пулеметный огонь. Роты залегли и открыли ответный огонь, под прикрытием которого стали продвигаться их передовые взвода.

К вечеру два взвода 1-й стрелковой роты находились уже в 400 метрах от Залесья, полуокружив деревню справа и слева. А ранним утром 20 октября бойцы с криком «Ура!» ворвались в Залесье. Противник отступил к лесу.

На следующий день 2-я стрелковая рота при поддержке

3-й роты этого же батальона, воодушевленная успехом товарищей, предприняла рывок и овладела деревней Гневашево. Противник и на этом участке отступил к лесу.

В результате этих действий позиции наших подразделений значительно улучшились.

2-й стрелковый батальон 1065-го полка вел наступление на левом фланге в лесистой местности. Уже 19 октября он выбил противника с занимаемых позиций и овладел высотой 128,8. Его 6-я рота под командованием политрука И. Мошникова, преследуя отступающего противника, продвинулась к высоте 113,8 и установила контакт с моторотой 74-го разведбатальона.

В этом бою пример мужества показал пулеметчик А. Тетчись. Когда финны своим огнем прижали к земле наши цепи, он выдвинул пулемет на высотку и стал очередями обстреливать противника. Финны открыли по пулемету минометный огонь. Красноармеец был тяжело ранен, но не оставил позицию. Его огонь и позволил бойцам 6-й роты и роты В. И. Ловыгина овладеть высотой и продвинуться вперед.

В это время бойцы моторот А. И. Дзерновича (принял командование ротой после ранения А. Тарзалайнена) и П. С. Фролова вели разведку на дороге, идущей в Левино, и дошли до тракта в районе Левино — Травники.

3-й стрелковый батальон 1065-го полка с утра 19 октября двумя ротами атаковал деревню Симаново. Главный удар наносила 7-я стрелковая рота, а 8-я должна была отвлечь противника. Однако, как только 8-я рота начала действовать, противник тут же накрыл ее сильным артиллерийским и минометным огнем и, прижав бойцов к земле, заставил прекратить огонь. В связи с этим тяжело сложились дела и у 7-й роты. Согласно приказу, бойцы, ведомые ротным и политруком, бросились в студеную воду Ошты, перебрались на противоположный берег и ворвались на окраину деревни Симаново, но были остановлены пулеметным огнем. Мокрые (а стоял довольно крепкий мороз), они отстреливались, но и сами несли ощутимые потери... И роты вынуждены были вернуться на исходный рубеж.

В этом бою погибли командир роты лейтенант С. В. Бондарчук, бойцы Андреев, Бобрищев, Васильев, Едовенко, Кимлер, Колесин, Сахаров...

Задача осталась невыполненной. Тогда командование полка приказало выбить противника с занимаемых позиций и занять деревню Симаново. Выполнение задачи воз-

лагалось на 8-ю стрелковую роту младшего лейтенанта И. Е. Буханца численностью немногим более 30 человек. Трудно, но приказ надо было выполнить.

Через выставленных наблюдателей и одного из жителей Симаново командир роты установил, что на ночь финны отводят основные силы к лесу, а в деревне оставляют лишь небольшое охранение. Этим и решил воспользоваться ротный. Вместе со связным, разведав путь, он разминировал его и в 5 часов утра вывел роту для броска на Симаново. После короткой схватки с охранением финнов деревня оказалась в наших руках.

Было ясно, что противник не смирится с потерей столь выгодного рубежа, поэтому бойцы заняли вражеские траншеи сразу за крайними постройками и подготовились к отражению атак врага.

Так и было. Финны, встревоженные перестрелкой, сначала выслали разведку, а затем открыли по роте минометный огонь. После этого они предприняли первую атаку, но были отбиты. Около восьми утра до 50 вражеских солдат повторили атаку. Захлебнулась и она. Тогда противник повел обстрел из дальнобойной артиллерии и под его завесой начал третью атаку. Рота Буханца отбила и ее. Когда наступил день, финны бросились в четвертую атаку. Расстреливаемые в упор, они и на сей раз не достигли цели.

В боях за деревню финны потеряли более 100 человек убитыми и ранеными. В роте же Буханца было лишь двое убитых и четверо раненых. Симаново осталось в наших руках.

Так хорошая разведка и знание тактики врага позволили и малыми силами выполнить приказ командования.

В этот же день подразделения 2-го стрелкового батальона 1065-го полка, взаимодействуя с 74-м разведбатальоном, выбили противника из деревни Осипово и заняли ее.

В бою за эту деревню отличился комсорг 5-й стрелковой роты сержант А. Арзютов. В тот момент, когда рота попала под губительный огонь противника и был ранен пулеметчик, Арзютов бросился к пулемету, передвинул его на лучшую позицию и меткими очередями отбил атаку финнов. Это и решило исход боя — бойцы поднялись в атаку, опрокинули неприятеля и заняли деревню.

Итак, в течение трехдневного наступления полка противник на этом участке в ряде мест был выбит со своих позиций.

Однако, не желая мириться с потерей выгодных рубе-

жей, он ввел в бой резервы из района деревни Бараны и усилил артиллерийский и минометный огонь. Но активно действовали и наши подразделения. Продолжали вести наступление 2-й и 3-й стрелковые батальоны 1065-го полка в районе Копово и северо-западнее деревень Осипово и Симаново. Непрерывно действовал 74-й ОРБ. Его роты ежедневно атаквали финнов в районе высоты 113,8, на дороге Левино — Копово, постоянно выходили на тракт между деревнями Бараны и Левино.

28 октября две роты ОРБ под командованием Ловыгина и Дзерновича совместно с 6-й ротой 1065-го полка организовали наступление на высоту 113, 8. Одновременно рота П. С. Фролова вышла севернее высоты на дорогу Левино — Копово и вступила в перестрелку с врагом. Пользуясь замешательством противника, три роты с фронта бросились на высоту и закрепились на ней. Финны предприняли контратаку, но безрезультатно.

На следующий день противник снова пытался выбить наши подразделения с высоты. Но в это время в его тыл проникла наша разведрота, а также было предпринято наступление 5-й роты 1065-го стрелкового полка юго-восточнее высоты 113,8 и одной роты 1063-го полка на канале. Поэтому противник не вернул утраченного и в этот день.

29 октября к активным действиям перешел 1063-й стрелковый полк. (Накануне была организована имитация наступления в направлении развилки дорог, где находилась деревня Коромыслово, в результате чего удалось выявить оборону и расстановку огневых средств противника.)

Сумрачным утром наши подразделения стали скрытно выходить к вражеской обороне, но противник обнаружил их. Застучали пулеметы, град пуль обрушился на наступающих. В этот момент пехоту активно поддерживали броневики разведбатальона. Бойцы, чувствуя поддержку броневигов, дружно бросились в атаку. Неприятель дрогнул и попятился. Уже позади осталось Коромыслово — последний из захваченных врагом на вологодской земле населенных пунктов.

Нельзя не сказать о мужестве, проявленном в этом бою командиром взвода младшим лейтенантом А. Копылом. Получив пулевое и осколочное ранения, он продолжал возглавлять атаку и одним из первых поднялся на гребень высоты. Лишь там он упал и был вынесен с поля боя.

На следующий день противник пытался вернуть Коро-

мыслово, но тщетно. Захваченный в плен 31 октября финский капрал заявил: «Солдаты воевать не хотят и в победу не верят, они ждут скорейшего окончания войны».

Все первые дни ноября финны вели интенсивный огонь по нашему переднему краю. Особенно они усердствовали на левом фланге дивизии. Боевое охранение на высоте 113,8, возглавляемое командиром взвода младшим лейтенантом А. Печенниковым, непрерывно подвергалось атакам и минометному обстрелу.

Наступил праздник Великого Октября. В Москве состоялось торжественное собрание и парад войск в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Вечером 7 ноября командарм генерал армии К. А. Мерецков получил тревожную вест: немцы под Тихвином; Ленинград мог лишиться последней дороги, по которой подвозились к Ладоге грузы для осажденного города. Под угрозой оказалась и 7-я отдельная армия, особенно ее левофланговые части и соединения.

Ставка назначает Кирилла Афанасьевича командующим 4-й армией, действовавшей на тихвинском выступе, не освобождая от командования и 7-й отдельной армией. В 7-й армии остался его заместитель генерал Ф. Д. Гореленко.

Отправляясь в 4-ю армию, К. А. Мерецков взял из состава 7-й армии ряд частей, в том числе 1061-й стрелковый и 815-й артиллерийский полки 272-й стрелковой дивизии, прибывшие из-под Медвежьегорска и временно находившиеся на станции Оять.

Основным участником действий дивизии по-прежнему оставался район Свири, где находились командование, штаб, политотдел, управление тыла, все спецподразделения и где продолжали обороняться 1063-й и 1065-й стрелковые полки.

В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ 1941 ГОДА

Ноябрь 1941 года для 7-й отдельной армии был относительно спокойным. Войска устраивали и укрепляли оборону. 272-я дивизия располагалась на правом фланге армии — под Оштой. Ее передний край протяженностью более 20 километров проходил от Жабенца на Онежском озере через оштинские гряды до отметки 113,8 севернее Копова.

Стояла настоящая зима. Крепчали морозы, выжимая

на лугах подпочвенные воды, образуя мощные наледи. Бойцы вгрызались в мерзлую землю, сооружали ячейки, окопы и землянки для обогрева и отдыха. Впереди, на угрожаемых местах и на незанятых участках, саперы расставляли мины, строили другие препятствия. Малочисленные роты приводили себя в порядок и частично пополнялись за счет возвращавшихся в строй после излечения легких ранений бойцов.

В эти дни в подразделениях шел разбор итогов минувших боев. Большое внимание уделялось выступлениям И. В. Сталина по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Все политработники постоянно находились в подразделениях. Было что сказать бойцам и услышать от них.

Тогда же в дивизию прибыло более 100 политбойцов — членов ленинской партии и комсомольских активистов. Всего в 1941 году партия направила на фронт 100 тысяч политбойцов. Они были призваны партией цементировать ряды армии в начальный период войны. У них одно право — быть на самых трудных участках, быть всегда впереди.

Одним из таких политбойцов был К. М. Назаров, по прибытии в дивизию назначенный замполитом полковой батареи 1065-го стрелкового полка, избранный партторгом подразделения и введенный в партийную комиссию дивизии. С парткомиссией прошел он много раз по всем подразделениям соединения. За отзывчивость, душевность и личный пример люди тянулись к нему, шли с открытым сердцем, потому что знали: ему можно доверить самое сокровенное — он обязательно откликнется, поможет словом и делом.

Важную роль в деле воспитания воинов выполняла дивизионная газета «За нашу победу». В одном из ее номеров младший политрук М. И. Симагин писал: «Мы поставили перед собой задачу помочь каждому бойцу изучить доклад товарища Сталина и его речь на Красной площади 7 ноября 1941 года. Бойцы проявляют к этим выступлениям исключительный интерес. Пропагандисты Савичев и Аня Кожевникова провели уже по три занятия. Коммунист Вербов и комсомолка Оля Гращенко провели несколько бесед. Все они несут в массы правдивое большевистское слово, показывают пример в выполнении своего служебного долга. Большую работу выполняют редакторы боевых листков тт. Бурашников, Васильева и Титкова. Они выпустили по несколько боевых листков. Лучшие люди

тт. Охотин, Соловьев и Колесников приняты кандидатами в члены ВКП(б)».

В период сентябрьских боев дивизия потеряла немало различного снаряжения, материалов и имущества, и теперь это остро ощущалось. Отсутствовал автотранспорт, не было даже обыкновенных повозок, а без транспортных средств армия — не армия.

Понимая это, воентехник автотранспортной роты дивизии П. М. Богомоллов с группой бойцов объехал окружающие районы и из бросовых кузовов, моторов, колес собрал несколько повозок и две автомашины.

Тогда же связист В. М. Ульянов писал в газету: «Если к телефонному аппарату и к кабелю относиться бережно, они смогут служить годы. Поэтому мы уделяем самое серьезное внимание бережному отношению к имуществу».

Командование и политработники провели большую работу в этом направлении. Четкое закрепление за каждым бойцом и командиром вверенного имущества, контроль за их состоянием, строгий порядок в этом столь же важном, как и все другие стороны фронтовой жизни, деле являлись непременным условием обеспечения успешных боевых действий.

Нельзя не вспомнить добрым словом сотрудников газеты П. В. Федосеева, В. Я. Голанта, А. С. Смоляна и вновь назначенного редактора В. В. Щеголева. В газете регулярно печатались подборки, посвященные боевым действиям, группам специалистов.

Например, 24 ноября 1941 года газета напечатала подборку о действиях медицинских работников в минувших боях.

Хирург П. Е. Михайлова написала об отважном санитарном строителе Владими́ре Петрушине, который во время октябрьских боев вынес из-под огня 27 тяжелораненых бойцов и командиров с их оружием. Начальник медико-санитарного батальона А. Александров и сотрудник газеты А. Смолян рассказали о санитарях Куликове и Крохине, делавших все, чтобы спасти и выходить раненых.

С большим материалом выступил литературный сотрудник газеты П. В. Федосеев. В статье «Фронтовые подруги» он писал:

«Когда вероломный враг напал на нашу Родину, на поля сражений вышли вместе с миллионами ее верных сынов бесстрашные дочери русского народа. В тяжелые минуты боя наши девушки — фронтовые подруги — находи-

лись на самых ответственных местах, где бушевали огонь и смерть.

...Группа бойцов направлялась в разведку. Вместе с ними пошла и Ира Сергеева. По незнакомой местности, где каждую минуту могла произойти встреча с врагом, по лесам и болотам десять дней шел отряд. Тяжелый был путь, но Ира мужественно вынесла всю тяжесть этого похода, оказывая медицинскую помощь разведчикам...»

В этой связи нельзя не сказать о командире санитарной роты 1061-го стрелкового полка военвраче Л. И. Айзенштадт, которая прошла с полком весь путь с первого до последнего дня войны. А сколько воинов своими жизнями обязаны ей!

Однако главным на фронте остается борьба с врагом, и этому придавалось первостепенное значение. Для выяснения ближайших замыслов противника в двадцатых числах ноября командование дивизии поставило перед разведбатальоном задачу уточнить обстановку на участке севернее отметки 113,8, а полковым разведчикам — на своих участках.

Во время поиска дивизионные разведчики увидели на лесной дороге легкой возок с офицером и двумя солдатами, которые следовали с передовой в Левино. Редко-лесье по болоту перед дорогой не позволило подойти скрытно к дороге. Выстрелами с расстояния один солдат был ранен. Когда конь попятился назад, офицер выпрыгнул из возка и побежал в глубь леса. Разведчики бросились в погоню, но догнать его смогла лишь пуля. Тем временем второй солдат умчался к Левино. Забрав оружие, сумку с картой и документами убитого офицера, разведчики без потерь, но и без пленного возвратились в батальон. Документы давали некоторые сведения, но не отвечали на основной вопрос, поставленный командованием.

Финны, в отместку за налет, через два дня ночью, обойдя дозоры, подобрались к стоянке рот разведбата и пытались забросать ее гранатами. Выскочившие из землянок бойцы открыли интенсивный огонь. Финны отошли. К счастью, наши потери были небольшими. Но факт этот настораживал и обязывал повысить бдительность.

В конце ноября в дивизию прибыло пополнение. В основном это были мобилизованные из Вологодской области люди старших возрастов, а также выписавшиеся из госпиталей.

Некоторое время вновь прибывших учили пользоваться оружием, техникой, учили навыкам ведения боя, а затем

включили в состав подразделений, где их обучением занялись уже опытные бойцы.

В дивизию поступили также две артиллерийские батареи, переданные из соседней 114-й стрелковой дивизии, несколько минометов и автоматы. Это дало возможность организовать в полках минометные подразделения, полковые батареи и роты автоматчиков.

Пополнение людьми, подкрепление огневыми средствами и прибытие в район Вытегры нового соединения означало, что этот участок находится накануне важных событий. Либо готовится наступление, или что-то задумал враг. Во всяком случае, предстоят большие бои.

С нашей стороны усилилась деятельность разведчиков, выявлявших систему огня противника, его расположение. Временами они пробирались к огненным точкам врага и забрасывали их гранатами.

По-прежнему вызывал тревогу неприкрытый участок между нашей и соседней дивизиями. В ночь на 1 декабря финны, пройдя через него, совершили налет на деревни Курваши, Рысельга и Ивки, значительно удаленные от переднего края.

Боевая деятельность сторон усиливалась. Финны не переставая вели артиллерийско-минометный обстрел наших позиций, командных пунктов, а иногда и тылов. Наиболее активно действовал противник в районе отметок 113,8 и 128,8, у Коромыслова и на обводном канале. Его артиллерия не переставала бить по Оште и по дорогам, ведущим к ней. Ежедневному обстрелу подвергался командный пункт 1063-го полка, находившийся в здании церкви в Оште. С каждым днем это единственное каменное строение оползало, деформировалось, но по-прежнему продолжало стоять. Командный пункт оставался на месте.

Особенно неистовствовали финские войска в первые дни декабря. В связи с успешными действиями наших войск под Тихвином окончательно рушились планы соединения их с немцами.

В этот период наши бойцы стали применять формы индивидуальной борьбы с врагом. Красноармеец С. А. Закатов, служивший в дивизии со дня ее формирования, участник боев за Перекоп в 1920 году, из слухового окна дома выследил и убил одного, а затем еще двух финнов, открыв личный счет истреблению фашистских захватчиков.

Это были первые выстрелы отважного снайпера, инициатива которого скоро была широко подхвачена многими

воинами нашей дивизии, а затем и других соединений армии.

3 декабря начала наступление 54-я армия Ленинградского фронта. Шли упорные бои в районе Медвежьегорска. Чтобы не дать противнику перебрасывать свои силы со свирского участка в районы активных боев, 7-й отдельной армии было приказано перейти в наступление против группировки врага, занявшей плацдарм южнее Свири, и сковать ее своими действиями.

272-я дивизия должна была нанести удар по полкам 7-й дивизии финнов в районе Левино — Никаново — Воже-рокса.

Командир дивизии решил направить в тыл противника 74-й ОРБ с целью перерезать дорогу Левино — Шустручей. Одновременно должно было начаться наступление с фронта.

В ночь с 14 на 15 декабря 74-й батальон в полном составе, кроме тылов и небольшого прикрытия, оставшихся северо-западнее Копово, встал на лыжи и двинулся на север. В лютый мороз по глубокому снегу, покрывавшему землю, молча, без перекуров и привалов батальон преодолел многокилометровый путь в глубокий тыл противника.

В этом походе душой батальона, лишенного связи со своими и какой-либо поддержки, были коммунисты и комсомольцы, командиры и политработники. Бывалые, обстрелянные бойцы добрым словом и крепкой рукой поддерживали новичков.

После короткого привала, вблизи шоссе между Травниками и Левино, подразделение к вечеру вышло к намеченной цели — деревне Погост, что в пяти километрах севернее Левино.

Наскоро подготовившись к бою, батальон двумя ротами предпринял атаку. Встреченный огнем пулеметов, в том числе крупнокалиберных, ценой отчаянных усилий и больших потерь он сумел захватить часть деревни и перерезать дорогу. Но обескровленные в бою, подвергаясь контратакам финнов, роты были вынуждены отойти.

Не располагая силами для повторения атаки, вынося тяжелораненых, батальон вечером 16 декабря вернулся в свое расположение.

Своим неожиданным броском разведчики вызвали замешательство в стане врага, отвлекли внимание финнов от переднего края. Однако перерезанную дорогу удержать им не удалось.

15 декабря в наступление перешли полки дивизии. Но

хорошо укрепившийся противник встретил наступающих плотным огнем и контратаками.

Исключительно жаркие схватки были на участках 1-го и 2-го батальонов 1065-го стрелкового полка. Бои здесь не утихали шесть суток. Боевое крещение получили и новички, попробовали свои силы и автоматчики. Враг был скован и нес немалые потери. Ему было уже не до переброски своих сил на другие участки фронта. Он сам нуждался в подкреплении.

Наши потери тоже были большими. Только один санинструктор М. С. Харитонов за дни боев вынес с поля боя 38 раненых бойцов и командиров. В схватке у высоты 113,8 погибли отважные автоматчики вновь сформированной роты Г. Я. Кузнецов, Е. Я. Шестаков, М. В. Проха, В. Я. Шарыгин и другие.

Люди дрались мужественно, стараясь во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу, но продвинуться вперед так нигде и не смогли. На то было немало причин. Во-первых, наступление велось против сильного противника, хорошо организовавшего оборону и всемерно поддерживаемого артиллерийско-минометным огнем; во-вторых, у нас было много новичков, впервые шедших в бой и не умевших воевать с опытным противником; в-третьих, наступление имело крайне слабую артиллерийско-минометную поддержку — в полках дивизии было всего лишь 16 орудий; в-четвертых, сказались, видимо, и недостатки в организации наступления, в определении задач отдельным подразделениям, в том числе и 74-му разведывательному батальону.

И все же свою задачу — измотать силы финнов, не дать им возможности перебрасывать свои полки на другие участки фронта — дивизия выполнила.

Этими наступательными боями заканчивался для 272-й стрелковой дивизии тяжелейший 1941 год.

Дивизия вновь перешла к обороне. Днем и ночью бойцы долбили мерзлую землю, углубляли окопы и ходы сообщения, строили настилы над пулеметными гнездами, рыли и накрывали толстыми накатами жилые землянки, создавали целый ряд других оборонительных сооружений.

Наибольшую трудность в строительстве обороны представлял участок 1063-го полка, простиравшийся к северу от Коромыслово. Здесь, в низине, подразделения не могли углубляться в землю, — им пришлось наращивать бруствер изо льда и снега, на что потребовались огромные усилия. При всем этом командиры ни на минуту не забывали, что

главной задачей и в обороне является беспощадное истребление врага всеми средствами и методами.

Уходил 1941 год. Провожая его и встречая новый 1942-й, оставшиеся в живых вспоминали отдавших жизнь за нашу Родину.

Почти пять месяцев, проведенных дивизией в боях, неузнаваемо изменили людей. Они стали настоящими солдатами, а соединение в целом — обстрелянным, боевым, стойким. Сотни воинов получили повышение по службе и новые воинские звания, а наиболее отличившиеся стали орденосносцами.

В 1941 году награждали не щедро. По всем фронтам, флотам и флотилиям, по воздушным армиям было награждено немногим более тридцати тысяч человек. Семьсот из них были воинами 7-й отдельной армии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 ноября по 7-й армии было награждено 485 воинов и более 200 — Указами от 17 и 27 декабря 1941 года и 1 января 1942 года за бои под Тихвином, в том числе более 50 награжденных было из 272-й дивизии. Среди них командир взвода гаубичной батареи 815-го полка лейтенант С. С. Корсаков, командир батареи 1065-го полка старший лейтенант И. П. Дьяков, командир стрелкового взвода 1063-го полка А. В. Копыл, командир стрелковой роты 1061-го полка старший лейтенант А. С. Болот, командиры батарей 815-го артполка П. И. Камышан, С. С. Перетяцько и Н. А. Ткач, комиссар батареи 815-го артполка В. И. Крапивин, начальники разведки полков А. М. Рыбчинский и И. Е. Цвиров, командир санитарной роты 1061-го полка военврач Л. И. Айзенштадт, сержанты Д. М. Пирогов, А. И. Головкин, Л. К. Хмелев, Д. Т. Широков, красноармейцы Г. С. Марченко, И. А. Никаноров, С. Я. Зверев, Н. А. Митрофанов, Г. И. Светлов, В. И. Маршалов, В. Р. Полуянов, Д. Ф. Силкин, Д. Ф. Флеганов, Н. И. Хобихоже и другие.

В январе 1942 года 74-й ОРБ был расформирован. Его бойцы, за небольшим исключением, вошли в состав подразделений 272-й дивизии.

По завершении Тихвинской операции в район села Андроновское и под Ошту возвратились 1061-й стрелковый и 815-й артиллерийский полки дивизии. Здесь они были пополнены за счет вновь призванной молодежи из приладожских районов Ленинградской области и командным составом из военных училищ.

Как же проявили себя воины этих полков, участвуя в боях под Тихвином в составе 4-й армии?

Глава пятая

УЧАСТИЕ В ТИХВИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

ПЕРВЫЕ БОИ В НОВОМ РАЙОНЕ

8 ноября 1941 года, поднятые по тревоге, воины 1061-го стрелкового и 815-го артиллерийского полков походным маршем отправились под Тихвин. Благодаря большой организаторской и политико-воспитательной работе тяжелый стодвадцатикилометровый путь по бездорожью и топям они преодолели менее чем за три дня.

11 ноября полки прибыли под Тихвин и вместе с другими частями 7-й отдельной армии вошли в только что образованную Северную оперативную группу. Командиром этой группы был назначен генерал-майор А. А. Павлович, а военкомом — Т. П. Лесняк.

В этот день командарм на совещании командиров и комиссаров полков, соединений и оперативных групп поставил задачу, которая сводилась к тому, чтобы, не давая противнику передышки, активизировать действия на всех направлениях, используя преимущества, вытекающие из растянутого фронта противника и нашего охватывающего положения.

Первый бой воинов нашей дивизии произошел за хутор Вехтуй.

Получив известие о выходе противника на этот хутор, командование Северной оперативной группы спешно создало специальный отряд из имевшихся в его распоряжении подразделений для нанесения внезапного контрудара по врагу. Во главе отряда был поставлен командир 1061-го полка майор А. В. Зуевич.

На подготовку к бою было отведено очень мало времени. Накоротке прошли партийные и комсомольские собрания. Перед выступлением на исходные позиции в подразделениях состоялись митинги, на которых красноармейцы клялись с честью выполнить поставленную задачу.

— Я клянусь,— говорил комсомолец А. В. Глушко,— что буду драться с подлым врагом, не щадя крови и самой жизни. Я буду беспощадно мстить фашистским кровопийцам за то, что они посягнули на мою Родину, за то, что они зверски замучили мою мать.

По сигналу ровно в 4 часа утра наши подразделения внезапно двинулись на врага. Уничтожив охранение, бойцы ворвались на хутор, где безмятежно спали гитлеров-

цы, и, прежде чем те пришли в себя, накрыли их пулеметно-ружейным огнем и гранатами. Лишь небольшой части удалось спастись бегством. На месте боя остались свыше 150 вражеских трупов, 20 фашистов сдались в плен. Наши бойцы захватили 14 автомашин, 2 танка, броневик, 2 орудия, штабные документы, а также ящик с железными крестами, предназначенными для награждения.

Осматривая захваченные трофеи, наши воины обратили внимание на автомашины, в которых лежали одежда, обувь, детские игрушки и многое другое, отобранное фашистскими мародерами у населения.

«Вот с кем приходится иметь дело», — говорили бойцы и командиры, глядя на трупы фашистских вояк, на которых были надеты женские платки, детские шарфики и другие вещи. Эти вопиющие образцы деяний фашизма на нашей земле сильнее любых слов звали советских воинов к беспощадной мести.

В бою за хутор был ранен командир отряда майор А. В. Зуевич. Тогда командование отрядом принял начальник разведотдела 7-й отдельной армии. Наступление продолжалось. К утру отряд, преследуя немцев, приблизился к усадьбе колхоза «Смычка». Здесь противник, используя выгодные позиции и подтянув свежие силы, встретил наших бойцов ожесточенным огнем. Движение приостановилось.

Тогда командование Северной оперативной группы решило предпринять наступление в направлении селения Кайвакса — важного пункта на основной дороге, ведущей к Тихвину с севера.

Противник превратил Кайваксу в опорный пункт, заминировав подступы к деревне, приспособив к бою надежные строения. В некоторых из них гитлеровцы поставили танки и штурмовые орудия, проделав в стенах бойницы.

О том, что Кайвакса срочно превращена врагом в сильный опорный пункт, наше командование точно не знало, но предполагало, что это так. Поэтому по приказу К. А. Мерецкова в отряд были включены 1061-й стрелковый и 815-й артиллерийский полки 272-й дивизии, 514-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, две роты 46-й танковой бригады и подразделения 305-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии. Во главе отряда был поставлен комбриг В. В. Викторov. На подготовку боя за Кайваксу ушли целые сутки. Следовало разработать план боя и довести его до исполнителей, добиться

усвоения каждым бойцом и командиром своей задачи, обеспечить подразделения всем необходимым.

Большую работу провели командиры и политработники. Они рассказали бойцам о только что прошедшем бое за хутор Вехтуй, который был выигран благодаря внезапности, четкой организации, ясному пониманию каждым бойцом своей задачи и боевой решимости всех воинов.

Исходя из опыта и учитывая целый ряд других обстоятельств, было решено наступление провести ночью без артподготовки. Артиллерийско-минометная поддержка планировалась лишь в случае необходимости. Основной удар по противнику должен был нанести в обход слева 1061-й полк, а подразделениям 44-й стрелковой дивизии предстояло наступать в обход опорного пункта справа.

13 ноября в 5 часов утра стрелковые полки начали атаку. Стремительный бросок подразделений, нацеленных на свои объекты, обеспечил успех. Гитлеровцы в панике бежали, оставив на поле боя убитых и раненых, танк, поставленный в сарае для ведения огня, другое вооружение и технику. Кайвакса оказалась в наших руках.

С рассветом пехота противника при поддержке нескольких танков предприняла контратаку и отбросила не успевший закрепиться отряд на исходный рубеж. В тот же день наши подразделения вновь пошли в атаку, но, контратакованные врагом, опять были вынуждены отойти.

Три раза этот населенный пункт переходил из рук в руки. Наконец во второй половине дня 16 ноября отряд В. В. Викторова, усиленный двумя ротами 46-го танкового полка, штурмом овладел Кайваксой и отбросил неприятеля к поселку Березовик.

После ликвидации опорного пункта немцев в районе Кайваксы наши войска значительно приблизились к Тихвину. Противник прилагал все усилия, чтобы остановить наше наступление на город.

С 17 ноября начались бои одновременно за колхоз «Смычка», поселки Березовик, Погорелец, Пашский Кордон и Усть-Шомушка. И во всех этих боях принимали участие подразделения 1061-го стрелкового и 815-го артиллерийского полков нашей 272-й дивизии.

В овладении Березовиком важная роль выпала 2-му батальону 1061-го полка. После окончательного освобождения Кайваксы старший лейтенант А. И. Губанов, который только что заменил выбывшего комбата, решил упредить неприятеля, войти в его тылы и захватить господствующую высоту. Немцы заметили приближение наших

бойцов и попытались задержать их. Следовавший в боевых порядках пехоты командир пулеметной роты старший лейтенант П. А. Морозов, быстро оценив обстановку, развернул свои отделения, сам лег за пулемет и открыл по противнику уничтожающий огонь. Егу примеру последовали все расчеты. Тут же Губанов командовал: «В атаку!» — и первым бросился вперед. За ним последовали командир роты старший лейтенант Т. С. Абрамов и начальник разведки полка И. Е. Цвиров. Вслед за командирами в атаку пошли бойцы. На высоту устремилась цепь русских штыков. Немцы, страшась рукопашной, бросив оружие, бежали.

Этим тотчас воспользовались танкисты 46-го полка и с десантом наших пехотинцев на машинах ворвались в Березовик. Поселок был освобожден. На поле боя осталось немало вражеских трупов. Наши бойцы захватили минометы, рацию и другое военное имущество.

Едва неприятель был выбит из Березовика, 1-я и 2-я батареи 815-го арtpолка продвинулись на окраину поселка, туда, где они в июле формировались, и установили там свои пушки. Получив известие, что в районе вокзала скапливается пехота противника, по команде: «По немецким захватчикам — огонь!» — артиллеристы дружно ударили по врагу.

Стремясь сохранить за собой Тихвин, немцы создали на подступах к нему сильные узлы сопротивления. Они построили здесь широко разветвленную систему окопов, дерево-земляные огневые точки с орудиями и пулеметами, закопали в землю танки, превратив их в бронированные огневые точки, заминировали проходы. Нашим воинам, наступавшим с севера, предстояло сокрушить эти укрепления.

Захват узла сопротивления в районе колхоза «Смычка» возлагался на батальон старшего лейтенанта А. И. Губанова и отряд подполковника В. И. Василенко. Противник открыл по наступающему батальону огонь из всех видов оружия, но пехотинцы предприняли отчаянный бросок вперед и ворвались в расположение немецкой обороны. Комбат Губанов, бежавший впереди, бросился в немецкий блиндаж и очередью из автомата уничтожил семь фашистов, так и не успевших сообразить, что произошло. Следовавший за ним командир роты Т. С. Абрамов застрелил трех гитлеровцев в находившемся поблизости сарае.

Казалось, задача вот-вот будет решена. Однако немцы

нанесли по наступающим сильный бомбовый удар и вслед за ним предприняли контратаку. Наше наступление здесь приостановилось.

Исключительную активность, мастерство и волю в борьбе с врагом проявили бойцы и командиры 5-й батареи 815-го арtpолка. Урон, наносимый противнику батареей, был весьма ощутим: ее меткие залпы достигали захватчиков как в «Смычке», так и в Стретилове. Командир батареи А. П. Сточко и комиссар В. Я. Сомов были душой подразделения. Они добились высокой слаженности в работе расчетов, мастерства ведения огня, воспитали отвагу в каждом воине. Исключительное внимание уделялось организации непрерывной разведки и умелой корректировке огня, которой занимались разведчики взвода управления. Во время боев постоянно находился на наблюдательном пункте командир этого взвода лейтенант И. И. Чиж. Там, на боевом посту, он и погиб. Разведчики Г. С. Марченко и И. Колотушкин в условиях непрерывного огня со стороны врага не покидали своих постов, расположенных на деревьях.

Вот несколько эпизодов из боевых действий разведчика Г. С. Марченко. 19 ноября со своего поста, устроенного на сосне, он заметил движение немецких автомашин с солдатами по дороге на Стретилово. Доложил на батарею. И вот головная машина, объятая пламенем, преградила путь остальным. В ответ противник бросил в наше расположение несколько мин. Одной из них перебило сук, на котором находился корректировщик. Тогда Марченко поднялся по дереву еще выше и продолжал корректировать огонь батареи. Шесть немецких машин было уничтожено.

В другой раз, находясь вблизи немецких позиций, Марченко слышал удары, как будто в колокол. Оказалось, что так собирали на завтрак немецких солдат. Разведчик сообщил о своих наблюдениях на батарею. К обеду Марченко вновь был на сосне. Вскоре появилась кухня и повара ударили в колокол. У кухни собралось несколько десятков фашистов. Тотчас ударила и наша батарея. Враг был уничтожен...

Одновременно с боями за Березовик было предпринято наступление на Усть-Шомушку с целью перерезать шоссе Тихвин—Воскресенское. Для этого был образован отряд под командованием начальника штаба 46-й бригады майора Г. Бацкуаури. В него вошли и разведчики 1061-го стрелкового полка. Часть сил отряда подошла

к деревне на расстояние ружейного выстрела. Противник дрогнул. Но минные поля задержали танки, и атаки не получилось. Один наш танк был подбит и оказался в нейтральной зоне. Вечером на его охрану были направлены разведчики из 1061-го стрелкового полка А. А. Викторov, И. Ф. Зябкин, В. Н. Милашкин и А. П. Кузнецов. Смельчаки подобрались к танку и залегли возле него. Через некоторое время сюда устремились и немцы. Бойцы подпустили их поближе и дружно ударили из автоматов... Тогда фашисты открыли по засаде минометный огонь. Разведчики укрылись под танком и остались невредимыми. Решив, что засада уничтожена, к танку направилась новая группа вражеских солдат. Но и она вынуждена была отойти ни с чем. Тогда фашисты стали стрелять по танку зажигательными снарядами. Разведчики отползли от него, а затем, видя, что охранять уже нечего, вернулись к своим, нанеся противнику урон и не дав ему захватить наш танк.

БОИ ЗА ГОРОД ТИХВИН

19 ноября войска 4-й армии перешли в наступление на врага. К этому времени противник был не только остановлен, но на ряде участков оттеснен на 10—12 километров. На ближних подступах к Тихвину находились: с востока — вновь прибывшая 65-я стрелковая дивизия и части 44-й дивизии; с северо-востока — 191-я стрелковая дивизия; с севера и северо-запада — войска, прибывшие из 7-й армии, в том числе части 272-й дивизии.

В первые дни наступления наши войска перехватили дороги к югу от Тихвина, но пути на запад и юго-запад по-прежнему оставались в руках противника. Чтобы преградить немцам пути отхода на станцию Цвылево и перерезать шоссе Тихвин — Воскресенское, командование поставило задачу занять деревни Овино и Заручевье. Выполнение ее возлагалось на 1061-й стрелковый полк нашей 272-й дивизии и 305-й стрелковый полк 44-й дивизии. В боевые порядки этих полков была переброшена 1-я батарея 815-го арtpолка. Для скрытности выдвижения батареи пришлось избрать тяжелый путь и преодолеть 700 метров болота. Бойцы и командиры тащили на себе орудия, передки, снаряды, вытаскивали то и дело увязающих лошадей.

Батарея преодолела болото и своевременно заняла огневые позиции в районе деревни Горелуха. Тут артилле-

ристы встретились с укрывавшимися поблизости жителями деревень Овино и Заручевье. Со слезами на глазах бросились они к своим освободителям. Среди сельчан оказались семьи красноармейца Е. Г. Ионов и командира орудия Е. Бакулина. Выслушав рассказы женщин о зверствах фашистских грабителей и насильников, Е. Г. Ионов и его товарищ по расчету С. Акшев попросили у командования разрешения сходить на разведку. Получив «добро», двое смельчаков отправились в путь.

Тропками, знакомыми Ионову с детства, они пробрались сначала в одну, затем в другую деревню. Там они все разузнали и, не замеченные немцами, возвратились на батарею. Доложив командованию о расположении сил и огневых средств врага, они помогли выкатить орудия на позицию для стрельбы прямой наводкой. Е. Г. Ионов указал дом, в котором располагался немецкий штаб. Грянул залп. Покачнулся, рухнул его родной дом, а Ионов только крикнул: «Это вам, гады, за нашего председателя!»

Позднее, когда противник был выбит из деревни, бойцы поняли слова товарища. Среди давно окоченевших, не убранных трупов местных жителей лежало тело председателя колхоза со следами страшных пыток. Тем же вечером воины приняли участие в похоронах жертв фашистского разбоя.

Выполнив задачу по перехвату дороги на Воскресенское, подразделения двинулись дальше. Командир батареи, прежде чем отправиться на передовой наблюдательный пункт, отдал распоряжение о готовности к отражению возможных вражеских атак со стороны Тихвина. И действительно, после полудня послышался шум моторов. Комбат Н. И. Камышан передал на батарею команду: «Приготовить орудия для стрельбы прямой наводкой». В голове немецкой колонны двигалась бронемашина, следом за ней — семь легких танков.

После двух выстрелов расчет Д. Т. Широкова подбил бронемашину, танки повернули назад.

В период наступления войск 4-й армии в районе Тихвина подразделения 272-й стрелковой дивизии, как уже говорилось, действовали в направлении колхоза «Смычка» и на рубеже Стретилово — Пашский Кордон. Задержка на левом фланге, в районе колхоза, побудила командование 1061-го полка активизировать действия на правом фланге, западнее Стретилово. Здесь вел бой 1-й стрелковый батальон. Его поддерживали 2-я и 4-я батареи 815-го арtpолка.

Вражеский рубеж был сильно укреплен. Вдоль него — сплошные линии окопов полного профиля с блиндажами в шесть-семь накатов. Дорогу между опорными пунктами патрулировали легкие танки и броневики. Все подступы были плотно заминированы и обнесены проволочными заграждениями.

20 ноября ротам удалось обойти Пашский Кордон справа и подойти к шоссе. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Взвод, занимавший деревню Новый Погорелец, был неоднократно атакован превосходящими неприятельскими силами. В этих боях неоценимую помощь пехоте оказала 2-я батарея лейтенанта А. Ф. Виноградова. Своим огнем она отбила четыре атаки фашистов. Это позволило не только удержать занятые позиции, но и выбить захватчиков из деревни Красная Нива. В бою отличились артиллеристы В. Р. Полуянов, Н. И. Хобихоже и Г. И. Светлов. Они разили врага прямой наводкой, подавляли его огневые точки и в глубине обороны.

Особой дерзостью отличался расчет старшего сержанта Григория Виноградова. В Пашском Кордоне стоял всего один дом. Выяснив, что к нему тянутся линии связи, и получив разрешение, Г. Виноградов вывел пушку для стрельбы прямой наводкой... Когда позднее туда пробились пехотинцы, из-под рухнувших перекрытий дома было извлечено восемь трупов гитлеровских офицеров...

Между Стретиловым и Пашским Кордоном шоссе было перерезано, но западнее оно оставалось в руках немцев. Перед артиллеристами 2-й и 4-й батарей была поставлена задача держать этот участок под прицелом, не давать противнику перегруппировывать силы. Батареи успешно выполняли эту задачу. Подтянув орудия к шоссе, расчеты методично уничтожали вражеские автомашины и тягачи, бронемашины и танки.

В один из дней на пригорке показалась немецкая бронемашина. Расчет Виноградова первым же выстрелом подбил ее. А когда на дороге появились четыре немецких танка с прицепами, в которых находились вражеские солдаты, артиллеристы снова открыли огонь и уничтожили прицеп первого танка. Танк попытался развернуться и ударить по нашему орудью, но артиллеристы следующими выстрелами разбили второй танк с прицепом. После этого танки отползли назад.

Нужно отдать должное командиру артполка майору Я. Я. Рубену. Прекрасно знавший свое дело, неутоми-

мый труженик, он успевал бывать везде и всюду, передавая знания своим подчиненным. Его постоянно видели в дивизионах, на батареях, в расчетах.

Столь же активно действовали и наши минометчики. Они часто получали благодарность от пехотных командиров за удачно накрытые вражеские огневые точки и скопления пехоты. Однажды за завалом из поваленных деревьев минометчики заметили продвигающихся фашистов, и расчет А. И. Барыхина тут же накрыл цель.

В конце ноября разгорелись бои за населенный пункт Лазаревичи — важный узел сопротивления врага, прикрывавший пути на запад. Немцы создали здесь прочную оборону, насытив ее большим количеством огневых средств. А за насыпью железной дороги они установили минометные батареи, подавить которые было практически невозможно.

В кровопролитных боях за Лазаревичи активное участие принял 1-й стрелковый батальон 1061-го полка. 26 ноября он одним из первых переправился через Тихвинку и занял окопы противника на ее левом берегу. Вслед за ним туда же переправилась 2-я батарея 815-го полка. Переправа производилась ночью, в исключительно трудных условиях. Личному составу пришлось оборудовать спуск с крутого обледенелого берега, на руках опустить тяжелые пушки, а затем поднять их на противоположный берег. И все это буквально под носом у противника. После этого предстояло скрытно подойти к неприятельским укреплениям. Пехота пошла в обход лесом. Туда же по ледяной дороге двинулись и артиллеристы. Путь проходил узким коридором между расположениями наших и немецких войск.

Не доходя до Лазаревичей, артиллеристы и минометчики остановились и стали готовиться к бою. Вдруг вблизи послышались немецкая речь и команды. Расчеты, зарядив карабины и подготовив ручные гранаты, заняли круговую оборону. Фашисты, подойдя на близкое расстояние, открыли бешеную стрельбу из автоматов. Тем же ответили и наши бойцы.

Бой нарастал. Фашисты яростно наседали. В перестрелке загорелся стог сена, стоявший рядом с нашими огневыми позициями. Артиллеристы и минометчики оказались в крайне невыгодном положении: теперь они были хорошо видны врагу. К горящему стогу бросились ездые. Рискуюя собой, они быстро укротили пламя. В схватке с огнем особенно отличился красноармеец Л. К. Хмелев.

В наступившей крошечной тьме фашисты подошли еще ближе и стали кричать: «Рус, капут! Сдавайся!» Ответом им был пулеметный огонь наших пехотинцев, подошедших на помощь.

В ходе боя из строя выбыл командир батареи лейтенант А. Ф. Виноградов. Командование батареей принял лейтенант С. С. Перетягко. Атаки врага продолжались. И все-таки фашисты отступили, не выдержав упорства артиллеристов и минометчиков.

На рассвете люди увидели результаты ночного боя: все ближайшие подступы были покрыты трупами гитлеровцев. Среди наших — один убитый и около десяти раненых*.

Особенного накала бои за Лазаревичи достигли к первым числам декабря. Натиск наших пехотинцев, поддержанных минометно-артиллерийским огнем, нарастал. Немцы постепенно сдавали одну позицию за другой.

К 4 декабря подразделения полков вышли на окраину деревни Лазаревичи. Начался штурм, во время которого погиб командир роты 1061-го полка старший лейтенант П. П. Тюкавин. Командование ротой принял раненый командир взвода С. П. Баранов. Воины смело пошли вперед и выбили немцев из трех линий окопов. Отважный командир все время оставался впереди, но когда рота поднялась для последнего броска, его сразил осколок вражеского снаряда.

В это время В. С. Антонов и Е. Е. Ушаков выдвинулись со своими станковыми пулеметами на фланги и открыли по противнику кинжальный огонь. Их поддержали артиллеристы и минометчики. Наблюдатель минометчиков сержант В. А. Бурыгин, забравшись на высокую ель, сообщил о движении немцев за железнодорожной будкой. На цель обрушились наши мины. Через минуту сержант сообщил, что более 50 фашистов начали обход нашего батальона с правого фланга. Мины и снаряды точно накрыли и эту группу. Гитлеровцы побежали назад, оставляя убитых и раненых.

Усилили огонь и немецкие батареи. Был ранен осколком наводчик миномета Клемашев. На его место встал принятый перед боем в партию командир расчета А. И. Барыхин. Когда ранило и его, замены не было. И командир, преодолевая боль, продолжал вести стрельбу с прежней интенсивностью.

* ЦАМО СССР, ф. 815, оп. 142176, д. 1, л. 61.

Первой достигла окраины села батарея лейтенанта Н. А. Ткача. Здесь противник атаковал ее с воздуха. Одна из бомб упала рядом с первым орудием, засыпала его землей, при этом были ранены трое бойцов. Второе орудие, стрелявшее со двора, попало под сосредоточенный огонь вражеской артиллерии. Дом загорелся. Лейтенанты Ткач и Захаров вместе с наводчиком Никаноровым, заряжающим Пестряковым, замковым Макаровым и подносчиком Численко бросились в огонь, стремясь спасти орудие. На Никанорове загорелась телогрейка, командир батареи получил осколочное ранение, но пушка была спасена. Сбросив с себя горящую одежду, комсорг батареи Никаноров открыл огонь и первым же снарядом уничтожил танк, потом еще два.

Другой взвод батареи тоже попал под интенсивную бомбежку с воздуха. Были ранены четыре красноармейца, выведено из строя одно орудие, погиб лейтенант Николай Анатольевич Ткач. (Посмертно он был награжден орденом Красного Знамени.) Раненный в грудь лейтенант В. А. Захаров принял командование батареей, и она продолжала отражать контратаки врага.

Неприятелю так и не удалось подавить огонь наших орудий и минометов. Это позволило бойцам 1-го стрелкового батальона 1061-го полка ворваться в Лазаревичи.

Атака была столь стремительной, что оккупанты не только не смогли вывезти свою технику, но даже повредить ее. В наши руки попали 27 автомашин, частью нагруженных награбленными у советских людей вещами, 4 орудия, 4 миномета, 8 пулеметов, 2 склада с боеприпасами, 30 велосипедов, штабные документы, другое имущество.* Но фашисты успели поджечь дома деревни.

Потеря Лазаревичей означала для немцев и скорую потерю Тихвина. Поэтому они бросили на деревню части своей 61-й мотодивизии, а вслед за ними и танки 8-й танковой дивизии.

Контрнаступление немцев началось ожесточенным ударом с воздуха. 12 бомбардировщиков семь раз заходили на деревню и сбрасывали свой смертоносный груз. Затем рванулись пехота и танки. Наши бойцы, несмотря на большие потери, держались за каждую пядь земли, но все же были вынуждены оставить Лазаревичи.

Высокую выдержку и мужество проявили воины нашего батальона, сумев удержать переправу через Тихвинку

* ЦАМО СССР, ф. 204, оп. 8556, д. 96, л. 20.

и плацдарм на ее левом берегу. Это имело большое значение для последующих боевых действий.

Итак, 6 декабря немцы вновь заняли Лазаревичи. Но там, в стане врага, были наши «глаза и уши». На чердаке одного из уцелевших домов остался помощник начальника штаба 815-го арtpолка смелый и находчивый лейтенант А. М. Рыбчинский. Целый день он вел наблюдение за действиями противника, оставаясь на своем посту и тогда, когда наш снаряд угодил в дом. Лишь с наступлением темноты он спустился с чердака и незамеченным пробрался к своим. Доставленные им сведения имели неоценимую помощь при подготовке повторной атаки на деревню. За этот подвиг Антон Маркович Рыбчинский был награжден орденом Красного Знамени.

В ночь с 7 на 8 декабря, после перегруппировки, войска Северной оперативной группы вновь перешли в наступление. На этот раз перед ними ставилась задача уничтожить группировку противника и освободить Тихвин. Для этого необходимо было одновременно ударить по неприятельским силам, расположенным в Тихвине, в Лазаревичах и на выступе севернее реки Тихвинки — в районе Пашский Кордон — Усть-Шомушка.

Бои на всех участках развернулись одновременно. Помня, что Тихвин и железная дорога на запад, в сторону Ленинграда, обязательно должны быть освобождены, бойцы 272-й дивизии шли вперед с особым подъемом.

В первые же часы по подразделениям разнеслась весть об успехе на правом фланге наступления, где действовала 4-я рота 1061-го стрелкового полка. На ее пути находилась высота, прикрывавшая подступы к главной полосе вражеской обороны. Командир роты старший лейтенант А. С. Болот и политрук А. И. Кудрявцев, а также находившийся в роте секретарь комсомольского бюро полка Н. Ф. Степаненко хорошо понимали, как трудно будет выбить врага с высоты. Действительно, как только рота двинулась вперед, противник обрушил на нее всю мощь своего огня с самой высоты и из глубины обороны. Казалось, что наступление вот-вот захлебнется. Тогда Болот и другие офицеры устремились к высоте, увлекая за собой всю роту. И враг был выбит с господствующей высоты*.

Снова разгорелись исключительно ожесточенные бои за Лазаревичи. 7 декабря деревня трижды переходила из

* ЦАМО СССР, ф. 1061, оп. 401677, д. 7, л. 2.

рук в руки, пока, наконец, наши бойцы не овладели ею окончательно. Вклинившись в неприятельскую оборону 1-му батальону 1061-го полка теперь не угрожали нависающие вражеские фланги: там тоже шло наступление. Оккупанты были выбиты из Пашского Кордона и из Стретилова.

В ночь на 9 декабря наши полки предприняли последний, решительный бросок на Тихвин. Ранним утром город был освобожден.

Гордые сознанием исполненного долга, входили наши бойцы и командиры в город, ставший особым в судьбе 272-й дивизии. Отсюда несколько месяцев назад они отправлялись на священную войну, здесь они показали массовый героизм в боях с ненавистным врагом, вместе с другими воинами 4-й армии освобождая Тихвин от немецко-фашистских захватчиков.

Город нельзя было узнать. Всюду царили разгром и разрушение. Здесь осталось несколько десятков жителей с печатью пережитого кошмара на лицах. Уходя, враг с чудовищной пунктуальностью и жестокостью уничтожал все, что можно было уничтожить. Во дворе монастыря лежали трупы советских воинов, которые ранеными были захвачены в плен и зверски замучены гитлеровцами. Тут же оператор «Союзкинохроники» заснял момент освидетельствования замученных. Это был один из первых документов обличения устроителей «нового порядка».

За свой разбой фашисты получили по заслугам. Пустыри Тихвина щетинились крестами могил убитых захватчиков. Таких кладбищ было около двадцати. Здесь немцы потеряли только убитыми 7 тысяч своих солдат и офицеров.

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД

После освобождения Тихвина немецко-фашистские войска под ударами наших частей и соединений стали отступать частью сил на Будогощь, частью — на Зеленец и Годищи. Войска 4-й армии продолжали наступление.

1061-й стрелковый полк получил приказ остаться в городе в качестве гарнизона, а 815-й артполк и минометные роты 1061-го полка были переброшены на волховское направление для поддержки наступающих.

Наши артиллеристы и минометчики продвигались по только что освобожденной дороге через Стретилово

и Усть-Шомушку на Воскресенское и с радостью наблюдали, как к Ладоге шли автомашины с продовольствием для героического Ленинграда. Но одна встреча вызвала совсем иные чувства. По дороге из Ленинграда медленно двигалось более десятка запорошенных снегом автобусов, в которых везли совсем обессиленных детей. А за автобусами, едва передвигая ноги, шли изможденные женщины и старики. И бойцы с новой силой ощутили, какую роль имеет Тихвинская операция для Ленинграда, для его жителей и защитников.

Но в руках врага все еще находилась железнодорожная магистраль. И одной из важнейших задач был разгром группировки противника в районе Зеленца. Пути в этот район со стороны Тихвина и Воскресенского были прикрыты непроходимыми болотами — Зеленецкими Мхами, и немцы меньше всего опасались за этот фланг. Поэтому именно отсюда командование и решило нанести неожиданный удар по врагу.

15 декабря начался неимоверно трудный переход. Сначала шли лесной тропой, затем открылась безлесная равнина. Это и были Зеленецкие Мхи. Ширина болот в этом месте достигала 4 километров. Высланная вперед разведка донесла, что орудия здесь не пройдут: болото поглотит и пушки, и лошадей. Тогда командир дивизиона старший лейтенант П. Чупрынин приказал разобрать орудия и перевезти их через болото частями на санях.

При лютom морозе и ветре бойцы разобрали орудия на 40 минут быстрее, чем это делалось в мастерских, и погрузили их на сани. Ценою огромного напряжения сил они преодолели болото, а затем так же быстро собрали орудия вновь. Но это была лишь часть дела — нужно было пройти по бездорожью еще не один километр, оборудовать огневые позиции.

Люди едва держались на ногах, но приказ был исполнен в срок. И артиллерия ударила по врагу оттуда, откуда враг не ожидал. Пошла вперед пехота.

Полная внезапность решила исход дела: неприятель дрогнул и побежал, бросая технику, боеприпасы, раненых. Станция и деревни Большой и Малый Зеленец были освобождены. Этим же путем прошел и 2-й дивизион 815-го артполка под командованием старшего лейтенанта А. А. Козенкова, который помог пехоте выбить противника из деревни Ясновцы.

Жители деревень, прятавшиеся по лесам, как самому большому празднику радовались приходу наших войск.

Каждый освобожденный стремился оказать хоть какую-нибудь услугу, сообщить все, что знал о противнике...

11 декабря распоряжением Ставки Верховного Главного Командования был образован Волховский фронт. Командующим фронтом был назначен К. А. Мерецков. После этого наступление пошло еще более успешно.

Освободив Зеленец, правофланговые части 4-й армии вышли к реке Волхов южнее Волховстроя с целью отрезать пути отхода немцам, находившимся под Волховстроем. В этом бою участвовали батареи 815-го арtpолка.

Для артиллеристов первым боем в составе Волховского фронта был бой за деревню Сестра, расположенную на правом берегу реки. Весь день 20 декабря гремела канонада. Немцы отчаянно сопротивлялись, пытаясь сдержать наше продвижение и дать своим войскам возможность выйти из района Вячково — Гостинополье. В этом бою руководивший огнем батарей командир 1-го дивизиона старший лейтенант П. Чупрынин был тяжело ранен, но остался на наблюдательном пункте. Пехотинцы, взявшие деревню, с благодарностью говорили об артиллеристе Чупрынине.

Наступление продолжалось на деревню Братовщина. На опушке леса бойцы наткнулись на восемь полуобгоревших трупов красноармейцев, замученных гитлеровцами. Отходя, фашисты подожгли деревню. Как и в других местах, в Братовщине воинов-освободителей со слезами радости на глазах встретили немногочисленные жители.

Упорно цеплялись немцы за крупное село Городищи, но удержать его не смогли. 18 километров по снежной целине тащили бойцы 2-й батареи свои пушки, чтобы успеть поддержать пехотинцев. Фашисты были атакованы с фронта и тыла. Поддержанные артиллеристами 815-го полка, пехотинцы освободили и Городищи.

Последний залп на этом фронте наши артиллеристы дали под деревней Пчева. 26 декабря 815-й артиллерийский полк нашей дивизии получил приказ возвратиться к своим полкам, оборонявшимся под Оштой*.

Все декабрьские дни 1941 года 1061-й полк находился в Тихвине. Гарнизон города возглавлял командир полка майор А. А. Блак. Обязанности коменданта исполнял старший лейтенант А. И. Губанов, его помощником был Т. С. Абрамов.

Воины полка с почестями похоронили бойцов и коман-

* ЦАМО СССР, ф. 815, оп. 142 176, д. 1, л. 157.

диров, павших в боях за город. Они оказали возможную помощь возвращавшимся в город жителям, провели первоочередные работы по восстановлению городского хозяйства.

На каждом шагу им приходилось сталкиваться со свидетельствами гнусных преступлений захватчиков, слышать леденящие душу рассказы о зверствах фашистов.

Память о жертвах взывала к отмщению.

Тихвинская операция закончилась победой. План соединения немецко-фашистских и финских войск и полного окружения Ленинграда провалился. Успешно проведенное контрнаступление вселило уверенность в наших воинов, повысило их моральный и боевой дух. Наконец, освобождение железной дороги Тихвин — Волхов значительно сократило сухопутную часть «Дороги жизни», что позволило увеличить поток грузов в осажденный Ленинград и сохранить жизни многих жителей и защитников города. Группировке армий «Север» был нанесен серьезный удар.

Контрнаступление под Тихвином, наряду с победами под Ростовом и Москвой, вошло в золотой фонд славных побед Красной Армии в Великой Отечественной войне.

Глава шестая

НА ВИННИЦКОМ ТРАКТЕ

АПРЕЛЬСКИЕ БОИ 1942 ГОДА

В своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Незабываемое» (Петрозаводск, 1974), командующий Карельским фронтом генерал-полковник В. А. Фролов писал:

«В марте 1942 года я был вызван для доклада в Ставку. В Москве, в Генштабе, я встретил генерала Ф. Д. Гореленко, командующего 7-й отдельной армией, тоже вызванного в Ставку. Можно было поэтому предположить, что предстоит наступление в Карелии...

И. В. Сталин, выслушав доклад и предложение наступать с целью освобождения Карелии, сказал, что, конечно, Петрозаводск и Карелию в целом освобождать надо, но в настоящее время главным врагом являются немцы и поэтому войскам Карельского фронта надо наступать на севере против группировки немецко-фашистских войск...

7-я армия должна наступать, чтобы, во-первых, отвлечь внимание финнов от севера, и не дать им возможности перебрасывать войска на помощь немцам, во-вторых, с целью очистить от финнов плацдарм у Подпорожья».

В связи с этими указаниями командующий армией генерал Ф. Д. Гореленко вывел на передний край 368-ю стрелковую дивизию, находившуюся с ноября 1941 года в районе Вытегры. Ей было приказано принять полосу обороны у 272-й дивизии, которая перемещалась левее с целью занять неприкрытый участок и часть обороны 114-й стрелковой дивизии. 114-я дивизия, сохранив свой левофланговый участок, заняла также неприкрытое пространство слева и сомкнула свой фланг с 21-й стрелковой дивизией. Таким образом были закрыты все незащищенные участки, и против плацдарма финнов на южном берегу Свири встали, сомкнув фланги, четыре наши дивизии.

В ночь со 2 на 3 апреля 1063-й и 1065-й стрелковые полки передали оборону частям 368-й стрелковой дивизии, а сами стали выходить на новые рубежи. В течение 3—4 апреля колонными путями, проложенными саперами от деревни Ивки до Гонгинского озера, полки проследовали в новый район. Туда же и в район Крестнозера переместились все спецподразделения, управление и тылы дивизии.

Руководство по перемещению частей и подразделений дивизии, занятию рубежа в новом районе, подготовке к наступлению и проведению операции было возложено на командира 536-го полка 114-й дивизии подполковника Ф. Г. Булатова, назначенного временно на должность командира 272-й дивизии взамен убитого полковника И. И. Романова.

В новом районе дивизия расположилась в следующем порядке: 1065-й стрелковый полк — на правом фланге, от Каскесручья до озера Большая Кузра, примыкая к левофланговым подразделениям 368-й дивизии. В центре — от озера Большая Кузра до реки Веранда — находился 1061-й полк. 1063-й полк, перекрыв дороги у Сяргозера на Гоморовичи и Юксовичи, расположился на левом фланге. Один дивизион 815-го арtpолка поддерживал 1063-й стрелковый полк на винницком тракте, другой прикрывал лесную дорогу Гонгиничи — Мишино. Полоса действий дивизии составляла более 20 километров по фронту.

К этому времени стрелковые роты насчитывали по 75—80 человек. Батальоны имели минометы и пулеметы. В полках были сформированы полковые артиллерийские и минометные батареи.

У противника в полосе обороны против нашей 7-й отдельной армии действовало шесть соединений и два находились в резерве. Только на плацдарме противник имел три дивизии и одну бригаду. Таким образом, противник превосходил наши войска по численности, огневой мощи, да и позиции у него были выгоднее наших. К тому же враг успел сильно укрепиться, создать мощные узлы сопротивления с полным инженерным оборудованием.

9 апреля штаб армии окончательно выработал план наступления, который заключался в том, чтобы, удерживая левофланговый участок на линии Лодейное Поле — Ладожское озеро, правым флангом (368-я и 272-я дивизии) и особенно центром (114-я и 21-я дивизии) перейти в наступление, нанести главный удар в полосе поселок «31 квартал» — Каковичи и разгромить занимающую плацдарм группировку противника. Затем частью сил форсировать Свирь и захватить на северном берегу плацдарм в районе станций Челма — Свирь.

272-я и 368-я дивизии должны были сначала сковать действия противника на своих участках, а затем выбить его с занимаемого рубежа, освободить поселок Вознесенье и, форсировав Свирь, закрепиться на ее северном берегу.

Командир дивизии решил основной удар нанести силами 1063-го полка в направлении Соболевщины, а 1061-й и 1065-й стрелковые полки должны были разгромить укрепленный узел врага в районе озер Большая Кузра — Челмашское, а затем развивать наступление на деревни Шумилино — Бараны — Травники.

Наступлению предшествовала тщательная разведка. С бойцами работали все командиры и политработники, разъясняли задачи. Транспортники подвозили все необходимое для боя. В результате каждый командир и боец не только был обеспечен боеприпасами, но и знал свою задачу и готовился с честью выполнить ее.

10 апреля саперы сделали проходы в минных полях, а на следующий день в 7 часов утра 80 орудий и минометов дивизии провели артподготовку. Пехота двинулась вперед.

Однако из-за недостатка снарядов артподготовка была довольно слабой. Кроме того, глубокий снег затруднял

движение бойцов. Поэтому, когда противник открыл по наступающим ураганный огонь, наша пехота была вынуждена залечь. Лишь на отдельных участках, где огонь врага был слабее, бойцы продолжали атаку, пока не оказались под фланговым обстрелом.

В это время противник выдвинул резервы и бросил их в контратаку. Финны свободно преодолевали снежную целину на лыжах и выходили на фланги, полуокружая наши подразделения.

Вспоминая те часы, бывший командир отделения П. В. Пашурин писал в газете «Свирские огни» в 1972 году: «Моему отделению командиром 1-й роты 1061-го стрелкового полка было приказано выдвинуться вперед, организовать засаду и уничтожить вышедшего противника. По глубокому снегу отделение двинулось в нейтральную зону, но, не успев организовать засаду, мы встретились с вражескими солдатами. Нас было 10 человек, противника — в два раза больше. Завязался бой. Вражеский взвод на лыжах, умело действуя в лесу, пытался нас обойти, уничтожить и напасть на нашу роту, наступающую сзади. Но солдаты действовали героически и окружения не допустили. В этом бою я был ранен в плечо... Отделения я не покинул. Зажимая лямками вещевого мешка рану, крепился — только бы не замерзнуть. Потеря крови давала о себе знать. Я вел огонь и руководил боем отделения. Тяжело был ранен мой земляк Степанов, при выносе с поля боя он на носилках скончался. Погиб другой боец, двое получили ранения. Наши ряды уменьшились, но мы мужественно сражались, особенно товарищи В. Иванов, А. И. Савин, И. Семенов. Стемнело. Враг, потеряв немало своих солдат, отошел. К нам подходило подкрепление. Я и мои товарищи, получившие ранения, были отправлены на лечение...»

Генерал-майор в отставке Фатых Гарипович Булатов, возглавлявший нашу дивизию в этих боях, пишет в книге «Будни фронтовых лет» (Казань, 1975):

«Вести в таких условиях активные действия нам было не легко. Однако, уже спустя несколько дней после начала наступления, части дивизии... нанесли ряд мощных ударов по вражеской обороне. 1061-й полк в направлении Травников, 1063-й — Соболевщины, а 1065-й — по укрепленному узлу: озеро Сарозерское — озеро Малая Кузра... Бойцы, сержанты и офицеры проявили массовый героизм, мужество и отвагу, с честью выполнили возложенные на них задачи. Коммунисты и комсомольцы сражались

в первых рядах, показывая личный пример и стойкость».

Ф. Г. Булатов приводит ряд примеров, в том числе называет героев недавних тихвинских боев — секретаря комсомольского бюро полка Н. Ф. Степаненко и комбата А. С. Болота, смело водивших бойцов в атаки, теперь уже на финнов.

Оценивая итоги апрельской операции, он подчеркивает, что она имела важное значение. Десять дней боев в весеннюю распутицу принесли свои плоды. На фронте 7-й отдельной армии финны понесли большие потери. Бои обескровили финскую группировку на плацдарме, сорвали подготовленную ими наступательную операцию. Белофинны израсходовали свой запас боеприпасов, поэтому резко снизилась их огневая активность в последующие месяцы. Действия нашей дивизии оказали ощутимую помощь другим частям 7-й армии, наносившим главный удар по врагу, в особенности 114-й дивизии. Сковав значительные силы противника, дивизия не только воспрепятствовала переброске частей на другие участки, но и заставила его ввести в бой часть тактических резервов, которые могли быть использованы на других направлениях.

Наконец, апрельские бои явились хорошей школой для многих вновь влившихся в дивизию молодых воинов.

Старший сержант А. Н. Жданов, ставший позднее командиром роты, писал в газете «Комсомолец» в 1965 году:

«Первое боевое крещение мы получили в начале апреля 1942 года. При наступлении нашей роты на сильно укрепленный опорный пункт противника сержант Виктор Минаев под вражеским огнем проделал проход в минном поле, снял и обезвредил свыше десяти мин и фугасов, но у проволочного заграждения был тяжело ранен.

В этом бою сержант Василий Дорохин со своими разведчиками пробрался через минное поле и вышел в тыл врага. Там разведчики встретились с его подразделением. Завязался бой. После короткой схватки несколько вражеских солдат было убито, а остальные бросились бежать. Наши разведчики, за исключением двух легко раненых, потерь не имели и благополучно вернулись к своим. За эту операцию сержант Василий Дорохин был награжден медалью «За отвагу».

Мне в этом бою пришлось заменить тяжело раненного командира взвода, но на следующий день я сам был ра-

нен. В те дни мы потеряли одного из своих товарищей — пудожанина Шлямина...

Все мы не раз восхищались мужеством и смелостью Василия Кошелева. Василий был моим хорошим другом и однокурсником по учебе в техникуме. Он хорошо владел финским языком и был переводчиком при штабе 1065-го стрелкового полка. Василий приходил с рупором на передний край и из легкого укрытия вел передачу на финском языке. Как только раздавался его голос, противник открывал бешеный пулеметный огонь, пытаясь заглушить передачу. Несмотря на то, что кругом рвались мины, Василий не покидал своего места, и когда смолкала стрельба, вновь раздавался его спокойный голос...

А пудожанин сержант Пашин? На его счету немало смелых схваток с врагом».

Этим сержантам шел в ту пору всего девятнадцатый год. Все они добровольцами пришли в военкоматы поздней осенью 1941 года, прошли краткую подготовку и в начале 1942 года влились в 272-ю дивизию.

Лучшие бойцы и командиры, проявившие высокую организованность и исключительное мужество, после этих боев выступили в печати и перед товарищами. Многие из них получили рекомендации для вступления в партию. Особо отличившиеся были представлены к наградам Родины.

Из хода операции было сделано немало выводов, легших в основу всей партийно-политической работы и подготовки войск к дальнейшим действиям.

Еще в ходе апрельского наступления на должность военкома дивизии вместо И. А. Малашенкова был назначен полковой комиссар Т. П. Лесняк, а командование дивизией с конца апреля принял полковник И. В. Мохин. Иван Васильевич Мохин, правда, вскоре был переведен на другую работу, но военком оставался в дивизии до конца 1943 года.

Тимофей Прокофьевич Лесняк — родом с Днепропетровщины. Отслужив в Красной Армии в 1928—1931 годах, в 1939 году он был призван вновь. Участвовал в боях с белофиннами в 1939—1940 годах, работал в аппарате политотдела корпуса, а затем политотдела 7-й армии. С октября 1941 года — комиссар штаба армии. В этой должности как представитель командарма принимал участие в боях за Тихвин и, будучи там военкомом Северной опергруппы, непосредственно познакомился с деятельностью двух полков 272-й дивизии.

С первых дней пребывания в дивизии военком обратил большое внимание на дисциплину, бдительность и безупречное выполнение долга каждым командиром и политработником.

ОБОРОНА ДОЛЖНА БЫТЬ АКТИВНОЙ

Заканчивалась зима. Солнце растопило обильные снега, низины залило водой, всюду звенели ручьи, шумели реки; набухли почки, лес наполнялся голосами птиц — во всем чувствовалось весеннее оживление.

Весна принесла с собой немало трудностей. Пришли в негодность транспортные пути, ощущалась нехватка самого необходимого, не было корма для лошадей. Поэтому бойцы стали предпринимать рискованные вылазки за сеном в зону, занятую врагом или находящуюся под его обстрелом*.

Сырость, ненормальное питание вызывали среди личного состава различные заболевания. Люди выбывали из строя. И командование приняло решительные меры для улучшения условий жизни.

После апрельских боев снова произошло перемещение частей и подразделений. Полосу, в которой дивизия вела наступление, заняли 1063-й и 1065-й полки, а 1061-й полк был переведен на левый фланг, на участок Ананьевская — Шакшозеро. Полоса обороны дивизии возросла до 40 километров. Это было вызвано тем, что одна дивизия из состава 7-й армии распоряжением командования выводилась в резерв.

Находясь в обороне, 272-я дивизия имела задачу прочно удерживать занимаемый рубеж, укрепиться и активизировать свои действия.

Особое внимание уделялось проведению разведки боем и массовому вовлечению пехотинцев, пулеметчиков, минометчиков и артиллеристов к истреблению живой силы и уничтожению техники противника.

Большой размах в это время приобрело движение снайперов. Зачинатель этого движения С. А. Закатов в мае 1942 года был награжден орденом Ленина. К этому времени он истребил не один десяток врагов. Будучи раненым, Закатов выбыл из нашей дивизии. Но дело, начатое им, успешно продолжалось.

* ЦАМО СССР, ф. 272, оп. 28367, д. 5, лл. 10—11.

Особую известность после Закатова в дивизии и в армии завоевал комсомолец из Карелии Петр Топорокин. Начав войну под Корписелькой в составе 71-й стрелковой дивизии и оказавшись позднее в нашей дивизии, он беспощадно мстил врагам за свой поруганный край.

Меткие выстрелы снайперов заставляли финнов укрываться, и требовались изобретательность и хитрость, чтобы заставлять их выходить из укрытий. Особенно неистощимым на выдумки был Топорокин. Например, привязав бечевку к дереву, стоящему где-нибудь рядом с расположением врага, он начинал раскачивать его, или подвешивал пустые банки и позванивал ими. Финны выходили взглянуть, в чем дело, и отважный снайпер разил их без промаха.

От рядового Топорокин вырос до лейтенанта. Многих он обучил своим приемам. Вскоре на его груди засверкал орден Красной Звезды. О нем писали в дивизионной и армейской газетах. А он благодарил своего учителя С. А. Закатова.

Вот некоторые выдержки из газетных статей военной поры, из писем и записей Петра Топорокина, опубликованных в газете «Комсомолец» в мае 1964 года.

Из письма Закатову: «Здравствуй, уважаемый Степан Андреевич! Часто я вспоминаю тебя, и вот... решил поделиться с тобой новостями... Уже после твоего отъезда мы прочли в газете, что тебя наградили орденом Ленина. Это была не только твоя, но и наша общая радость. Каждый из нас и сейчас гордится тем, что именно в нашем подразделении служил Степан Закатов — первый истребитель во всей нашей части. А особенно горжусь я. Прежде всего, сообщаю, что твой «Максим» № 138, из которого в апрельских боях ты громил врагов, находится в надежных руках сержанта Якова Виноградова. Из него он уже уничтожил 28 оккупантов. Часто я вспоминаю, как ты учил стрельбе меня и второго номера пулемета Василия Кухтина. Кухтин перенял твою хватку, Степан Андреевич! Он стал хорошим снайпером, убил из винтовки 38 врагов. Ему присвоили звание старшины.

Тяжело мне сообщить тебе, дорогой Степан Андреевич, что Кухтина уже нет среди нас. Он погиб в бою. Но принадлежавшая ему винтовка № 351023, как и твоя, стала почетным оружием. Желая получить ее, 29 комсомольцев открыли боевые счета. 23.05.1943 г.» (Из дивизионной газеты «За нашу победу»).

Из записной книжки Топорокина: «...Узнал... что в их лапы попали мои родители. В этот день я открыл свой истребительский счет. С тех пор уничтожил 38 фашистов. До моей родной карельской деревни отсюда недалеко. Но каждый выстрел уменьшает это расстояние, приближает тот день, когда мы полностью разгромим врагов. Мы вернемся, Карелия! Я еще обниму вас, мои дорогие родители!»

«Вчера старик-колхозник, вытирая слезы, рассказал, как издевались над советскими людьми враги. Он поведал страшную историю о своей внучке Вале, ответившей на вопрос фашиста: «Где твой папа?» — «Бьет фашистов!» Тот, не размышляя, выстрелил... Вот что творят фашисты на нашей земле. Чем они только будут расплачиваться за это?»

Из статей, опубликованных в газете «За нашу победу»: «Недавно, вернувшись после учебы на передний край, знатный воин нашей части Петр Топорокин снова взялся за истребление фашистов. Вместе со старшим лейтенантом Н. Тупицыным и старшим сержантом С. Савкиным он подобрался к переднему краю вражеской обороны, выследил фашистского офицера и метким выстрелом уложил его. 26.07.1943 г.»

«Рано утром Петр Топорокин вышел на «охоту». Он долго наблюдал за фашистом... выстрел нашего снайпера — и враг падает замертво. Вслед за этим раздалась очередь фашистского пулемета. Пули впились в землю прямо возле Петра. Но он быстро отполз и остался невредим. Теперь его счет — 52 фашиста. 5.09.1943 г.»

Петр Топорокин погиб при выполнении боевого задания, когда на его счету было 57 уничтоженных фашистов.

А. Жданов и И. Приходько прибыли в дивизию в январе 1942 года и служили в 3-й стрелковой роте 1065-го полка. В этой роте служил и С. А. Закатов. Юноши, прослышав о боевых делах снайпера, потянулись к нему. Вначале С. А. Закатов отказывал им, видя их неопытность, но затем стал брать с собой. А ходил он в ту пору в район деревни Карпино.

Нейтральная полоса в этом месте достигала километровой глубины, поэтому Закатов ночами пробирался поближе к противнику. Там выкапывал в снегу ячейки с ходами сообщения между ними, а когда рассветало, отслеживал неприятеля и стрелял без промаха.

Финны засекали примерное местонахождение нашего снайпера и начинали обстреливать этот район из миноме-

тов. Но наличие нескольких ячеек позволяло отважному стрелку благополучно уходить из-под обстрела.

Этот опыт перенимали и молодые снайперы. К апрельским боям на их счету уже было по несколько убитых фашистов. И когда Закатов выбыл из дивизии, его винтовку передали одному из них — Илье Приходько.

Лейтенант С. К. Комаров вспоминает: «В начале 1942 года в нашем 3-м батальоне 1065-го стрелкового полка снайперов не было, хотя и имелись меткие стрелки. В связи с этим помню такой случай. Однажды мы шли в 7-ю роту — я, лейтенант Николай Меньшиков и связной комбата Андрей — и увидели на мосту через ручей у Челмашского озера трех финнов — офицера, женщину и солдата. Расстояние изрядное. Но Меньшиков тут же взял у Андрея самозарядную винтовку и, прицелившись, выстрелил. Офицер рухнул замертво, а солдат и женщина юркнули под мост. Это был первый снайперский выстрел в нашем батальоне» («Свирские огни», 1972, 13 июня).

В целом снайперское движение нанесло неприятелю немалый урон, держало его в постоянном напряжении. Оно закаляло наших бойцов, учило их смекалке, наблюдательности и мужеству.

В период стабильной обороны немало сделали и минометчики и артиллеристы, уничтожая огневые точки врага. Например, активно действовал в этом плане командир минометной роты 1065-го полка лейтенант П. Кириллов. Он постоянно выходил с разведчиками в расположение противника. Обнаружив цель, он тут же по рации подавал команду расчетам и уничтожал ее. Вскоре отважный офицер погиб, но дело, начатое им, успешно продолжалось.

Летом 1942 года немецко-фашистские войска, сосредоточив всю мощь на южном участке советско-германского фронта, начали очередное наступление. К этому времени они уже не могли вести наступление повсеместно, но их удар на юге страны был очень силен. Все лето сводки Совинформбюро доносили до нас тревожные вести.

Юг требовал дополнительных сил, и 7-я отдельная армия отправила из своего состава еще одну дивизию. В связи с этим соединения армии были вынуждены еще раз переместиться по фронту обороны.

272-я дивизия передала район обороны своего правого флангового батальона подразделениям 368-й дивизии, а сама приняла на левом фланге участок обороны одного полка 114-й дивизии.

Командование дивизии, штаб и политотдел разместились на восточном берегу Крестнозера. Тылы, медико-санитарный батальон и другие вспомогательные подразделения — на южном берегу этого озера и южнее его по винницкому тракту. До отказа заполнилась разными службами небольшая деревня Тумазы.

К этому времени командирами и комиссарами полков были: 1061-го — подполковник М. Н. Мочалов и старший батальонный комиссар К. Ф. Малышко, 1063-го — подполковник П. П. Купцов и батальонный комиссар С. И. Есипов, 1065-го — подполковник А. А. Мерешко и батальонный комиссар С. А. Карпиков, 815-го артполка — майор Г. И. Дейч и батальонный комиссар А. И. Хлебников.

В этот же период политотдел дивизии принял батальонный комиссар С. Н. Гринчук. В конце лета в командование дивизией вступил полковник З. Н. Алексеев.

42-летний комдив Зиновий Нестерович Алексеев служил в Красной Армии с 1918 года. Участник гражданской войны, чапаевец. Перед Великой Отечественной войной проходил службу в Карелии. В составе 18-й стрелковой дивизии принимал участие в советско-финляндской войне 1939—1940 годов. Отечественная война застала его в должности начальника штаба 71-й стрелковой дивизии. Вскоре он был назначен командиром 3-й дивизии народного ополчения, действовавшей в южной Карелии. После ранения он некоторое время работал в штабе 7-й армии, затем был начальником штаба 4-го стрелкового корпуса, в который входила и 272-я дивизия. И вот он — командир нашей 272-й.

Большинство новых командиров и комиссаров частей и вновь назначенных нижестоящих командиров и политработников в скором времени завоевали большой авторитет у бойцов. Например, комиссар 1065-го полка С. Я. Карпиков постоянно был на передовой среди бойцов, проводил с ними большую воспитательную работу. Семена Яковлевича сразу же все полюбили и относились к нему с глубоким уважением.

Нельзя не сказать доброго слова и о заместителе начальника политотдела М. В. Рогаткине, тоже прибывшем в дивизию в это время. Скромный, отзывчивый и дисциплинированный, он быстро завоевал авторитет во всех полках дивизии. Михаила Васильевича часто можно было видеть на передовой. Он чутко реагировал на все неполадки, на запросы бойцов и командиров.

Противник хорошо знал, какую цементирующую силу

представляли собой политработники. Враг ненавидел их, и до нас доходили сведения, что он собирался захватить в плен то одного, то другого комиссара...

В июле были получены сведения о том, что противник перегруппировывает войска на плацдарме. Было отмечено их движение и скопление на винницком и подпорожском трактах. Командир корпуса генерал-майор П. А. Зайцев, командир и комиссар дивизии лично подготовили разведгруппу с кодовым наименованием «Чайка» и направили ее в тыл неприятеля. Для поддержки разведгруппы на винницкий тракт были переброшены резервы дивизии, подготовлен удар артиллерии, в помощь которой прибыли две «Катюши». В полной готовности находились подразделения других полков.

Когда разведгруппа прошла передний край и углубилась во вражеское расположение, наши подразделения начали бой, чтобы отвлечь внимание противника от нее.

Противник тут же привел в действие все свои силы, обрушил на нашу оборону всю мощь огня и бросил резервы. Жаркий бой кипел целый день и, чуть утихнув на ночь, с новой силой продолжался весь следующий день.

В результате этой операции неприятель понес значительные потери и был дезорганизован — вместо наступления ему пришлось обороняться. В то же время были улучшены наши позиции, а боевые охранения выдвинулись на выгодные рубежи. Что касается разведгруппы, то она не вернулась. Атакованные противником, разведчики мужественно бились с ними до конца. Об этом позднее рассказали и пленные финны.

Весь летне-осенний период активно действовали снайперы и разведчики полков и дивизии. Особо дерзкие вылазки в тыл врага совершала разведгруппа сержанта И. Сиухина, которая из каждого поиска возвращалась, как правило, с «языком». Хваленая финская разведка стремилась поквитаться с сиухинцами, но это ей не удалось. Славный разведчик был ранен. После лечения он был направлен в другое соединение, где погиб.

Массовое снайперское движение и действия разведчиков были лишь частью боевой жизни дивизии. В это время личный состав соединения был занят совершенствованием обороны, строительством землянок для жилья и путей сообщения к переднему краю. Так, только в 1942 году в полосе дивизии было построено более 300 километров окопов полного профиля и большое количество благоустроенных землянок.

24 ноября
Понедельник
1941 г.

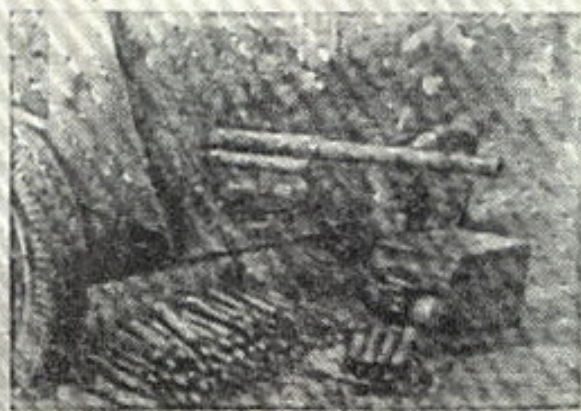
ЗА НАШУ ПОБЕДУ

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

ЗА ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ
ФИНСКИХ ПРИХВОСТНЕЙ! СМЕРТЬ ОККУПАНТАМ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША СЛАВНАЯ РОДИНА, ЕЕ СВОБОДА,
ЕЕ НЕЗАВИСИМОСТЬ!

Благородный труд

Нет и не может быть, иди Боден-Словения, чем бы война Югославии. Американо-роковские западнические ишу великую социальнуюскую родину. Нет и не может быть труд, более почетного, более благородного, чем труд врача, медсестры, санитарки, самоверливо выполняющей раненых героев. И дабы какание 24-го столетия Центральный Комитет ВКП(б) особо обратился в этом из депутатов о праздничном поведении к врачам.

ПРОВЕРКА ЛИНИИ

[illegible]

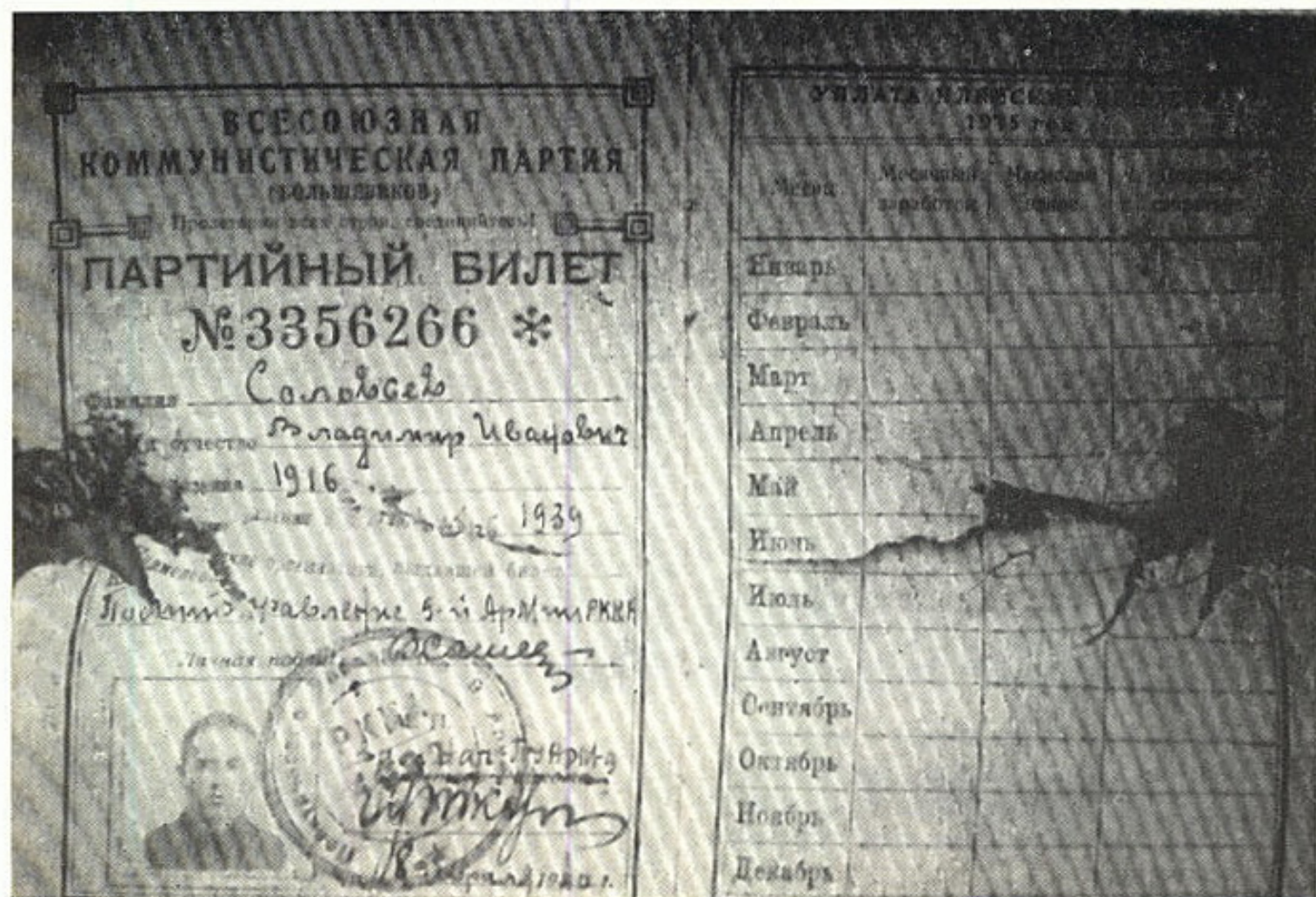
Газета 272-й стрелковой дивизии
«За нашу победу»

Комиссары полков и спецподразделений с начальником политотдела и комиссаром дивизии. Январь 1942 г.

Командир 815-го артиллерийского полка в период боев под Тихвином Я. Я. Рубен

Пробитый осколком партийный билет политрука роты 1065-го полка В. И. Соловьева

Группа награжденных воинов
1061-го стрелкового полка. Си-
дит в центре командир ди-
визии Т. П. Лесняк. Июль
1942 г.

Начальник штаба дивизии
Л. А. Добров

Командир, комиссар и полит-
руки 2-го батальона 1061-го
стрелкового полка

Начальник штаба 1063-го, а за-
тем 1061-го стрелкового полка
И. В. Доватор [фото 1931 г.]

Участники партийного актива дивизии. Деревня Тумазы, июль 1942 г.

Командование дивизии, полков
и спецподразделений. В цент-
ре командир дивизии полков-
ник З. Н. Алексеев. Осень
1942 г.

Командир роты автоматчиков
1065-го стрелкового полка
И. Е. Приходько

★
ВОИНЫ
ДИВИЗИИ —
ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

А. А. Асеев

М. Ф. Баландин

Л. В. Деменов

П. И. Иллюшко

С. Я. Киреев

М. И. Леонов

И. П. Мартыненко

А. И. Степовой

А. А. Асеев

М. Ф. Баландин

М. П. Берестовенко

П. И. Иллюшко

С. Я. Киреев

К. А. Кулик

И. П. Мартыненко

А. И. Степовой

В. И. Шмаков

Заседание партийной комиссии 272-й стрелковой дивизии по приему в партию разведчика 1065-го полка Макаренко. 1944 г.

Агитатор 1065-го стрелкового полка старший лейтенант С. Д. Сухопаров. Погиб в июле 1944 г. в Салми [фото 1940 г.]

После совещания девушек-комсомолок дивизии. В первом ряду в центре начальник политотдела подполковник В. М. Чупров. 1944 г.

Командир дивизии с июля 1944 года Герой Советского Союза В. М. Мешков

После совещания комсоров 1061-го
стрелкового полка. Сидит во вто-
ром ряду в центре замполит полка
подполковник К. Ф. Малышко

Помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии Н. Г. Жаренов [после войны — генерал-майор]

Инструктор политотдела дивизии М. Лузай. Погиб за Питкярантой 14 июля 1944 г.

А. Ф. Федоров

**Открытие памятного знака на
месте формирования дивизии
под Тихвином. 1966 г.**

**У братской могилы в Оште.
Июнь 1969 г.**

Ветераны дивизии на праздновании
25-летия освобождения города Пит-
кяранта. Июль 1969 г.

У братской могилы в селе Видлица.
1976 г.

Для обустройства опорных пунктов выбирались наиболее сухие места. Землянки строились в рост человека, с нарами, небольшими окошками и дверями, с очагами для отопления. Поверх накатов, засыпанных землей, укладывались валуны.

Тогда же начали создавать клубы, организовывать художественную самодеятельность. Временами для отдыха и подсобных работ на полях и лугах стали выводить часть людей в ближайшие тылы, в опустевшие деревни. Крестьянский труд, немудреный деревенский быт возвращали солдат к мирному времени...

Конец года ознаменовался двумя важными событиями. В октябре было принято решение об упразднении института комиссаров и политруков, вместо которых вводились заместители командиров по политической части. Указом Президиума Верховного Совета СССР в армии устанавливалось единоначалие. Отныне командир становился лично ответственным не только за боевые действия своего подразделения, части, соединения, но и за воспитание личного состава.

Вторым, поистине воодушевляющим, событием явилось сообщение Совинформбюро о переходе наших войск в наступление под Сталинградом. В эти дни в подразделениях дивизии бойцы говорили только об этом. Воины рвались в бой, но время для повсеместного наступления еще не пришло.

В это время был предпринят бой по улучшению переднего края обороны на левом фланге дивизии — в полосе 1061-го стрелкового полка. Основную задачу решал его 2-й стрелковый батальон. Офицеры полка И. Д. Аристаров, Н. Б. Кожанов, В. Д. Трефилов рассказывали о двухдневной яростной схватке с врагом, в результате чего были улучшены наши позиции, а противнику нанесен существенный урон. В память о тех днях остались шрамы от осколков на голове Николая Борисовича Кожанова. Осколки удалял тут же, на поле боя, его политрук Иван Дмитриевич Аристаров.

1943 ГОД

В январе войска перевели на новую форму одежды, с новыми знаками различия и едиными воинскими званиями. В это же время полкам вручили новые знамена, на алых полотнищах которых начертано: «За нашу Советскую Родину».

Через некоторое время постановлениями Государственного Комитета Оборона и ЦК ВКП(б) устанавливалась новая структура партийных и комсомольских органов в войсках. Упразднялся институт заместителей командиров рот и батарей по политической части. Партийным и комсомольским организациям батальонов и дивизионов, отдельных рот и батарей предоставлялись права первичных партийных организаций. Партийные бюро полков получили права комитетов.

К этому времени значительно выросли и окрепли ротные партийные организации. Они и явились верными помощниками командиров во всех его делах. Вместо инструкторов по пропаганде в полках и политотделах появились агитаторы. На должности парторгов и агитаторов полков дивизии были назначены Н. Х. Будыка, А. К. Ильичев, Г. К. Морозов, А. Е. Саков, С. Садыков, М. И. Симатин, А. Ф. Федоров, П. И. Трофимов. Кроме того, во всех батальонах и дивизионах были введены должности парторгов и комсоров.

Положение на нашем фронте, как сообщалось в сводках, оставалось без перемен. Но ни одного дня не проходило без стычек с врагом.

На фланге обороны 1061-го стрелкового полка было большое болото, на середине которого, глубоко вклинившись в оборону противника, находилось два поросших лесом островка, соединенных дугообразной перемычкой. Этот клочок земли занимало отделение сержанта Бурыкина. Кто-то заметил, что эти островки с перемычкой и мостиками между ними в разливы напоминают очки. Так и повелось, что и в разговорах, и в донесениях этот участок обороны стали называть «бурыкинскими очками».

Подход к островкам находился под постоянным пулеметным обстрелом противника и попасть на них можно было только в темное время или при тумане. Нередко на вопрос командира полка о положении в этом районе командир батальона докладывал, что на «бурыкинские очки» уже несколько дней хода нет — тропа освещается и простреливается врагом.

Напасть на острова противник мог с любой стороны, особенно в зимнее время, когда болото сковано льдом. Учитывая это, сержант Бурыкин проявил много выдумки и вложил немало сил, чтобы сделать свою оборону неприступной. По берегам островков бойцы вырыли траншеи и обнесли их колючей проволокой в несколько рядов. На проволоку навесили пустые консервные банки, а подходы

заминировали. Кроме того, на подступах к обороне были протянуты замаскированные проволочки, от которых в землянку была проведена сигнализация.

Не раз финны пытались проникнуть на острова, но тщетно. В любое время дня и ночи отделение было в боевой готовности. Только на «большой земле» (так бурыкинцы называли основную оборону полка) временами слышали, как на «очках» отбивают пулеметным и автоматным огнем очередной налет противника.

Случались и такие эпизоды. Однажды в начале зимы часовой услышал сигнал, а затем и приближение кого-то. Мгновенно все отделение оказалось в окопах. Бурыкин приказал огня не открывать, подпустить лазутчика поближе. А когда силуэт неизвестного приблизился, командир крикнул: «Стой! Руки вверх!» Тень шарахнулась в сторону. «Стой! — повторил сержант. — Стрелять буду!» Но не тут-то было. Короткая очередь — и все умолкло. Лишь на рассвете бурыкинцы увидели, что «нарушителем» оказался матерый медведь-шатун.

Шел 1943 год. Окруженная под Сталинградом группировка немецко-фашистских войск была разгромлена и пленена. Их войска, выбитые с Северного Кавказа и Кубани, отступали на запад. Оккупанты оставляли район за районом. Ленинград после прорыва блокады принял первые эшелоны с «большой земли».

Финское командование пыталось как-то помочь своему партнеру — гитлеровской Германии, а заодно и упредить предполагаемое наступление наших войск.

Ранним мартовским утром подразделения 11-й и 7-й пехотных дивизий финнов предприняли наступление в районе озера и реки Кузра. Поставленные на лыжи, финские войска в момент, когда их артиллерия и минометы открыли огонь по обороне 2-го и 3-го батальонов 1065-го полка, пересекли нейтральную зону и охватывающим маневром отрезали взводный опорный пункт левофланговой роты 3-го батальона.

Взвод под командованием младшего лейтенанта А. Ломакина и помкомвзвода В. Некрасова открыл по неприятелю огонь из всех имеющихся у него огневых средств.

2-й и 3-й стрелковые батальоны, используя свои резервы, попытались отбить противника от опорного пункта, но успеха не имели — слишком велики были силы врага.

Внезапное нападение крупных сил финнов требовало и с нашей стороны ввода значительных сил, но у полка их не было. И тем не менее командир полка подполковник

А. А. Мерешко вывел в район прорыва роту автоматчиков и приказал усилить артиллерийский и минометный огонь, чтобы отсечь резервы финнов.

Казалось, что лес стонал. Без умолку строчили пулеметы и автоматы, ухали разрывы мин и снарядов, падали деревья. Автоматчики с ходу бросились в атаку. Но продвигаться без лыж было крайне трудно, и вскоре они были отброшены назад массированным огнем врага.

Расстояние между отрезанным взводом и нашими контратакующими бойцами было невелико. В минуты затишья со стороны взвода доносились команды и призывы ударить по врагу посильнее.

Но противник стоял прочно. Тогда в этот район был выдвинут резерв командира дивизии, а комкор поднял по тревоге морскую бригаду. Когда по дорогам потянулись подразделения и артиллерия, враг открыл по ним сильный артогонь. Пути к району боя покрылись воронками, затянулись гарью. На обширной территории стоял сплошной грохот. Вся дивизия была на чеку: не является ли это наступление отвлекающим маневром и не готовится ли в другом месте главный удар? Однако на других участках противник активности не проявлял.

Отбить финнов от взводного опорного пункта не удалось. И батальоны бригады, выйдя в район Гонгинского и Оранжевого озер, остановились.

Между тем огонь продолжался с обеих сторон. К переднему краю спешили повозки с боеприпасами, снаряжением и другим имуществом. Назад везли раненых. Но вот бой, кипевший более двух суток, постепенно затих.

Что касается окруженного взвода, то, по показаниям пленных, весь личный состав опорного пункта вел себя мужественно, ни один человек не сдался в плен. Эти 28 товарищей нами не забыты, их подвиг остался в наших сердцах.

Понеся значительные потери, финны убедились, насколько упорным стало сопротивление нашей армии. Да и самого этого прорыва могло не быть, если бы оборона дивизии не была так широко растянута по фронту...

Весь 1943 год активно действовали разведчики дивизии. В разведку отбирались самые волевые, мужественные, ловкие, смекалистые и сильные люди. Возглавляли разведчиков офицеры Н. Б. Кожанов, В. И. Ловыгин, Н. С. Соломкин, Н. П. Костин, А. Н. Третьяков, сержанты И. Киселев, В. Самодуров, И. Сиухин и другие.

Как правило, все разведывательные операции тщатель-

но готовились, и лишь после этого разведчики выходили на задание. Не всегда они достигали своей цели — возвращались и без «языков», несли потери. И все-таки сделано ими было очень много. Вот несколько эпизодов.

В июне 1943 года разведка 1061-го стрелкового полка, подробно изучив один из опорных пунктов противника, под прикрытием ночи выступила на выполнение задания.

Группа обеспечения осталась у проходов в минных полях и проволочных заграждений. Группа захвата в составе 8 человек под командованием сержантов Ананьева и Харсекина подползла к траншеям противника и разделилась на две части. Одни разведчики залегли с автоматами и гранатами у траншеи, другие стали ждать приближения вражеского часового. И как только тот приблизился, один из бойцов мгновенно вскочил и нанес удар по голове врага. Оглушенного пленного с кляпом во рту потащили в наше расположение.

Оставшиеся у траншеи продолжали вести наблюдение за выходами из землянок противника, а когда остальные разведчики с «языком» встретились с группой прикрытия, они бросились к землянкам, распахнули двери и забросали финнов гранатами. С опорным пунктом было покончено. Смельчаки собрали оружие, документы и стали возвращаться назад. В это время противник бросил к опорному пункту подкрепление. Но отсечным артогнем его солдаты были частью перебиты, частью рассеяны. Разведчики без потерь, с пленным и трофеями возвратились в свое расположение. В группу захвата, кроме сержантов Ананьева и Харсекина, входили бойцы Брюханов, Галыгин, Голдобин, Ипполитов, Попов и Усов.

О другом июльском разведпоиске писала газета «За нашу победу»: «Разведчики Харсекин, Голдобин и Брюханов незамеченными проникли в расположение обороны противника и залегли около траншей. Через 20—25 минут из землянки, расположенной в 70 метрах, вышел финский солдат. Харсекин решил подпустить его поближе и захватить. Но солдат, не доходя метров десяти до разведчиков, заметил их, выстрелил и бросился к землянке. Харсекин побежал за ним, но догнать не смог и выстрелом из автомата убил его. Ошеломленные стрельбой у своей землянки, 8 белофиннов выскочили из нее и побежали в свой тыл. Тогда по ним открыли огонь минометчики Юрьева и нескольких тут же уничтожили».

В октябре 1943 года командир взвода разведки 1065-го полка младший лейтенант Н. П. Костин рассказывал

в газете, что когда разведчики в количестве 15 человек внезапно атаковали опорный пункт врага, его гарнизон в панике бросился в свой тыл. Убежал и пулеметчик, не произведя ни единого выстрела. «Уничтожив до десятка белофиннов и захватив с собой станковый пулемет и винтовки,— пишет Костин,— разведчики благополучно и без потерь вернулись в свое расположение». Огорчены были лишь тем, что не удалось захватить «языка» — финны удирали без оглядки, и нагнать их могли только пули и гранаты.

В этом поиске особенно отличились воины Мотин, Гребенной, Хрупалев, Барабаш, Карпов, Ефимов и Карасев.

Особой дерзостью и мастерством отличался разведчик сержант Иван Киселев. Ветеран дивизии, он сразу же пошел в разведку. «Десятки раз,— писал он в газете в мае 1945 года,— довелось мне участвовать в налетах на вражескую оборону. Постоянными спутниками в этих рейдах были мои боевые друзья — сержант Дрожжин, ефрейторы Батагов и Соловьев, красноармеец Васильев, радисты Олейников и Ребриков... 12 ночных поисков, которые я возглавлял, завершились взятием «языков».

Об одном из его рейдов наша газета писала: «Двести метров отделяли наших бойцов от противника. Это расстояние разведчики преодолевали в течение нескольких часов. Они ползли, не отрываясь от земли, и даже самый опытный вражеский наблюдатель не в силах был разглядеть в сгустившихся сумерках группу Киселева. Только у самых траншей, перед броском на врага, они были открыты. Сюда, на группу отважных разведчиков, противник направил свой огонь. Киселев был ранен. Но, несмотря на это, он довел свой поиск до конца и привел пленного солдата».

Иван Киселев имел шесть ранений, из них два тяжелых. Но из разведки он не ушел до последнего дня войны. За свои многократные подвиги он был награжден четырьмя орденами и двумя медалями.

Так шли дни в обороне.

Лучшие из лучших, отличившиеся в боях солдаты, сержанты и офицеры пополняли ряды нашей партии и комсомола. То и дело можно было встретить дивизионную партийную комиссию, которая прямо на переднем крае рассматривала дела о приеме в партию.

Росли и крепились партийные организации подразделений и полков. Совершенствовалось мастерство воинов.

И противник теперь значительно уступал нашим войнам, хотя численно и превосходил нас.

Об этом красноречиво говорил немецкий генерал Дитмар: «В течение всего 1943 года на финском и лапландском участках фронта... перед финскими и немецкими войсками, насчитывавшими около 550 тысяч человек и находившимися в превосходном состоянии, действовали силы русских, не превышавшие 270 тысяч человек»*.

Имея двойное превосходство, враг уже не располагал инициативой, хотя мы все еще находились в обороне.

Сотрудник дивизионной газеты поэт Александр Иванов некоторое время спустя писал:

Не где-то,
Не когда-то,
А на передовой,
Под крышей в три наката
Был домик фронтовой.
Над ним леса шумели,—
Бескрайние леса.
.....
Мы на врага ходили
У берегов Свири
И пополам делили
Ржаные сухари.
Вся жизнь — как на ладони.
Тяжел солдатский труд!
Два года в обороне
Мы простояли тут.
.....
Война — такое дело,
Что жизни не жалеи.
Иди в атаку смело,
Врага, как волка, бей!
В засаде, в карауле,
Везде, где попадет...

И советские воины били врага, били всюду, где только было возможно.

Глава седьмая

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

В РЕЗЕРВЕ ФРОНТА

Наступил 1944 год. Два года в обороне. И почти на одном месте. До щемящей грусти стали близкими нам высоты с окопами и траншеями на десятки километров,

* Мировая война. 1939—1945 годы: Сборник статей. Перевод с немецкого. М., 1957, с. 143.

с деревьями вокруг, побитыми пулями и снарядами. Здесь протекала наша фронтовая жизнь, полная горечи от потери друзей, надежды и веры в будущее.

1944 год в самом начале ознаменовался победами нашего оружия, нашего правого дела. Враг разгромлен под стенами Ленинграда, окончательно снята блокада великого города, немцы вышвырнуты на юго-западе из пределов Ленинградской области. В связи с этим был упразднен Волховский фронт, а его командующий генерал К. А. Мерецков переведен на Карельский фронт. 7-я отдельная армия под командованием генерал-лейтенанта А. Н. Крутикова вошла в подчинение Карельского фронта.

Карельский фронт простирался на 1560 километров. На его долю приходилось более трети всего советско-германского фронта.

Кирилл Афанасьевич Мерецков, по воспоминаниям Константина Федоровича Калашникова, возглавлявшего Политуправление Волховского, а затем Карельского фронтов, высоко отзывался о Карельском фронте и его войнах. «...Иная оборона стоит наступления,— говорил командующий,— Карельский фронт героически воевал в обороне»,— пишет К. Ф. Калашников в своей книге «Право вести за собой».

Сразу по прибытии в Карелию командующий фронтом вывел 272-ю стрелковую дивизию с переднего края обороны в свой резерв. В мартовские дни, под вой метели с обильным снегопадом, к переднему краю обороны дивизии подошли подразделения 162-го Укрепленного района. И наши части, передав им оборону, оставили свои обжитые рубежи. В предвечерних сумерках полки потянулись в тыл. Многим бойцам, впервые за два года покинувшим оборонительные рубежи, встречавшиеся небольшие деревушки представлялись после леса и болот чем-то светлым и заманчивым.

Люди испытывали противоречивые чувства: с одной стороны, властно зовущее, но неизвестное и поэтому тревожное будущее, с другой — прикипевшее к сердцу каждого и в то же время осточертевшее прошлое. Очень верно, спустя время, передал эти ощущения Александр Иванов:

Как будто ветер у порога
Взмахнул невидимым крылом...
Мне так и видится дорога,
Что в лес уходит за селом.

.....
А там, в лесу,— окопы, дзоты
И гнезда точек огневых.
Подразделения пехоты
Ждут приказаний боевых.

Сначала полки проследовали в район Андроновского. Люди немного осмотрелись, вымылись в сельских банях, отдохнули. В то же время каждый понимал, что пришли мы сюда не для отдыха, а для большой подготовки к предстоящим боям.

В обороне на более чем двухсоткилометровом участке оставались две дивизии, морская бригада и два укреп-района. Против этих сил противник держал четыре дивизии и одну бригаду, не считая трех соединений в резерве.

Боевая учеба по ведению наступательных боев началась в дивизии еще во время обороны. Ей отдавал все свои силы и умение заместитель командира дивизии по строевой части полковник И. А. Москалев, а после его убийства — вновь прибывший замкомдив Герой Советского Союза полковник В. М. Мешков. Но учебой в то время было охвачено сравнительно немного людей. Обучение велось на небольших участках за отделение, взвод и, как исключение, за роту. Теперь, когда из обороны была выведена вся дивизия, в учебу включились все без исключения подразделения и части.

После короткого отдыха в Андроновском комдив генерал-майор З. Н. Алексеев вывел на учения в леса все части дивизии. Цель этих учений — отработка наступления в лесисто-болотистой местности.

Подразделения и полки, выполняя задачу, всю ночь продвигались бездорожьем по кручам и болотам, по заснеженным лесам. Шли, как в бой, преодолевая невероятные трудности.

Возвратясь к исходу вторых суток в район Андроновского и сделав разбор учения, части дивизии тут же покинули село и переместились в район Надпорожья в леса, на речки Сара и Лижма и далее на Шапшу и Киницы.

Днем пригревало солнце, растапливало снег, и людям приходилось идти по колено в сыпучем месиве, с усилием делая каждый новый шаг. Ночью же стояли крепкие морозы. Уставшие за переходы солдаты, постелив хвойные ветви прямо на снег, тут же засыпали.

Да, двухлетнее пребывание в обороне наложило на

воинов заметный след, и им очень трудно было перестроиться физически и морально на решение новых задач.

Однако постоянная учеба и политико-воспитательная работа, нацеленные на подготовку к наступлению, преодолению связанных с ним лишений и трудностей, постепенно делали свое дело. Все становилось на свои места, люди приспособлялись и крепили.

Учитывая длительное пребывание дивизии в обороне, а также огромный опыт, накопленный войсками других фронтов в наступлении, надлежало отработать действия подразделений и полков в наступлении, при прорыве укрепленных полос и блокировании долговременных огневых сооружений, по захвату плацдармов и их расширению, а также четкое взаимодействие с приданными и поддерживающими средствами.

Надлежало усовершенствовать и элементы индивидуальной подготовки бойца. О том, как такая подготовка пригодилась в последующем, рассказывали сами солдаты и командиры. Вот что по этому поводу писал в сентябре 1944 года в газете «За нашу победу» старший лейтенант М. П. Берестовенко: «Тренировались в метании гранат из разных положений на дальность и в различные цели: в окно, в амбразуру, в окоп. Бойцы тренировались в беге, учились искусству рукопашной схватки... Много помогал мне в этом красноармеец Каноныхин. Бывало, он становился на поляне. На него кидался Э. И. Рауд. Каноныхин, ловко изогнувшись, цепко хватал Рауда чуть выше кисти, и оружие само вываливалось у Рауда из рук».

А вот отрывок из заметки рядового Коркина, помещенной в том же номере газеты: «Когда мы готовились к боям, я много занимался. Я старался точно выполнять все упражнения, старался все запомнить и постичь. Много мне помогали опытные воины Мищенко и Голицын. Я спрашивал их обо всем. Некоторыми вопросами я просто удивлял их и даже смешил, но они терпеливо мне разъясняли... и наука пригодилась. Сразу же, как только мы переправились через Свирь, нам приказали блокировать дзот. Он стоял на возвышении, и подобраться к нему было очень трудно. Сначала мы к нему подбирались по траншеям, а потом, когда траншеи кончились, поползли прямо на виду у противника. Как ни свирепствовал враг, мы все же добрались к дзоту и забросали его гранатами. В дальнейшем я был связным... Много раз под огнем противника бегал и подползал с боевыми донесениями, много раз ходил устанавливать стыки с сосе-

дями, выяснять обстановку в отделениях. И всегда я с чувством благодарности вспоминал моих учителей И. М. Голицына и М. Мищенко».

Основой подготовки к наступательным боям являлись учения крупных сил. Поскольку перед оборонительными рубежами противника простиралась большая река, то, естественно, следовало научиться форсировать водные преграды. И как только вскрылись реки, дивизия вернулась на реку Оять, где и начались эти тренировки.

Во второй половине апреля на дивизионные учения — бой с форсированием водной преграды — прибыли командующие фронтом и армией генералы К. А. Мерецков и А. Н. Крутиков.

На учениях части дивизии показали неплохие результаты. На разборе командующий фронтом, в основном положительно оценив действия воинов и указав на недоработки, предупредил, что из средств переправы, кроме одной паромной, предназначенной для артиллерии и танков, других не будет, что нужно поэтому иметь свои и готовить их незамедлительно.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Два с половиной года стояли финские войска на рубеже Онежское озеро — Коромыслово — Шумилино — Сяргозеро — река Шакшозерка — Урозеро — Демидовская — Свирьстрой — река Свирь — Кечкужно на Ладожском озере. И все это время они, согнав сюда оставшихся на оккупированной территории советских людей, вели работы по укреплению занятых позиций.

На левом берегу Свири на плацдарме были построены траншеи с опалубкой, бетонированные колпаки над огневыми точками, надолбы на танкодоступных участках, и на всем протяжении — проволока на бетонных столбах в несколько рядов. Но еще более мощные сооружения были созданы на северном берегу Свири.

До сих пор стоит у деревни Пидьма полувзорванный дот с бетонными стенами метровой толщины, с бойницами в несколько рядов и перекрытиями, способными выдержать взрыв мощной бомбы. Он встроен в крутой берег и равен по размеру трехэтажному дому.

Финны построили и вторую полосу обороны перед Олонецкой равниной. Она проходила через леса и болота, между озерами и по рекам от Мегрозера на Самбатуксу, Сармяги и Обжу к Ладоге. А дальше полосы обороны

проходили по реке Видлица, на старой границе, под Салми и в районе Питкяранты.

Генерал С. М. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» рассказывает о том, как командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков явился с изготовленными макетами вражеской обороны на Свирь в Ставку, чтобы показать, что такую оборону без крепкой поддержки новыми соединениями и огневой мощью не возьмешь. «И макеты,— заключает С. М. Штеменко,— не преувеличивали обстановку, действительность превзошла и их».

272-й стрелковой дивизии вместе с другими соединениями предстояло вести бои именно здесь, на Свири и в южной Карелии.

Несколько раньше, когда генерал К. А. Мерецков отдал приказ о выводе дивизии в резерв, в Москве шли переговоры с Финляндией о прекращении войны, и командующий имел указание готовиться к боям на севере против немецкой Лапландской армии. Туда он предполагал взять и 272-ю дивизию. Но ситуация изменилась.

В книге «На службе народу» К. А. Мерецков писал, что подготовка к проведению операции на севере шла полным ходом, «но в том виде, в каком последняя была задумана, ей не суждено было осуществиться». В самый разгар подготовительных мероприятий финские руководители прекратили переговоры. Они отказались разорвать с Германией и интернировать или изгнать немецко-фашистские войска из своей страны. Тогда, чтобы вывести Финляндию из войны, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение нанести главный удар по их войскам на Карельском перешейке и в южной Карелии.

Учитывая все эти обстоятельства и указания командующего фронтом, командование дивизии создало отряд строителей лодок и плотов, получивший в обиходе название «строительного комбината». В него вошли люди, знавшие толк в рубке подходящего леса, его распиловке и изготовлении средств переправы. Работы было решено вести на одном из притоков Свири, откуда их сравнительно легко можно будет переправить по воде в нужный район.

Люди, вошедшие в отряд строителей, включились в работу с энтузиазмом, но умения у многих не доставало. Пришлось отобрать специалистов и из строевых подразделений.

Тепло погожих солнечных дней портило материал, доски давали трещины — пришлось искать смолокуров (и такие специалисты были найдены среди бойцов).

Строителей то и дело посещали командир дивизии и начальник политотдела, командир корпуса и его заместители. Наведался к ним и член Военного совета фронта генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков. Бывший второй секретарь Ленинградского обкома партии, опытный руководитель и организатор, он приказал значительно увеличить количество изготавливаемых переправочных средств, объяснив это тем, что потери их в ходе предстоящей операции неизбежны. На ссылку, что на все не хватит времени, Терентий Фомич ответил: «На фронте не хватает времени только для сна, а на все остальное — хватает».

Благодаря вниманию, помощи и контролю со стороны командования и политорганов строители дивизии изготовили 700 лодок, 1500 весел к ним и несколько больших плотов для тяжелых грузов. Этого оказалось достаточно не только для собственных нужд — 150 лодок было передано соседней 99-й дивизии 37-го гвардейского стрелкового корпуса, который прибыл на Свирь, но своих средств переправы не имел.

Одновременно в частях дивизии продолжались занятия и учения. Пользуясь тем, что стояли белые ночи, время занятий увеличили. Учения проводились на реке Шапша, а позднее — Шоткуса. Форсирование и наступление, наступление и форсирование, учебные бои в имитированной обороне противника, переходы и снова бои в новой полосе следовали, не прекращаясь, весь май и первую половину июня.

16 июня дивизия получила приказ выступить в район Лодейного Поля. Полки шли походными колоннами. Элементы различных видов боя отрабатывались и во время марша.

Подсохли лесные дороги, легче преодолевались низменные заболоченные участки. Через большие болота саперы прокладывали лежневки. 18 июня дивизия сосредоточилась в районе железнодорожной станции Шамокша, что южнее Лодейного Поля.

Здесь бойцы и командиры увидели танки и артиллерию крупных калибров. Чувствовалось, что готовится большое наступление. Люди знакомились с воинами, прибывшими сюда с других фронтов и направлений, с интересом слушали рассказы о боях на юге и западе, о том, как били и гнали там на запад немецко-фашистские войска. Прибывшие интересовались районом предстоящих боев и противником на этом участке. Для тех и других это был полезный обмен опытом.

В задачу предстоящей операции входило: ударом войск 7-й армии от реки Свирь и 32-й армии — от Повенца окружить и уничтожить финскую группу войск «Олонец», очистить южную Карелию от врага, освободить Петрозаводск, железную дорогу и водный путь, связывающие центр страны с севером, и выйти на государственную границу с Финляндией.

Главный удар от Лодейного Поля в направлении Олонец — Питкяранта должны были нанести войска 7-й армии, состоящей из 17 соединений.

К началу наступления на Свирь армия пополнилась 37-м, 99-м и 94-м стрелковыми корпусами, артиллерийской дивизией прорыва, отдельными артиллерийскими и минометными полками, танковыми и инженерными войсками. Ударная мощь армии возросла более чем в три раза.

Противник, державший на Онежско-Ладожском перешейке пять пехотных дивизий, две пехотные бригады, две бригады береговой обороны и несколько отдельных батальонов, после начала наступательных действий на Карельском перешейке был вынужден снять со Свирь две дивизии и одну бригаду и перебросить их туда. А это означало, что наше превосходство над противником еще более возросло.

Наступление войск на 12-километровом участке направления главного удара должны были поддерживать 1685 орудий и 312 реактивных установок — «катюш».

Невольно вспоминались наступательные бои дивизии, проведенные в октябре — декабре 1941 года и в апреле 1942 года. В 1941 году в 25-километровой полосе действовали два малочисленных полка, их поддерживали 16 орудий и минометов, а в 1942 году в такой же полосе — три стрелковых полка при поддержке 80 орудий и минометов. Какие же титанические усилия и массовый трудовой героизм проявили наши люди в тылу, какую огромную организаторскую работу провели наша партия и правительство по руководству страной за эти тяжелые годы, дав армии такое мощное вооружение и оснащение!

Воины были воодушевлены — такого они еще не видавали.

В оставшееся до наступления время бойцы рыли окопы, траншеи в полный профиль, строили огневые позиции и железнодорожные подъездные пути для сверхмощной тяжелой артиллерии и подвоза к ней снарядов, командные и наблюдательные пункты для командиров и штабов.

По приказу командующего армией в первый эшелон

были выдвинуты находившийся с 1941 года на Свири 4-й стрелковый корпус, состоявший из двух стрелковых дивизий и морской стрелковой бригады, а также вновь прибывший сюда 37-й гвардейский стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий.

Наша 272-я дивизия получила полосу в 2,5 километра на правом фланге своего 4-го корпуса. Слева — 114-я дивизия нашего корпуса, сосед справа — 99-я дивизия 37-го стрелкового корпуса. Разграничительная линия между корпусами устанавливалась: устье реки Каномка — Олонец — Большие Горы и далее к границе.

4-му стрелковому корпусу предстояло наступать в прибрежной полосе Ладожского озера, преодолеть устья нескольких рек и мощные укрепленные рубежи по их берегам и перед населенными пунктами.

Исходя из поставленных задач, командир дивизии решил форсировать Свирь двумя эшелонами. В первом — батальон разведки и обеспечения, выделенный из 1063-го полка, два батальона 1061-го и один 1065-го полков. Во втором эшелоне — остальные стрелковые батальоны и все поддерживающие силы дивизии.

С огромным напряжением работали штабы дивизии и полков. Круглосуточно велось наблюдение за противником, за его системой огня. Все политработники находились в подразделениях — готовили людей к большому наступлению, проводили беседы, вместе с командирами расставляли коммунистов и комсомольцев на самые ответственные участки, подбирали замену на случай выбытия того или иного должностного лица, проверяли готовность воинов к боевым действиям, знание ими своих задач, их обеспечение.

Проходили собрания и митинги, оформлялись документы. Партийная комиссия, рассматривая дела вступающих в партию, непрерывно заседала в подразделениях. Словом, дел у всех было невпроворот.

И вот дивизия приведена в полную боевую готовность, пополнена и оснащена всеми видами оружия и техники. Бойцам первого эшелона выданы надувные жилеты, каждый снабжен памяткой о порядке переправы через реки. Безостановочно работали тылы, доставляя боеприпасы, горючесмазочные материалы, снаряжение, продовольствие.

20 июня подразделения дивизии заняли исходные рубежи для наступления. Встали на свои огневые позиции артиллерийские батареи.

Левый берег Свири от реки Каномка и далее на запад,

где заняла исходные позиции дивизия, высокий и песчаный. С него хорошо просматривается низкий, покрытый вначале мелколесьем, а затем могучим лесом противоположный берег, занятый противником. Что там? Знает ли враг о подготовке наших войск к броску через Свирь?

Артиллерия изредка пристреливалась. Неприятель отвечал своим огнем. Но перестрелка была не интенсивной — артиллерия не показывала своей мощи. Временами наступало совершенное затишье.

В ходе подготовки к наступлению 4-й стрелковый корпус, в том числе нашу дивизию, посетили командующие фронтом и армией К. А. Мерецков и А. Н. Крутиков. Тут уже находился начальник Политуправления фронта генерал К. Ф. Калашников (до января 1942 года — секретарь Московского горкома партии). Вспоминая этот момент, Константин Федорович пишет: «В траншее встречаю К. А. Мерецкова. Он довольный. «Как в родной дом попал!» — говорит командующий». Да, части нашей дивизии ему хорошо знакомы.

Накануне наступления вечером в дивизию приехал член Военного совета фронта генерал-майор Г. Н. Куприянов. Еще раз вместе с командованием дивизии проверив готовность, он собрал командиров и политработников и, дав последние указания, пожелал всем нам успехов в решении большой задачи.

После совещания я направился в свой полк. В траншеях людно. Кроме своих бойцов и командиров, здесь офицеры штабов и политотделов. Ведутся беседы, читаются листовки о порядке форсирования водных преград, сообщения с других фронтов. Особенно внимательно и заинтересованно слушают бойцы вести об успехах наших войск, наступающих на Карельском перешейке.

И вот звучит обращение Военного совета фронта: «Верховное Главнокомандование приказало нам,— слушали бойцы,— очистить Советскую Карелию от немецко-фашистских захватчиков...»

...Ночью лодки и плоты были поставлены на свои места и тщательно замаскированы. Это было сделано быстро и скрытно. Во всяком случае, противник, чутко реагирующий на всякое движение на нашем берегу, огня почти не открывал.

Итак, шла последняя ночь.

Вот как вспоминал о тех часах бывший командир отделения батальона захвата 1063-го полка В. И. Усольцев: «Мы видели могучую силу, которая сосредоточена для

поддержки нас, и все же, признаться откровенно, все мы волновались за исход завтрашнего дня. Кому-то из нас удастся переплыть реку и бить врага за Свирью, кому-то не суждено будет дойти до лодок, а кто-то останется в полноводной Свири навсегда. Люди ждали всего, они не трусили, а спокойно каждый просил своего друга сделать то-то и то-то, а в случае чего — написать тому-то. Для каждого из нас это было очень важно. Был на исходе третий год войны, и оторванные от родных мест и семей люди, наряду со злобой к врагу, успели накопить много нежной грусти о своих семьях, детях, женах, любимых».

В эту ночь почти никто не спал. Снова и снова уточнялись задачи, многие писали письма родным. Вот одно из тех писем — офицера разведки 1065-го стрелкового полка старшего лейтенанта Н. С. Соломкина, который писал своей жене: «...Может случиться и так, что я погибну в боях, в уже начинающемся нашем генеральном наступлении и самом тяжелом сражении... Нам предстоит очень трудная задача форсировать большую водную преграду, превращенную фашистами в сильно укрепленную линию. Безусловно, мы выполним эту задачу и вышвырнем фашистов с нашей священной земли. И если сложится так, что я погибну, не убивайся, война есть война. Многое ты пережила, переживи и это...»

Глава восьмая

НАЧАЛО

ФОРСИРОВАНИЕ СВИРИ

Всем нам был памятен день 21 июня 1941 года. Это был канун Великой Отечественной войны, последний и поэтому особенно дорогой каждому мирный день. С того дня минуло ровно три года.

И вот утро 21 июня 1944 года. Полное безветрие, на небе ни облачка, лишь над Свирью легкая пелена тумана. Как всегда, степенно поднимается солнце и ласкает все окрест своими лучами.

Справа от нас — Лодейное Поле, точнее, развалины города, заложенного Петром I 240 лет назад. Там в ожидании сигнала к наступлению наши соседи — 99-я стрелковая дивизия.

Тишина.

Но вот где-то зародился чуть уловимый шум, стал нарастать. Это в сопровождении истребителей подходили наши бомбардировщики.

Приблизившись, самолеты разворачивались для атаки. Противник пытался бить по ним из зенитных орудий. В голубом небе появились белые клубочки от разрывов снарядов. В это время от бомбардировщиков стали отделяться поблескивающие «сигары» и стремительно полетели вниз. Оборону врага окутал густой дым.

За первым бомбовым ударом последовал второй. Клубочков от разрывов снарядов вражеских зениток уже не было видно. Снова грохот, и дым на том берегу стал плотнее и выше. А за Свирь уже шла очередная волна бомбардировщиков... Всего в этой операции приняли участие 588 самолетов 7-й воздушной армии Карельского фронта и 150-й воздушной армии Ленинградского фронта*.

После авиации в дело вступили «катюши»—312 мощных реактивных установок.

В 8 часов 40 минут в воздух взвилась ракета. Одновременно на 12-километровом участке ударили 1685 орудий.**

Артиллерийская подготовка продолжалась 3 часа 32 минуты. И каждую минуту в течение этого времени на участке прорыва в обороне врага разрывалось в среднем две тысячи снарядов и мин***.

В ходе артподготовки, с целью выявления огневых точек врага, была предпринята имитация переправы. От берега отплыло несколько лодок с чучелами. Противник сразу же начал обстреливать их. Расчеты наших орудий, поставленных для стрельбы прямой наводкой, засекали огневые точки и подавляли их. Правда, уничтожить их все не удалось, так как финны пользовались и временными огневыми позициями, а в глубине их обороны доты были надежно защищены, сильно укреплены и замаскированы. Кроме того, весь правый берег в результате разрывов бомб, снарядов и мин был закрыт густой пеленой дыма и пыли, что затрудняло ведение точного прицельного огня.

В 11 часов 47 минут 360 самолетов нанесли по вражеской обороне еще один бомбовый удар. А на заключительном этапе — пятнадцатиминутный артналет всех систем орудий и минометов.

* ЦАМО СССР, ф. 214, оп. 12 121, д. 3, л. 52—53.

** Там же, ф. 340, оп. 5397, д. 72, л. 137.

*** Там же, ф. 214, оп. 1510, д. 565, л. 47.

В 11 часов 53 минуты, когда еще во вражеской обороне рвались бомбы, снаряды и мины, по приказу комдива начал форсировать Свирь батальон разведки и обеспечения 1063-го полка под командованием капитана В. И. Шмакова с ротой автоматчиков и одновременно с ними — 2-й батальон 1065-го стрелкового полка.

Когда автоматчики стали спускать лодки на воду, группа финнов, выскочив к самой воде, начала обстреливать их из стрелкового оружия. Эту цель тут же уничтожили наши пулеметчики и артиллеристы. Лодки с людьми пошли впереди. Высокие фонтаны воды вздымались тут и там от разрывов вражеских снарядов и мин. Вода бурлила, как в кипящем котле, но лодки продолжали движение, преодолевая 400-метровую водную преграду с быстрым течением и глубиной 4—6 метров. Вот первые восемь лодок уже подошли к тому берегу, и воины, прыгая в воду, устремились вперед.

Бойцы роты автоматчиков, 6-й стрелковой роты и батальона Шмакова, 5-й роты 1065-го полка и другие ринулись на врага.

В роте автоматчиков 1063-го стрелкового полка исключительно мужественно действовали коммунисты во главе со своим парторгом младшим сержантом Э. И. Раудом. Когда командир подал команду: «Вперед, к лодкам», Рауд первым бросился к воде. Пристали к северному берегу, и Рауд снова впереди. А когда на пути оказалась огневая точка противника, он мастерским броском гранаты уничтожил ее и тем самым дал подразделению возможность продвигаться дальше.

Бойцы взвода роты автоматчиков этого же полка при продвижении в глубь обороны врага встретили дот. Движение остановилось. Тогда командир взвода М. П. Берестовенко направил своего помощника старшего сержанта И. М. Голицына и связного Коркина к доту с одной стороны, а сам пополз с другой. Под сильным огнем они сумели приблизиться к доту и забросать его гранатами. Путь для движения был открыт.

Старший лейтенант Н. С. Соломкин вместе с полковыми разведчиками, высадившимися со 2-м стрелковым батальоном 1065-го полка, зашел в тыл противника, выяснил обстановку, а затем доложил командованию полка. Это позволило правильно нацелить роты и прорвать передний край обороны врага с наименьшими потерями.

В момент спуска лодок на воду взрывом финской мины были ранены командир взвода 5-й стрелковой роты 1065-го

полка младший лейтенант К. А. Кулик и четыре бойца. Когда санитары стали выносить раненых, Кулик наотрез отказался покинуть свой взвод. Преодолевая боль, он с бойцами в числе первых переправился на правый берег. И лишь после того, как поставил конкретные задачи своему взводу и объяснил ход дальнейшего наступления, отправился на лечение.

Первый эшелон переправился через Свирь, когда артподготовка еще не закончилась и финны были прижаты огнем, поэтому понес небольшие потери. Зато второй эшелон — два батальона 1065-го полка, 3-й батальон 1061-го полка и подвижной отряд капитана А. Г. Грица, — переправлявшийся, когда противник стал приходить в себя, имел ощутимые потери, которые могли быть еще больше, если бы не батарея А. Т. Торгунакова 815-го арtpолка, которая прямой наводкой била по огневым точкам противника с предельной точностью.

Высадившиеся пехотинцы еще вели жаркий бой за расширение завоеванного плацдарма по фронту и в глубину, а с левого берега уже переправлялись роты бронебойщиков, минометчиков, батареи 45-миллиметровых орудий.

Через два часа после начала форсирования на правом берегу Свири уже находились 272-я и 114-я стрелковые дивизии 4-го корпуса и две дивизии 37-го гвардейского корпуса. Через реку наводились паромные переправы для тяжелых орудий, танков, транспорта.

Берега Свири минировались на протяжении почти трех лет. Мины устанавливались осенью и зимой, весной и летом. Теперь, чтобы сделать пути прохода в минных полях на том и другом берегах, саперам пришлось проделать огромную работу, проявляя большое мужество и рискуя собственной жизнью ради спасения жизни бойцов. И тот факт, что на минах подорвалось сравнительно мало людей, — огромная заслуга саперов дивизии, действиями которых руководил командир саперного батальона капитан А. Н. Суворов.

Вместе с передовыми подразделениями форсировал Свирь парторг роты связи сержант А. Ф. Шигорин. На правом берегу он тотчас установил связь с командиром полка, при этом действовал не только как связист, но и как любой наступающий боец, с автоматом в руках отбивая занятую врагом территорию.

Во 2-м батальоне 1061-го стрелкового полка первыми сошли на противоположный берег командир взвода 5-й

стрелковой роты лейтенант С. Я. Киреев, разведчик Я. Борисевич и командир пулеметной роты старший лейтенант Т. Ф. Пономарев со своими бойцами. При продвижении в глубь вражеской обороны все трое действовали исключительно мужественно. Только что принятый в партию С. Я. Киреев во главе взвода храбро бросался на уничтожение огневых точек противника, истребляя финнов либо обращая их в бегство. И подразделения батальона, продвигавшиеся следом, имели небольшие потери.

С 3-м стрелковым батальоном этого же полка переправлялись через Свирь начальник политотдела дивизии подполковник В. М. Чупров и другие работники политотдела. Пробитая осколками лодка едва держалась на воде. Виталий Миронович, приказав всем вычерпывать воду касками, подхватил весло, выпавшее из рук гребца, и направил лодку к противоположному берегу. Однако лодку пришлось покинуть и добираться до берега вплавь.

Исключительную смелость проявил командир взвода автоматчиков 1065-го стрелкового полка лейтенант М. Ф. Баландин. Его взвод должен был переправить на вражеский берег командование и штаб полка, но, подбежав к лодкам, люди увидели, что все они разбиты вражескими снарядами. Тогда лейтенант бросился в воду, переплыл реку и пригнал лодку с противоположного берега. Затем он повторил операцию, на этот раз подобрав пустую лодку, плывшую по реке. Так, благодаря смелости и находчивости лейтенанта М. Ф. Баландина, командование полка смогло своевременно переправиться на правый берег.

Итак, наша 272-я дивизия форсировала Свирь и заняла плацдарм. Успешному осуществлению операции способствовала большая подготовительная работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций, сумевших обеспечить высокий наступательный порыв воинов. Безусловно, огромную роль в успехе сыграли артиллерия и авиация, техническая оснащенность войск. Но главными были мужество и отвага, возросшее воинское мастерство людей.

Это было только начало. Теперь предстояло вести наступление в глубь вражеской обороны.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛОДЕЙНОПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В полосе наступления нашей дивизии оборонялись части 5-й пехотной дивизии финнов, стоявшие здесь с сентября 1941 года.

Наступление с плацдарма дивизия повела 1061-м и 1065-м стрелковыми полками и подвижным отрядом капитана А. Г. Грица. Во втором эшелоне следовал 1063-й стрелковый полк.

21 июня к 15 часам 1061-й стрелковый полк, подавляя очаги сопротивления неприятеля, вышел в районе реки Тензия на дорогу Лодейное Поле — Олонец и устремился по ней на Свирское (Свирская Слобода). 1065-й стрелковый полк, развернув один батальон на северо-восток, основными силами стал продвигаться на север, также к дороге Лодейное Поле — Олонец.

В ходе наступления около роты противника оказалось под угрозой окружения. Просачиваясь в свой тыл, финны наскочили на штаб 1065-го полка, бронебойщиков и группу противотанкистов 340-го истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона. Тотчас в бой вступил взвод охраны штаба полка. Как и при форсировании Свири, вновь мужественно проявили себя командир роты автоматчиков старший лейтенант Р. В. Слюзов и командир взвода лейтенант М. Ф. Баландин.

В создавшейся обстановке быстро сориентировались бронебойщики. Коммунист татарин Галлум Имамов несколькими выстрелами подавил вражеский пулемет. Огонь финнов ослаб, а вскоре и совсем прекратился. Противник большей частью был уничтожен, более десяти человек сдались в плен. Кстати, рядовой Имамов в этот день отличился еще раз, уничтожив вражеский дзот, который находился перед самой дорогой и мешал наступающим.

Начальник политотдела 7-й армии полковник М. М. Таланов в донесении Политуправлению фронта, сообщив о подвиге Имамова, писал и о том, что «сержант противотанковой роты 1065-го полка, член ВЛКСМ, казах Нашинов Нурмухамед сразу с переправы с группой бойцов выдвинулся вперед и прочно оседлал дорогу Лодейное Поле — Свирская Слобода»*.

С выходом на дорогу 1061-го и 1065-го полков плацдарм в полосе наступления дивизии достиг в глубину трех километров. Здесь были уничтожены несколько дотов и дзотов, пулеметы, до двух рот противника, захвачена батарея пушек, взяты пленные.

Подтянув силы, полки продолжали наступление. 1061-й стрелковый полк продвигался вдоль дороги на Свирскую Слободу, 1065-й — наступал севернее, между болотами.

* ЦАМО СССР, ф. 214, оп. 1510, д. 493, лл. 137—139.

Подвижной отряд Грицай, пройдя дорогой до окончания болот, пошел в обход Свирской Слободы с целью нанести внезапный удар по противнику с северо-востока, а затем перерезать ему пути отхода на Олонец.

Полковые пушки и минометы, переправившиеся батареи артполка продвигались по дороге. Основные же силы поддержки к этому времени еще оставались на южном берегу Свири в ожидании готовности паромной переправы. Артиллерийская поддержка наступающих частей ослабла. Воспользовавшись этим, противник активизировал действия своих арьергардов. По свидетельству К. А. Мерецкова, в лесах северного Присвирья «вспыхнул встречный бой, редкий по своей напряженности и остроте». Да этого и следовало ожидать. Ведь оборона врага была глубокой и мощной. К. А. Мерецков писал: «На один километр обороны на Свири финны создали 30 пулеметных и минометных точек, 70 стрелковых ячеек, 10 дзотов и 7 бронеколпаков... Сравнивая эту оборонительную полосу с линией Маннергейма, я пришел к выводу, что они были равны по мощности, но свирская полоса оказалась лучше приспособленной к сопротивлению современным средствам разрушения, так как здесь была выше плотность железобетонных боевых сооружений».

Эта полоса достигла в глубину 30 километров. Естественно, что в ходе артподготовки было взломано лишь начало вражеской обороны, и теперь, в ходе наступления, оставшиеся невредимыми артиллерийские батареи финнов сосредоточили огонь по плацдарму и продвигавшимся вперед нашим войскам.

Порой в наших порядках рвались снаряды большой разрушительной силы. Где эта батарея? Почему она не подавлена?

Действовавшие впереди своего 1065-го стрелкового полка разведчики во главе с Н. С. Соломкиным продвинулись вперед. На седьмом километре от Свири разведгруппа столкнулась с численно превосходящим противником. Завязался жаркий бой. Противник, чувствуя свое численное превосходство, попытался окружить группу и уничтожить или пленить бойцов. Но Николай Степанович, умело расставив силы и проявляя личную отвагу, организовал стойкое сопротивление. В этой неравной схватке тридцатипятилетний офицер погиб.

Бойцы разведгруппы продолжали бой. Рассеяв врага и не потеряв более ни одного человека, они соединились с подошедшими подразделениями полка. Вот им-то и удалось

установить место, где стояла двухорудийная батарея 203-миллиметровых пушек. Оказалось, что орудия стояли на лугу, в сараях с широко распиленными стенами для ведения огня. Поэтому их и не удавалось обнаружить нашим летчикам. А пока разведчики вели бой с группой прикрытия этой батареи, противник успел вывезти с огневых позиций орудия. Но вскоре одно из них оказалось в руках бойцов 1061-го полка. Произошло это так.

Продвигавшийся по дороге полк был встречен врагом в четырех километрах южнее Свирского, перед развилкой дорог с высот. Следовавший с полком начальник политотдела дивизии В. М. Чупров предложил командиру полка подполковнику А. В. Мельникову направить часть сил в обход опорного пункта противника слева. Для этого нужно было преодолеть заболоченный, труднопроходимый участок, но тем вероятнее успех, так как противник не ждет наступления с той стороны. Командир полка так и поступил, послав в обход одну роту 2-го батальона.

Наступавший непосредственно по дороге 1-й стрелковый батальон, возглавленный начальником штаба полка И. В. Доватором, под развернутым знаменем бросился на врага. Бойцы под сильным огнем дружно шли в атаку. Как всегда, впереди были коммунисты. В атаке особенно проявил себя сержант М. И. Леонов. В этом бою и было захвачено одно 203-миллиметровое орудие, а также полковая батарея, повозки, лошади и другие трофеи.

Майор И. В. Доватор, успешно организовавший бой, устроившись на мосту, разложил карту и стал набрасывать план дальнейших действий. В это время среди наступившего затишья раздался взрыв мины. Мост взлетел на воздух. Так погиб славный воин, двоюродный брат легендарного генерала-конника Иван Васильевич Доватор.

На правом фланге вперед выдвинулись разведчики 2-го батальона под командованием сержанта Зинченко. Вместе с частью бойцов 5-й стрелковой роты они набросали на четырехрядное проволочное заграждение ветки и плащ-палатки, преодолели его и под огнем противника ворвались во вражеские траншеи. Враг вел по наступающим плотный пулеметный и минометный огонь. Погиб разведчик Борисов, получили ранения сержант Зинченко, комбат капитан А. Долгалев, другие воины. Командование батальонной разведкой принял на себя сержант Борисевич, а батальоном — старший лейтенант С. Г. Катаев. И вот воины ворвались на соседнюю высоту и овладели ею. Противник предпринял контратаку, но люди выстояли.

Рота, направленная в обход опорного пункта врага слева по болоту, внезапно попала под сильный огонь противника. Бойцы залегли. Казалось, что атака захлебнулась, как вдруг послышались крики: «Вперед! За Родину! Ура!» Это коммунист сержант П. Д. Ключев, ефрейтор В. А. Гришин, рядовой В. А. Мохов и другие воины ринулись на врага. Вся рота устремилась за храбрецами.

Так ударом с нескольких направлений противник был разбит, но дальнейшее продвижение полка было остановлено. На ночь бойцы окопались. Тут же подвели итоги боев первого дня. Провели партсобрание, на котором приняли в ряды партии лучших воинов.

Пока 1061-й стрелковый полк вел бой в районе развилки, а 1065-й, сбивая заслоны врага, продвигался к Свирскому по бездорожью справа, подвижной отряд А. Г. Грицай, обходя очаги сопротивления, подходил к Свирской Слободе с северо-востока. Впереди шел разведывательный взвод под командованием лейтенанта Р. К. Кушу. Перед дорогой между Старо-Свирской и Ново-Свирской разведчики наскочили на вражеский огнемет и погибли.

Подошедший вскоре сюда отряд обнаружил гибель своих товарищей. Капитан А. Г. Грицай сразу повел бойцов в атаку на Старо-Свирскую Слободу. Противник, не ожидавший нападения с этой стороны, пришел в замешательство. Воспользовавшись этим, бойцы с криком «Ура!» ринулись на ошеломленного врага. После небольшого боя у стен монастыря противник, бросив технику, повозки, склады с боеприпасами и продуктами, убитых, отступил. Старинное село, основанное в XV веке, горело. В 22 часа 40 минут комбат по рации доложил обстановку командиру дивизии. Генерал, поблагодарив воинов, приказал удерживать село до подхода основных сил. Воины заняли оборону.

Тем временем, пробираясь через лес по бездорожью, с востока к селу спешил 1065-й стрелковый полк. 1061-й полк, как уже говорилось, был остановлен противником после взятия развилки дорог.

Ночью в лесах, на дорогах и проселках воины слушали передачу из Москвы. Передавали сводку Совинформбюро, в которой говорилось о том, что сегодня, 21 июня, перешли в наступление войска Карельского фронта, форсировали судоходную реку Свирь, взломали сильно укрепленную оборону противника и успешно продолжают наступление.

За первый день боев был занят плацдарм в 16 километров по фронту и 8 — в глубину. Наша 272-я стрелковая дивизия освободила Свирскую Слободу, выполнив тем самым свою ближайшую задачу. Сосед слева — 114-я дивизия, — форсировав Свирь, продвигался по ладожскому побережью, а справа 99-я дивизия вела бой за Назарьевскую.

Ранним утром 22 июня в Свирскую Слободу вступил 1065-й стрелковый полк. Но его артиллерия и все поддерживающие средства еще находились на шоссе южнее линии соприкосновения 1061-го стрелкового полка с противником, а частично — на переправе. Для скорейшего освобождения дороги от Лодейного Поля к Свирскому командир полка П. Ф. Зайцев направил навстречу 1061-му полку роту автоматчиков.

Рота, встретясь за селом с противником, опрокинула его и продвинулась дальше. А когда впереди встала высотка, рота развернулась в цепь и пошла в атаку. Но там был 2-й батальон 1061-го стрелкового полка. К счастью, боя не произошло.

Днем 22 июня наша 272-я дивизия сосредоточилась в Свирском. Остатки сил врага отошли к деревне Сармяги. А это уже Карелия.

На север от Свирского, к Мегреге, шли части 99-й гвардейской дивизии. Там, у второй полосы вражеской обороны, закипели жаркие бои. Взять укрепления противника с ходу не удалось. А поддерживающие средства 99-й, как и 272-й, дивизии все еще не подошли. Движение приостановилось.

Как всегда, в наступлении активно действовали все политработники. Где-то возникла необходимость изменить расстановку коммунистов и комсомольцев, где-то были парторги и комсорги и заступившие на их места нуждались в помощи; нужно распространить передовой опыт, выслушать предложения, поддержать инициативы; рассмотреть заявления о приеме в партию, поток которых в эти дни возрос во много раз. Об организационной деятельности политработников 272-й дивизии в те дни высоко отзывался начальник отдела пропаганды Политуправления фронта полковник П. Е. Саевич.

Наша дивизия, согласно разграничительной линии, теперь должна была наступать на опорный пункт Сармяги. Но на пути лежали обширные болота, которые предстояло преодолеть, так как другого пути не было.

В ночь на 23 июня дивизия выступила из Свирского по

лесной дороге на запад. Впереди двигался 1063-й стрелковый полк, за ним — 1061-й, а в третьем эшелоне — 1065-й.

Третья ночь без сна, при большом напряжении всех физических и моральных сил, давала о себе знать. Люди засыпали на ходу. В это трудно поверить, но так было.

Временами вспыхивала перестрелка. Это авангард 1063-го стрелкового полка сбивал вражеские арьергарды. В такие моменты все встряхивались.

Так преодолевались последние метры лодейнопольской земли. В эти часы Ленинградская область стала свободной от врага и на севере. Всего было освобождено свыше 350 квадратных километров Ленинградской области. На это ушло больше двух суток. Противник изрядно побит. У нас его пленные, его техника: 9 орудий, до десятка пулеметов, минометы, повозки, лошади, стрелковое оружие, большое количество боеприпасов, продовольствие.

Глава девятая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

БОИ ЗА САРМЯГИ

Итак, ближайшая задача дивизии: преодолеть болото, взломать вторую полосу обороны врага, овладеть опорным пунктом и деревней Сармяги.

Первым к болоту подошел 1063-й стрелковый полк. На запад, юго-запад и северо-запад открылись необозримые топи — гладкие, безлесные. Вдали, по ту сторону болот, темнел лес, прямо и вправо — острова, тоже поросшие лесом, влево — несколько малых островков с чахлым кустарником по ним.

На острова уходит разведка. Через час после ее выхода — авангард полка: рота автоматчиков и 2-й стрелковый батальон. Командование полка и остальные подразделения в готовности к выступлению ждали сведений от разведки.

К болоту уже подошли 1061-й и 1065-й стрелковые полки с минометами и легкой артиллерией.

До ближайшего острова — около километра. Но преодолеть это расстояние стоило больших усилий. Кроме вооружения и боеприпасов каждый боец держал в руках жердь. Наконец авангард добрался до первого острова площадью немногим более гектара. На нем лес, камни да несколько заброшенных окопов.

В километре на запад открылся следующий остров — несколько больше первого. Стали пробираться на него. Временами силы покидали людей, но останавливаться было нельзя. И, увязая выше колен, обремененные тяжелой ношей бойцы шли вперед,

При выходе на второй остров авангард был обстрелян из района третьего острова. Здесь тоже были видны следы обороны — заградительная проволока, окопы.

Следом за авангардом, настилая фашины, двинулись основные силы 1063-го полка.

1061-й и 1065-й стрелковые полки и спецподразделения по приказу комдива приступили к прокладке лежневки через болото. Топь страшная. В некоторых местах настил укладывали в пять-шесть рядов. Строительство требовало огромного труда тысяч людей. К счастью, материал был невдалеке и в достаточном количестве. Бойцы пилили лес и вереницей несли хлысты все дальше и дальше на запад.

Чтобы найти иные пути выхода на противоположный берег болота, командование, направило вправо и влево разведывательные подразделения. Они ушли и надолго.

Вечером 23 июня авангард 1063-го стрелкового полка занял третий остров, соединенный узкой перемычкой с «большой землей». Оттуда противник открыл сильный огонь. Бойцы рассредоточились по острову. Вот здесь они и обнаружили своих разведчиков.

Все 14 человек погибли. Вокруг убитых — посеченные пулями деревья, воронки от мин и снарядов. Бойцы отстреливались до последнего патрона...

Подошедший на остров с основными силами командир 1063-го стрелкового полка П. П. Купцов приказал роте автоматчиков разведать подступы к берегу, занятому противником, и отдал команду батальону В. И. Шмакова подготовиться к атаке. Мелкий березняк по острову и редкие сосенки по перешейку не укрывали наше расположение и передвижение подразделений. Поднявшиеся автоматчики тут же были обстреляны противником.

По перешейку и в обе стороны по берегу была протянута колючая проволока в три ряда. Короткими перебежками автоматчики добежали до нее. Прикоснувшиеся к проволоке бойцы погибли — она оказалась под напряжением. Оставшиеся в живых залегли. Многие были убиты и ранены. Получил ранение командир роты автоматчиков. Командование ротой принял лейтенант М. П. Берестовенко. Но уже через несколько минут был ранен и он. «Голицын,

остаешься за меня!» — крикнул Берестовенко. Финны, услышав фамилию, стали бросать в залегших перед проволокой автоматчиков гранаты с криками: «Голицын, лови!» Однако автоматчики не отходили.

Как и при переправе через Свирь и в первом бою на правом берегу, вновь исключительное мужество проявил командир взвода автоматчиков 1063-го стрелкового полка лейтенант Л. В. Деменков. Трижды он бросался со своими людьми в атаку. Но преимущество было на стороне врага. Противник не только удерживал рубеж, но и предпринимал контратаки. Во время одной из них Деменков услышал:

— Рус, офицер, сдавайся! Ваше дело проиграно, наступление отбито...

В ответ Деменков дал автоматную очередь по противнику и убил двух солдат. Другие отползли назад. Л. В. Деменков был ранен, но поля боя не покинул. В это время В. И. Шмаков повел свой батальон в атаку.

Идя в атаку по пятидесятиметровому перешейку, бойцы невольно сгрудились. Противник нанес по ним сильный огневой удар. Батальон остановился. Комбат приказал сержанту И. П. Мартыненко уничтожить пулемет противника. Выполняя приказ, сержант был ранен, но, стиснув зубы, продолжал ползти вперед, пока не обессилел.

Тогда комбат с криком «Ура!» поднял людей на врага. Бойцы, преодолев огонь и проволочные заграждения, ворвались в первую траншею, затем во вторую, добрались до третьей. И все-таки рубеж не был взят.

Во время атаки погибло немало замечательных воинов, в том числе способный, храбрый командир и замечательной души человек Василий Иванович Шмаков. Многие бойцы и командиры были ранены.

Командир полка подполковник П. П. Купцов подготовил к бою следующий батальон. Для организации наступления с ним отправился заместитель командира полка по строевой части подполковник С. Я. Пахомов. Но и эта атака успеха не имела. Батальон понес большие потери, подполковник С. Я. Пахомов был тяжело ранен.

В этот день командир дивизиона 815-го арtpолка майор И. И. Иллюшко с небольшой группой бойцов взвода управления пробрался к переднему краю обороны противника и вел за ним наблюдение. Наблюдательный пункт то и дело попадал под огонь, но Иллюшко оставался на месте. При этом он не только выполнял свое дело — устанавливал огневые средства врага и готовил расчеты для стрельбы,

но своей стойкостью и опытом помогал и находившимся вблизи пехотинцам. Не раз, когда выбывали командиры стрелковых подразделений, майор брал управление этими подразделениями на себя.

Наступило 24 июня. Между рваными облаками временами стало проглядывать солнце. Нужно сказать, что еще с вечера 22 июня облака заволокли все небо, иногда накрапывал дождь. Весь день 23 июня погода была пасмурной, что в какой-то степени маскировало продвижение наших подразделений по болоту, но и затрудняло действия нашей авиации.

Подразделения 1061-го и 1065-го полков продолжали работы по прокладке дороги через болото. Но теперь, с улучшением погоды, строительство шло под интенсивным артиллерийским огнем противника, который обстреливал не только дорогу, но и лес, где размещались полки и где шла заготовка древесины для лежневки.

В этот же день в дивизии прошли партийные и комсомольские собрания, совещания командиров и политработников, на которых были подведены итоги боев и определены задачи на дальнейшее. Тщательному разбору был подвергнут весь ход наступления, были вскрыты недостатки.

К вечеру 24 июня в дивизию дошли два важных известия. Первое о том, что накануне между Тулоксой и Видлицей был высажен десант — 70-я бригада морских пехотинцев, который перерезал пути отступления противника от Олонца на Питкяранту; второе — вечером Москва будет салютовать войскам Карельского фронта, форсировавшим Свирь, взломавшим оборону противника и полностью освободившим земли Ленинградской области. Эти сообщения воодушевляли воинов на новые подвиги.

К соседям справа и слева уже подошли танки, тяжелая артиллерия, реактивные установки. А наша 272-я на них не могла рассчитывать, так как мы наступали по такой местности и такими путями, по которым средства поддержки пройти не могли.

А обстоятельства торопили. Десант, высадившийся между Тулоксой и Видлицей и оседлавший шоссейную и железную дороги, очень нуждался в помощи, так как враг во что бы то ни стало стремился сбросить его в Ладожское озеро и освободить пути на Салми и Питкяранту. В связи с этим в помощь десанту была высажена 3-я морская бригада, а войскам, наступающим с фронта, было приказано действовать более решительно.

Командир дивизии З. Н. Алексеев, понимая, что 1063-й

полк овладеть своими силами обороной врага не сможет, приказал выдвинуть на этот же рубеж 1061-й стрелковый полк, который в ночь на 25 июня занял исходные позиции. Бойцы активно готовились к прорыву обороны неприятеля. Все понимали, что пути назад, как и в обход, нет. Необходимо разгромить врага здесь.

На острова для поддержки наступления 1061-го полка стали выдвигаться противотанковые пушки для ведения огня прямой наводкой. Одновременно 815-й артполк готовил артиллерийский налет.

По приказу командования дивизии разведчики прощупывали фланги обороны противника. При этом действовали они решительно и смело. Как пишет Б. Н. Яковлев в своей книге «Подвиг освободителей», особенно умело и дерзко действовали воины 359-й отдельной разведывательной роты 272-й стрелковой дивизии. Группе разведчиков во главе с коммунистом старшим сержантом И. И. Лебединовым было поручено пробраться через болото во вражеский тыл и установить места расположения инженерных сооружений и огневых средств противника. Белые ночи сильно затрудняли маскировку. Двигаться приходилось ползком или согнувшись. Чтобы не провалиться в трясину, разведчики несли с собой жерди. Укрываясь в высокой траве и за кустами, группа Лебединова дважды преодолевала четырехкилометровое болото и проникала в расположение врага. Разведчики собрали ценные сведения об обороне противника и при отходе уничтожили вражеское противотанковое орудие вместе с расчетом.

Но особая роль отводилась подвижному отряду капитана Грицай, который 24 июня был отправлен в обход обороны противника справа, с целью оседлать дорогу, соединявшую Сармяги с Мегрегой.

Бойцам пришлось преодолеть большой и трудный путь. Люди выбивались из сил, но никто не показывал слабости, не проявлял малодушия. Больше того, бойцы спасли сбитого в воздушном бою и спустившегося на болото на парашюте нашего летчика.

В ночь на 25 июня отряд вышел на дорогу и перехватил ее. Капитан А. Г. Грицай, доложив по рации комдиву о выполнении задания, получил от него приказ ударить по опорному пункту Сармяги с севера, со стороны деревни Мегрега. Одновременно по обороне врага ударила наша артиллерия. В 4 часа утра пошел в наступление 2-й стрелковый батальон 1061-го полка. Пробравшись через болото в лес, по общему сигналу вступила в бой и группа авто-

матчиков сержанта Голицына, посланная в обход вражеской обороны 23 июня командиром 1063-го полка подполковником П. П. Купцовым.

Отряд А. Г. Грица в пятом часу утра первым ворвался в Сармяги, а подразделения, наступавшие с фронта, заняли вражеские укрепления по берегу болота. Противник, почувствовав безысходность своего положения, бросился бежать.

В этот же день 114-я стрелковая дивизия нанесла удар по врагу в Обже, а 37-й гвардейский корпус — в направлении на Самбатуксу и Куйтежу. И эта линия обороны противника пала. Немалую роль в этом сыграл 99-й стрелковый корпус генерала С. П. Микульского, действовавший в обход полосы с севера.

Высоко оценили действия дивизии и ее воинов под Сармягами командующий фронтом К. А. Мерецков и член Военного совета Г. Н. Куприянов, посещавший дивизию неоднократно. «Путь на Олонец,— писал К. А. Мерецков в своих воспоминаниях,— преградило Сармягское болото. Сами финны, привыкнув у себя на родине к жизни в болотно-озерном краю, считали эту местность непроходимой. Но советские солдаты под вражеским огнем построили здесь дорогу, потом непрерывно восстанавливали ее. Они преодолели болото и на плечах противника ворвались в тыловую зону его укрепрайона».

А спустя двадцать пять лет после этих боев в статье «Освобождение Карелии», опубликованной в газете «Красная звезда», Г. Н. Куприянов писал: «Противник оказал упорное сопротивление на главной полосе обороны в районе Обжа — Сармяги. Чтобы сломить его, батальон 272-й стрелковой дивизии под командованием капитана А. Грица совершил обходный маневр. Он вышел в тыл укрепленного района по, казалось бы, совершенно непроходимым болотам. Узел обороны Обжа — Сармяги был сломлен».

На данном участке оборону держала 15-я пехотная бригада противника. В ходе боев за опорный пункт финны потеряли до двух батальонов живой силы. Части нашей 272-й дивизии захватили пленных, батарею 75-миллиметровых пушек, два противотанковых орудия, 30 пулеметов, другую технику, склады с боеприпасами.

НА ВСТРЕЧУ С ДЕСАНТОМ

Захватив деревню Сармяги, что положило начало освобождению Карелии, воины дивизии продолжали пресле-

довать врага. Только отряду А. Г. Грицай комдив предоставил трехчасовой отдых, после чего он должен был выступить на Олонец с целью атаковать противника в городе с юга и совместно с частями 99-й дивизии освободить его.

Сразу после боев за Сармяги наша дивизия двинулась по дороге на Обжу, затем лесными проселками на реку Олонка, в район впадения в нее реки Тукса. 114-я стрелковая дивизия пошла прибрежной дорогой на Андрусово. Правый сосед — на Куйтежу, Сельгу, Новинку.

Противник, выбитый из второй укрепленной полосы, не имея путей отступления на Видлицу и Погранкондуши, начал отходить на Сяньдебу и дальше на Большие Горы. Подразделения 15-й бригады противника отступали на Гиттойлу, а часть — лесами и болотами на Олонец.

Преследуя врага, наши подразделения то и дело натывались на препятствия. Вся лесная дорога от Обжи на Нижнюю Седоксу и Праккилу была завалена деревьями-великанами, с минами и фугасами в завалах. В первое время наши солдаты, разбиравшие завалы, подрывались на них, погибая или получая страшные увечья. Потом завалы стали подрывать, и количество жертв резко сократилось. Обозы и артиллерия двигались обходными путями, но на это уходило время, а его-то как раз и нельзя было упускать.

Подразделения, продвигавшиеся между болотами Большое и Хеверсуа, тоже встречали препятствия, а кое-где вступали в перестрелку с заслонами противника. И поэтому на 25—30-километровый переход ушли весь день и ночь.

Ранним утром 26 июня 1065-й и 1061-й стрелковые полки с артиллерией подошли к реке Олонка и с ходу, используя подручные средства, форсировали ее, оказавшись значительно западнее Олонца.

Подвижной отряд А. Г. Грицай, отдохнув, в 8 часов утра 25 июня вышел на выполнение задания по освобождению Олонца с юга. Перелесками юго-западнее Мегреги отряд прошел мимо деревни Судалицы к городу и ворвался в него. Парторг батальона капитан Ф. Д. Андреев с бойцами водрузил на одном из двухэтажных домов красное знамя.

В представлении Военного совета Карельского фронта на повышение по службе комдива нашей 272-й дивизии написано: «В районе Обжа — Сармяги тов. Алексеев, несмотря на непроходимость болот, умело провел всю дивизию через эти болота», а затем «им было принято смелое

и оправдавшее себя решение — помощь правому соседу занятием города Олонец».

Позднее по дороге от Мегреги в город вошли передовые подразделения правофлангового соседа — 37-го корпуса и тылы нашей дивизии. А отряд Грицай пошел на соединение с основными силами дивизии.

Так к утру 26 июня вся та часть Олонецкой равнины, которая ранним утром 25 июня хорошо просматривалась с сармягской высоты, была освобождена.

Здесь в населенных пунктах и на лесных дорогах воины встречали первых жителей, освобожденных из фашистской неволи. В основном это были женщины, дети, старики. Мужчин почти не было — они находились либо в Советской Армии, либо в партизанских отрядах, некоторые в концлагерях или на работах в глубоком тылу финнов.

Поначалу часть населения, запуганная финской пропагандой, что «Советы», якобы, будут карать всех, оставшихся на оккупированной территории, избегала встреч с советскими воинами. Прибывший с передовыми частями в Олонец секретарь райкома партии Н. Ф. Карахаев вспоминал: «Жители с опаской смотрели на нас, кое-где собирались группками, осторожно посматривали из окон». Но это продолжалось недолго. Скоро люди до конца осознали, что действительно пришло освобождение, и от опасений не осталось и следа.

1061-й и 1065-й стрелковые полки от Волойлы и Гиттойлы наступали на запад и северо-запад. Отходящий противник на пути движения наших войск устраивал засады, оставлял «кукушек», но остановить их был не в силах. Полки совместным ударом атаковали Ильинское, Котчилу и после короткой схватки ворвались в зону концентрационного лагеря, где находились советские люди.

Узники хлынули к забору, ограждавшему лагерь. Чтобы проделать проходы, их попросили отойти от забора. Прогремели взрывы. В проломы устремился поток изможденных женщин, детей, стариков.

На людей, которые провели здесь более двух лет, страшно было смотреть. Тридцатилетние женщины казались старухами, дети — кожа да кости. Слез не могли сдержать не только узники, но и бывалые солдаты. Много слышали мы о концлагерях, но воочию увидели такое впервые. Воины брали детей на руки, поддерживали ослабевших, подбадривали их.

Когда улеглась первая волна радости, освобожденные — а их было около тысячи человек — стали рассказы-

вать о своей жизни в неволе, о голоде и холоде, которые им пришлось перенести, о жесточайшем режиме. Жили они в бараках без перегородок, во всю длину которых были сколочены трехъярусные нары. Здоровые и больные содержались вместе.

Для «поддержания духа» им давали лишь религиозную литературу да несколько переводных книг, в которых проповедовались смирение и терпение. Для непокорных — карцеры первичного и вторичного наказания (в первом человек почти не получал пищи и не имел постели, во втором — мог только стоять) и виселица, маячившая перед глазами узников тут же, в лагере.

Люди гибли каждодневно. Из всех прошедших через лагерь 70 процентов умерли или были казнены. На лагерном кладбище насчитывалось более тысячи могил. На некоторых указаны фамилии, на большинстве — четырехзначные цифры, номера, под которыми значились люди...

Неподалеку отсюда размещался лагерь для военнопленных, содержавшихся в еще более тяжелых условиях. Но этот лагерь был пуст. Неприятель заранее вывез военнопленных в свой глубокий тыл.

Тут же состоялся митинг. Выступали воины и освобожденные. Бойцы клялись бить врага беспощадно, до полного его изгнания из пределов нашей Родины. А освобожденные благодарили своих избавителей и просили их скорее освободить всех людей, еще находящихся под пятой оккупантов.

В эти минуты мы узнали, что сержант 1061-го стрелкового полка Н. В. Палатин среди узников нашел свою семью — жену и троих детей. Комдив, узнав об этом, встретился с Палатиным, по-отцовски тепло поздравил его и предоставил суточное увольнение. Проходят годы, но Николай Васильевич Палатин и сейчас не может без глубокого волнения вспоминать тот день. А появившаяся на свет после войны дочь Надя рассказывает об этом так, словно она сама была свидетельницей встречи своих родителей в Ильинском 26 июня 1944 года.

После окончания митинга, когда освобожденные направлялись по дороге на Олонец, чтобы разойтись затем по своим деревням, у этих изможденных людей еще нашлись силы запеть «Катюшу».

Но не успела нестройная колонна отойти, как среди людей разнеслась весть о том, что вблизи обнаружены трупы пяти юношей. Кто они, что с ними произошло? Бойцы и бывшие узники лагеря сгрудились вокруг убитых.

Оказались тут и родственники погибших. Они-то и поведали о происшедшем.

...Юные патриоты, испытывая лютую ненависть к врагам и опасаясь возможной отправки в Финляндию, решили бежать из лагеря навстречу наступающим советским войскам. Видимо, вначале все складывалось удачно. Парни преодолели ограждения, незамеченными миновали охрану, добрались до леса. Но тут их и схватили фашистские злодеи и зверски убили юных патриотов, которым было от пятнадцати до девятнадцати лет. Вот их имена: Николай Голубев, Владимир Кабаченков, Алексей Ларионов, Иван Порфиенко, Анатолий Сахаров.

Все они находились в лагере с первого дня и страстно мечтали о свободе, о приходе Советской Армии и наконец смело пошли ей навстречу.

Об одном из них бывший офицер 1061-го стрелкового полка М. В. Заводов писал: «Среди убитых я опознал знакомого мне юношу Анатолия Сахарова из деревни Усланки Ленинградской области». О другом, самом младшем, пятнадцатилетнем Ване Порфиенко, рассказала его сестра Александра Карповна. Он провел вместе с ней в лагере два с половиной года. Мальчик не собирался быть покорным слугой новоявленных хозяев. Он рвался на волю, к мщению, и он вырвался. А попав в руки врагов, не склонил головы. Только этим и можно было объяснить, что его труп был обезображен более других.

Снова стихийно возник митинг. Сестра Вани, обращаясь к воинам, сказала: «Мой брат убежал навстречу вам, но был пойман и убит». У девушки покатились слезы, но она нашла в себе силы договорить: «Прошу вас, мои родные, отомстите врагам за моего брата»*.

Все эти события глубоко запали в души бойцов. Они поклялись еще крепче бить врага, не давать ему пощады.

И наступление продолжалось. Еще когда в районе Ильинского шли волнующие встречи освободителей с освобожденными, передовые подразделения дивизии подходили к реке Тулокса. Рано утром 27 июня они под огнем противника форсировали реку и двинулись на соединение с десантом морских бригад.

Здесь в бою погиб фотограф дивизии сержант Глеб Звездочкин. Кто в дивизии не знал его?! Основным его

* ЦАМО СССР, ф. 214, оп. 341 862, д. 1, л. 74.

делом являлось фотографирование воинов для партийных, комсомольских и других документов, иногда для газеты. Но кому не хотелось получить на память фотографию, послать ее своей семье или любимой? И Звездочкин не мог отказать никому. До сих пор седые ветераны хранят *в своем сердце память об этом замечательном человеке*. Напоминают о нем и пожелтевшие от времени фотографии военных дней, которые сохранились у многих бойцов дивизии...

27 июня в три часа утра части дивизии соединились с десантом. Морским пехотинцам пришлось тяжело. Они отразили немало яростных атак неприятеля, стремившегося сбросить десантников в Ладогу. Но сделать это ему не удалось. И враг вынужден был отступать под ударами наших войск лесами и болотами, по бездорожью, в обход плацдарма, оставляя орудия, машины и повозки...

В районе озера Линдоя в частях дивизии были подведены некоторые итоги семидневных боев. За это время полки продвинулись более чем на восемьдесят километров. Тут же 1063-й стрелковый полк был пополнен личным составом и вновь приведен в боевое состояние. В этот день было получено указание о представлении к наградам отличившихся в боях воинов. Это был не простой вопрос. В результате обсуждения многие сотни бойцов и командиров дивизии были представлены к награждению орденами и медалями. Здесь до нас дошла радостная весть о начавшемся большом наступлении советских войск в Белоруссии.

НА ВИДЛИЦКОМ РУБЕЖЕ

После небольшой передышки дивизия продолжала наступление в направлении Видлица — Погранкондуши. Первым выступил 1065-й стрелковый полк, за ним — 1061-й и наконец 1063-й.

Для ускорения выдвижения передового отряда командир 1065-го полка подполковник П. Ф. Зайцев распорядился посадить его на приданные полку танки. И авангард еще до восхода солнца оказался под Видлицей.

Вначале противник не подавал признаков своего присутствия. Он даже не обстрелял дорогу, по которой громыхали танки. Финны решили подпустить наши войска поближе и затем ударить по ним.

Подойдя к Видлице, по приказу комдива 1065-й стрелковый полк развернулся вправо от дороги до Гаврилова

и занял исходную позицию для наступления на село. 1063-й полк направился в обход Видлицы с севера — северо-востока, чтобы ударить по врагу со стороны Больших Гор. 1061-й полк занял исходную позицию на левом фланге, сомкнувшись с подразделениями морской бригады, развернувшейся в направлении Усть-Видлицы. Подвижной отряд Грицай должен был обойти село с северо-запада, выйти к Погранкондушам и перехватить пути отхода неприятеля. Орудия малого и среднего калибра были поставлены для стрельбы прямой наводкой.

Готовясь к отражению нашего наступления, противник выдвинул в район Видлицы подкрепления, в том числе подразделения пограничников и юнкоров училищ. Он намеревался остановить наше продвижение на реках Видлица и Новзема. Эти реки не велики, но в ситуации, когда мосты были разрушены, а подходы заминированы и простреливались, они представляли серьезную преграду.

Первыми форсировали Видлицу в устье подразделения морской бригады. Враг, пытаясь сбросить их в реку, то и дело контратаковал, но моряки зацепились прочно. Такой же небольшой плацдарм захватили и пехотинцы 1-го стрелкового батальона 1061-го полка. В передовых рядах наступающих были взводы управления и командиры артиллерийских и минометных подразделений.

Во время одной из контратак группе противника удалось прорваться в расположение командного пункта 619-го минометного полка подполковника В. Н. Леселидзе. Подполковник, собрав всех, кто здесь был, повел в атаку на врага. В этом бою Леселидзе пал смертью героя. Мужественный командир был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Он похоронен в братской могиле в Ильинском, а одна из улиц поселка названа его именем.

Отважно действовали в бою бойцы 1061-го стрелкового полка.

Взвод 1-й стрелковой роты этого полка значительно вырвался вперед. Враг, заметив это, попытался обойти смельчаков и уничтожить. Но бойцы заняли круговую оборону и встретили противника дружным огнем. Командир взвода отправил парторга роты сержанта П. В. Пашурина и рядового Самойлова в роту за помощью. Выполняя задание, связные встретили группу финнов. Пропустив ее мимо себя, они ударили по врагу из автоматов. Четверо солдат были убиты, остальные убежали. Пашурин

и Самойлов благополучно добрались до роты, а затем вместе с нею вернулись на выручку к своим товарищам.

В ходе наступления связь 1061-го стрелкового полка со штабом дивизии обеспечивали отец и сын Чесноковы. Ленинградец Василий Васильевич Чесноков в январе 1942 года по согласованию с командованием вывез из блокированного Ленинграда своего несовершеннолетнего сына Толю, и они служили в одном подразделении. В этот день под сильным пулеметным и артиллерийским огнем в боевых порядках полка шел и связист В. В. Чесноков. Связь работала бесперебойно. В трубке то и дело раздавался спокойный голос отца: «Толя, как слышно?» И вдруг голос исчез.

Анатолий, спросив разрешения у командира, пошел по проводу, чтобы узнать, почему прервалась связь. И вот перед ним с катушкой за плечами и трубкой в руке лежит сраженный вражеской пулей отец... Велико было горе, но Толя не плакал. Лишь крепче сжал в руках автомат. А когда на юного связиста вышли три финна, Анатолий не растерялся. Очередью из автомата, упредив врага, он застрелил всех троих, открыв священный счет мести за павшего отца...

В полосе наступления подразделений 1065-го стрелкового полка вся местность просматривалась и простреливалась противником, и командир полка решил передвинуться несколько влево, чтобы переправиться через Видлицу из района, прикрытого кустами. В момент переправы наша артиллерия открыла интенсивный огонь по огневым точкам и минометам врага. Несмотря на яростное сопротивление, передовые подразделения переправились на правый берег Видлицы и захватили плацдарм.

1063-й стрелковый полк, выполняя свою задачу, обходил противника справа. Над финнами нависла угроза окружения, и они начали отводить свои войска за Новзему. А к вечеру враг оставил и эти позиции. Село Видлица перешло в наши руки.

При форсировании Видлицы и взятии села бойцы вели себя, как и прежде, мужественно и умело. Особо следует сказать о разведчике 1063-го стрелкового полка А. А. Асееве. Под сильным огнем врага он преодолел проволочное заграждение, первым ворвался в одну траншею неприятеля, а затем и во вторую, броском гранаты уничтожил расчет тяжелого пулемета и взял в плен финского солдата. В этой схватке А. А. Асеев был ранен.

В поэме «Битва на Свири» П. Шубина есть такие строки:

Где сражался разведчик Асеев,
У какого такого леска,
За какими буграми-горбами
Уцелел он, живого живей,
Пулю выплюнув вместе с зубами
Вслед промчавшейся смерти своей?

В бою за Видлицу были захвачены пленные, орудия береговой обороны, десятки пулеметов и минометов, другая техника.

Боевой дух противника падал. Пленный сержант 5-й пехотной дивизии финнов на допросе рассказал, что младшие офицеры и солдаты воевать не хотят, что сказывается сильная физическая усталость, наблюдается падение морального духа. Имеются частые случаи, когда солдаты, узнав о предстоящем наступлении русских, не дожидаясь начала артиллерийской подготовки, оставляют свои позиции и бегут в тыл. Иногда целые подразделения отходят без приказа*. Об этом же говорили и другие пленные.

Примечательно, что взятие Видлицы произошло 28 июня. Ведь в эти же дни в 1919 году совместным ударом моряков с озера и подразделений 1-й стрелковой дивизии на суше это село было освобождено от интервентов и белогвардейцев. Тогда эта операция получила высокую оценку В. И. Ленина.

В ночь на 29 июня дивизия пошла дальше на северо-запад в направлении на Погранкондуши. Противник, выбитый из Видлицы, откатился частью сил на Большие Горы, частью — по дороге на запад. Полки преследовали врага тремя колоннами: справа — 1061-й стрелковый полк, в центре по лесам и болотам, а позднее с выходом на дорогу — 1065-й, слева — 1063-й полк.

Выдвинувшийся вперед обходом справа батальон Грицай подходил к Погранкондушам с востока. Взвод, посланный в разведку, установил, что основная часть сил врага отошла в деревню Мансила, что населения в деревнях почти нет — люди прячутся в лесу. На пути движения батальон не раз вступал в схватки с группами финнов, выходящих из-под ударов наших войск.

Получив эти данные, командир дивизии принял решение атаковать противника в деревне Мансила. Однако

* ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5374, д. 135, лл. 233—239.

если подразделения 1061-го и 1063-го полков могли начать наступление без особых затруднений, то 1065-й стрелковый полк, наступавший по дороге, попал под сильный артобстрел. И чтобы выйти из-под удара неприятеля, ему нужно было сделать рывок вперед. Больше того, артиллеристы и минометчики, оказавшись в зоне артогня противника, понесли значительные потери, в том числе был ранен командир полковой батареи старший лейтенант Колоколкин, а оставшийся за него лейтенант Орешков был убит.

Но когда стрелковые роты 1-го и 3-го батальонов полка поднялись на высоту, на склонах которой раскинулась деревня, корректировщики противника покинули свои наблюдательные пункты, и артиллерийский огонь ~~на~~ по дороге ослаб. Теперь враг перенес огонь по наступавшей пехоте. Батальоны залегли перед лощиной, делящей деревню на две части.

В ночь на 30 июня 1061-му стрелковому полку удалось продвинуться вперед и атаковать левый фланг противника. Воспользовавшись этим, 2-й стрелковый батальон 1065-го полка пошел в атаку на позиции врага в черте деревни и вместе с другими батальонами сумел выйти на высоту за лощиной. Однако, натолкнувшись на мощную огневую завесу противника, наступление застопорилось.

Затем финны начали предпринимать контратаки с применением танков и при поддержке орудий и минометов всех калибров. В этой упорной схватке получил смертельное ранение герой форсирования Свири командир взвода 5-й стрелковой роты 1065-го полка лейтенант Константин Алексеевич Кулик. Были ранены командир роты старший лейтенант А. Н. Жданов, старший сержант П. В. Палатин и многие другие воины.

Усиленным сопротивлением и контратаками финны рассчитывали задержать наступление 272-й стрелковой дивизии, чтобы спасти от разгрома свои группировки, которые попали под мощные удары войск 37-го гвардейского стрелкового корпуса и 114-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса в районе деревни Большие Горы.

С нашей стороны в бою в Погранкондушях кроме пехоты действовали танки и реактивные минометы. На прямую наводку были поставлены полковые орудия и батареи 340-го истребительного противотанкового артдивизиона. Особенно жестокий бой кипел около церкви, в котором исключительно самоотверженно действовали ра-

счета противотанковых пушек. Расчет старшего сержанта Мариничева, например, уничтожил два вражеских орудия, тяжелый пулемет и более двадцати солдат. Были ранены наводчик Х. Серазединов, заряжающий Юлкин, но орудие продолжало стрелять с прежней интенсивностью.

Орудие сержанта Бугина прямой наводкой подавило два дзота. Противник решил захватить находившееся вблизи его позиций орудие и пошел в атаку. В рукопашной схватке Бугин уничтожил трех вражеских солдат. Во время второй атаки противника погибли наводчик и подносчик снарядов, получил тяжелое ранение пулеметчик, прикрывавший орудие. Сержант Бугин сам лег за пулемет и отбил эту атаку. Когда финны пошли в атаку в третий раз, он, подпустив их вплотную, уничтожил еще около десяти вражеских солдат. В этой последней схватке герой-артиллерист погиб.

Самоотверженно действовал пехотинец старший сержант П. Н. Долгушичев. Раненный в ногу, он не ушел с поля боя. Больше того, когда командир батальона обнаружил вражеский пулемет и приказал уничтожить его, сделать это вызвался Долгушичев. Старший сержант пополз к пулемету, но в это время вблизи разорвалась мина, и он получил еще два тяжелых ранения. Когда через некоторое время бойцы пошли в атаку на позиции врага, они увидели неподвижно лежавшего Долгушичева и решили, что он убит. В тот же день его семье ушла похоронная. Лишь спустя 20 лет ветераны дивизии узнали, что Петр Николаевич Долгушичев жив. Это установили красные следопыты Погранкондушской 8-летней школы...

Во время боя большая группа противника вышла в расположение штаба 1061-го стрелкового полка. Но благодаря высокой организованности, проявленной бойцами во главе с командиром полка подполковником А. В. Мельниковым, она была уничтожена.

Не менее напряженной была обстановка в зоне наступления 1063-го стрелкового полка. В то время как полк продвигался вперед слева от Погранкондушей, на его тылы пошли в атаку до батальона финских солдат, отступавших от Больших Гор. Одновременно противник атаковал наши подразделения с фронта. Разгорелся жаркий бой, когда трудно было понять, где свои, где неприятель.

Находившийся впереди 2-й стрелковый батальон капитана К. Ф. Сухоставского с ротой автоматчиков в авангарде, оставив надежный заслон по фронту, часть сил

повернул в тыл. Совместным ударом автоматчиков, бойцов 2-го стрелкового батальона и группы, возглавленной заместителем командира дивизии Героем Советского Союза полковником В. М. Мешковым, вражеский батальон был разгромлен. И вновь отличились лейтенант М. П. Берестовенко, старший сержант И. М. Голицын, рядовые А. А. Асеев, И. П. Мартыненко, И. Исхаков, А. Привалов, А. Васильев, А. Матеев, И. Валеев, В. И. Усольцев и другие.

Отважно действовали и бойцы, оставленные в заслоне, отражая контратаки врага. Мужественно дрались все, но особенно отличились пулеметчики Иванов, Макуха и Маруда.

После разгрома больших групп финнов на флангах дивизии, и особенно в районе действий 1063-го стрелкового полка, подразделения 1065-го стрелкового полка начали штурм основных позиций противника. Весь день 1 июля кипел жаркий бой. И враг покатился назад. Замысел финского командования остановить наше наступление был сорван, хотя в боях за деревни Погранкондуши и Мансила мы понесли ощутимые потери.

БОИ ЗА САЛМИНСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Захваченный в плен разведчиками 114-й стрелковой дивизии командир егерского батальона финнов рассказал, что на подступах к Салми противник готовит сильный контрудар во фланг нашей дивизии. Рассчитывая на подкрепления, на выгодное географическое положение и мощные оборонительные сооружения по берегам рек, враг предполагал задержать здесь наше наступление.

Всячески препятствуя нашему продвижению вперед, при отходе от Мансилы финны минировали дороги, оставляли своих наблюдателей. Наступавший справа от шоссе Погранкондуши — Салми — Питкяранта 1065-й стрелковый полк вышел, к реке Эняёки у деревни Мяэнотеа. Мост через реку был взорван, подходы заминированы. Вырвавшийся вперед танк подорвался на mine. Бойцы, начавшие разбирать развалины моста и частью перешедшие на противоположный берег, тоже наскочили на мины. Тогда в работу включились саперы. Находившийся здесь заместитель командира корпуса по политической части полковник Ф. И. Егоров позднее вспоминал: «...Вот два сапера раздеваются на берегу. Пробегавшие бойцы удивлен-

но смотрят на них. Действительно, странно видеть людей, готовящихся войти в воду, когда на реке, вздымая водяные столбы, то и дело рвутся снаряды противника.., но саперы с шестами, к которым привязаны заряды взрывчатки, презирая смерть, идут в воду».

Вскоре 1065-й полк, убедившись, что противник отошел и с этого рубежа, не переправляясь через реку, повернул влево и вышел на основной тракт, ведущий в Салми, 1061-й стрелковый полк продолжал движение правее тракта. Несколько позже подошел 1063-й стрелковый полк, задержавшийся при обходе Мансилы слева. Он вновь двигался по берегу Ладожского озера.

Всю ночь утомленные боями и переходами бойцы шли вперед и вперед. Изредка короткие привалы — и снова движение под артиллерийским огнем противника. Столкновений с врагом почти не было. Финны поспешно отходили на подготовленный рубеж. Но их наблюдатели постоянно следили за движением наших войск. И стоило чуть замешкаться, как противник тут же посылал мины на это место. Так погиб со своими помощниками командир 3-го батальона 1065-го полка майор Г. Н. Мугинов.

Утром 2 июля полки подошли к реке Эняёки, пересекавшей тракт и круто поворачивавшей к Ладоге. В трех километрах справа от шоссе, в районе деревни Варпаселькя, завязал бой 1061-й стрелковый полк. На дороге и влево к Ладоге пока было тихо. Командир 1065-го полка подполковник П. Ф. Зайцев, развернув 1-й батальон, решил перейти реку с ходу. Но противник, укрепившийся на правом высоком берегу, атаку отбил. Неся потери, бойцы залегли перед рекой.

Тогда П. Ф. Зайцев ввел в бой 2-й стрелковый батальон, отправив его в обход обороны врага справа. Сломив сопротивление неприятеля, батальон переправился через реку и атаковал предмостное укрепление с фланга. Одновременно в бой с фронта вступили 1-й и 3-й стрелковые батальоны. Противник, почувствовав угрозу своему флангу, начал отступать в направлении поселка Тулема и далее на реку Тулемаёки.

1063-й стрелковый полк, после первой неудачной атаки, возобновил бой в районе нижнего течения реки Эняёки, форсировал ее и подошел к развилке дорог Мансила — Салми — Соусиярви.

Итак, к 3 июля дивизия, опрокинув вражескую оборону перед рекой Эняёки, вышла на фронте в 12 кило-

метров на ее правый берег. Впереди находилась главная линия обороны по реке Тулемайки.

Здесь и далее на север враг выставил против наших войск три пехотные дивизии, бригаду и несколько отдельных егерских батальонов. Только в Салминском укрепленном районе, на который наступала 272-я дивизия, противник сосредоточил 5-ю пехотную дивизию, 15-ю пехотную бригаду, отдельный егерский батальон и до 20 артиллерийских и минометных батарей.

В наступательных боях части дивизии понесли значительные потери, но сохраняли высокий боевой настрой. Большую роль в подъеме наступательного порыва сыграло дошедшее до нас 2 июля известие о присвоении дивизии почетного наименования «Свирская» и награждении орденом Красного Знамени.

Перед Салми соединения нашего 4-го стрелкового корпуса занимали следующее положение: на правом фланге находилась 272-я стрелковая дивизия; левее, по побережью Ладоги, должна была наступать 3-я бригада морской пехоты; прибрежные острова предстояло освободить 114-й дивизии.

В соответствии с указанием командира корпуса командир 272-й дивизии решил нанести удар по Салми одновременно всеми тремя полками: 1061-му полку предстояло наступать на правом фланге в обход Салми с задачей разгромить группировку противника, которая готовилась нанести удар во фланг дивизии, и перекрыть пути отхода финнов на Питкяранту. Здесь же с более глубоким обходом должен был наступать батальон А. Г. Грицай. 3-й батальон 1065-го стрелкового полка должен был наступать на Салми с фронта, а 1-й и 2-й батальоны — справа, с целью форсировать реку и ударить по Салми с севера. 1063-му стрелковому полку было приказано наступать на деревню Тулема.

Начавшееся 3 июля наступление было приостановлено сильным автоматнo-пулеметным и артиллерийским огнем противника. Весь низкий левый берег реки и ближний лес содрогались от разрывов мин и снарядов.

Подразделения 1063-го стрелкового полка и батальон капитана П. А. Морозова 1065-го полка выбили противника с левого берега реки, но форсировать ее не смогли. Рота Н. А. Мошникова 2-го стрелкового батальона подошла вплотную к воде, и отделение отважного сержанта Н. Сивцова переправилось на небольшой остров и заняло его. Здесь рота Н. А. Мошникова и отделение Н. Сив-

цова попали под сильный огонь врага. В отделении Сивцова было ранено большинство бойцов, был ранен и сам командир. Однако воины просили подавить вражеские огневые точки, чтобы переправиться на противоположный берег.

3-й батальон капитана И. В. Никифорова 1061-го стрелкового полка форсировал реку южнее деревни Ковера и занял плацдарм. Вошедший в прорыв полк совершил бросок в глубь вражеской обороны и внезапным ударом разгромил группировку врага, готовившуюся контратаковать 272-ю дивизию.

1061-й стрелковый полк, продолжая наступление совместно с подвижным отрядом Грицай, шедшим еще правее, навис над всей салминской группировкой противника и к исходу дня вышел на дорогу Салми — Питкяранта.

Враг был вынужден часть сил бросить против 1061-го полка и отряда Грицай. Воспользовавшись этим, 1063-й и 1065-й стрелковые полки вместе с бойцами морской бригады форсировали реку и устремились на Салми. К 17 часам 4 июля поселок Салми был освобожден.

Военный корреспондент «Правды» М. Шур в статье «В лесах Карелии», опубликованной в «Правде» 8 июля 1944 года, писал: «С отчаянным упорством защищали маннергеймовцы свой крупный опорный пункт на берегу Ладожского озера — Салми. Они выставили в этом районе крупные силы пехоты и артиллерии и неоднократно переходили в контратаки. Завязался напряженный бой. Отбив все контратаки противника, наши части опрокинули его и овладели Салми».

Узел сопротивления был сломлен. Панически отступая, враг бросил оружие, технику, боеприпасы.

В бою за Салми погибли заместитель командира 1065-го полка по политчасти М. П. Богданчиков, агитатор полка С. Д. Сухопаров, фельдшер И. Гаврилов и многие другие воины. Получили тяжелые ранения командир роты лейтенант Р. В. Слюзов, лейтенанты М. Ф. Баландин, Г. К. Кетов и другие бойцы. Словом, берега реки Тулемайки были обильно политы кровью воинов дивизии.

...Через двое суток после освобождения поселка раздался колокольный звон. Это вражеский корректировщик, находившийся на колокольне полуразрушенной церкви, просил о помощи, поскольку спуститься на землю он не мог — лестница была разбита. Об этом рассказывала дивизионная газета, напечатав 7 июля 1944 года статью «Зазвенели колокола»...

Поздним вечером 4 июля командир дивизии, ознакомив командиров полков и спецподразделений с обстановкой, поставил перед ними конкретные задачи: 1063-й стрелковый полк должен был наступать на Питкяранту вдоль шоссе, левее — 1065-й полк. 1061-й полк на первом этапе должен был двигаться во втором эшелоне. 555-й саперный батальон обеспечивает движение основных сил, а одна его рота вместе с другими инженерными подразделениями наводит переправу на реке Тулемаёки, чтобы в короткие сроки пропустить через нее артиллерию, самоходные орудия, танки и другую технику.

На другой день, пройдя несколько поселений, 1065-й стрелковый полк свернул с тракта и пошел по проселочной дороге вдоль Ланкуланлахтинского залива. В 12 километрах от Салми он вышел к берегу и остановился на отдых. Впервые за все время наступления люди выспались и помылись в походной бане. В ночь на 6 июля полк снова двинулся вперед. Такую же возможность отдохнуть получили бойцы 1061-го полка, специальных подразделений дивизии, а несколько позднее — 1063-го полка.

На пути в заданном направлении 1063-й стрелковый полк несколько раз наталкивался на неприятеля, принимая его удары на себя.

В районе Уусикиюля передовые подразделения были остановлены врагом, вспыхнул жаркий бой. В этом бою погибли командир 6-й стрелковой роты лейтенант Журавский, отважные пулеметчики Маруда и Макуха, разведчик А. А. Матвеев.

Александр Александрович Матвеев умирал тяжело. Имея шесть пулевых ранений в грудь навылет, он более получаса боролся со смертью. И вот всеобщий любимец, весельчак и балагур, прибывший в дивизию в 1942 году, ушел из жизни...

Сразу же за Уусикиюлей вперед выдвинулся 1061-й стрелковый полк. Но на подходе к порожистой и бурной реке Уксуньёки он был остановлен сильным огнем противника.

1065-й стрелковый полк, продвигаясь после отдыха правее дороги по лесам и каменным грядам, шел медленнее. На подходе к реке его 3-й батальон под командованием капитана А. П. Морозова неожиданно наскочил на финский батальон и нанес ему сильный удар. Остатки

разбитого батальона бежали за реку. Это позволило всему полку преодолеть реку с ходу.

Путь отступления противнику был вновь перерезан, и ему ничего не оставалось делать, как бросать свою технику и лесами отходить на Питкяранту. Однако его правофланговые подразделения не сразу узнали о прорыве обороны и продолжали вести упорный бой у моста, справа и слева от дороги, где наступал 1061-й стрелковый полк.

И все-таки правый берег последней водной преграды на пути к Питкяранте был очищен от неприятеля. 8 июля полки дивизии были уже в четырех километрах от города. Все ожидали большого боя и остервенелого сопротивления врага.

9 июля командующий армией генерал-лейтенант А. Н. Крутиков отдал приказ об окружении и уничтожении группировки противника в районе Питкяранты. Исполнение этой задачи возлагалось на 272-ю стрелковую дивизию, которой надлежало наступать на город на основном направлении, 114-ю стрелковую дивизию, которая должна была нанести удар по врагу, обойдя город справа, а также на два отдельных поддерживающих полка.

Исходя из общей задачи, командир дивизии решил: 1063-й стрелковый полк наступает на левом фланге и наносит удар по городу с прибрежного участка; 1065-й стрелковый полк наступает на город с фронта — по тракту; 1061-й стрелковый полк, когда начнется наступление, входит в разрыв между полками и, развивая успех, совместным ударом громит противника и освобождает город.

Враг пытался задержать наступающие части еще на подступах к городу. Упорный бой разгорелся у последней высоты на шоссе и на железной дороге, в двух километрах от Питкяранты. Хорошо просматривая наше расположение, противник открыл сильный огонь из всех видов оружия. Но, несмотря на это, наши бойцы сумели выкатить орудия на открытые позиции, чтобы в нужный момент ударить по вражеским огневым точкам. 1065-й стрелковый полк вышел на исходный рубеж для атаки на город.

Когда приостановилось продвижение на исходный рубеж 1063-го стрелкового полка, командир 3-го дивизиона 815-го артполка капитан Б. С. Минкович и командир подразделения «катюш», обсудив обстановку с командиром

батальона А. Ф. Сухоставским, предложили смелое решение: провести атаку неприятельских позиций в ходе артобстрела — сразу вслед за огневым валом.

Для успеха замысла требовалась идеальная координация действий, так как в случае малейшей ошибки пехота могла попасть под огонь своей артиллерии и «катюш». Но опасения оказались напрасными. По словам участника атаки старшего сержанта В. И. Усольцева, все получилось «как в кино». Вслед за каждым новым залпом бойцы совершали молниеносный бросок вперед на то место, по которому был только что нанесен огневой удар. Таким образом, и 1063-й полк занял рубеж для атаки на город.

10 июля в 9 часов утра после артиллерийско-минометной подготовки начался штурм города. Атака была столь стремительной и дружной, что враг не выдержал и отступил. Передовые подразделения ворвались в город и, не останавливаясь, продолжали преследовать противника.

В этот день части дивизии продвинулись за Питкяранту в общей сложности на 10—12 километров и к вечеру подошли к скальным грядам.

Несколько позднее солдаты слушали сводку Совинформбюро, в которой сообщалось: «В течение 10 июля войска Карельского фронта штурмом овладели городом Питкяранта, а также заняли несколько других населенных пунктов».

А впереди лежала очередная полоса мощных вражеских укреплений, протянувшаяся от Лоймолы до Ладоги. В нее и уперлись все части и соединения нашей 7-й армии.

Наши попытки прорвать неприятельскую оборону успеха не имели.

В это время в командование 272-й дивизией вступил Герой Советского Союза полковник В. М. Мешков. Генерал З. Н. Алексеев, два года командовавший дивизией, был назначен командиром 131-го стрелкового корпуса.

13 июля атаки наших войск на финские позиции были прекращены. Дивизия получила пополнение численностью до пятисот человек, кроме того, в ее состав вошел батальон морской пехоты. Подвижной отряд А. Г. Грицай в качестве стрелкового батальона был включен в состав 1061-го стрелкового полка.

Перегруппировав части, дивизия 14 июля заняла новые позиции для наступления — в четырех километрах севернее прежнего рубежа. 15 июля в 9 часов утра началась

артиллерийская подготовка, в 10.50 полки пошли в наступление.

В этом последнем наступлении пали многие замечательные воины: участник сталинградской битвы инструктор политотдела дивизии капитан Лузай, мужественный и умелый воин капитан Артем Григорьевич Грицай, командир дивизиона 815-го арtpолка майор Маслов и начальник штаба этого дивизиона капитан В. Фурманов, герои форсирования Свири лейтенант С. Я. Киреев и сержант И. П. Мартыненко, старшина К. И. Молоканов, рядовой Петухов и многие другие. Погибло немало и новичков — молодых и горячих, но не имевших боевого опыта.

4 августа поступил приказ командира о переходе дивизий левого крыла армии к обороне. В эти дни из состава армии были направлены на другие фронты 37-й гвардейский стрелковый корпус, артиллерия резерва Главного Командования, танковая бригада и другие части. 272-я стрелковая дивизия, передав свою полосу обороны укрепрайону, переместилась на дорогу Лиметти—Кясна-селькя.

Так закончились для нашей 272-й дивизии бои в Карелии. Три города и более двадцати деревень и станций освободила дивизия вместе с другими частями. Досталась эта победа дорогой ценой. В боях за освобождение южной Карелии из строя выбыло более четырех тысяч человек. Свыше тысячи воинов спят вечным сном в земле Приладожья.

Около пяти тысяч воинов — участников Выборгско-Петрозаводской наступательной операции были награждены орденами и медалями Советского Союза, 79 — удостоены звания Героя Советского Союза; в 272-й дивизии этого звания были удостоены 11 человек. Вот их имена:

Асеев Алексей Александрович — рядовой;

Баландин Михаил Фокич — лейтенант;

Берестовенко Михаил Порфирьевич — лейтенант;

Деменков Лаврентий Васильевич — лейтенант;

Иллюшко Павел Иванович — майор;

Киреев Семен Яковлевич — лейтенант (погиб под Питкярантой);

Кулик Константин Алексеевич — младший лейтенант (погиб под Погранкондушами);

Леонов Михаил Иванович — сержант;

Мартыненко Иван Павлович — сержант (погиб под Питкярантой);

Степовой Арсений Иванович — ефрейтор;

Шмаков Василий Иванович — капитан (погиб под Сармягами).

Дни окончания больших боев в Карелии совпали с трехлетием формирования дивизии. Эта дата была отмечена подведением итогов и мобилизацией личного состава на выполнение предстоящих задач. В день праздника люди выглядели нарядно и торжественно. В частях и подразделениях были развешены лозунги, вышли красочные номера газет и боевых листков. С рассказом о боевом пути частей и дивизии в целом перед бойцами выступили командиры, ветераны рассказали новичкам о славных подвигах, о многотрудных боях, выпавших на их долю в Карелии, Ленинградской области, на Свирь. В этот день чествовали заслуженных воинов. Особые слова были сказаны в адрес тех, кого уже не было в живых.

НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ

Успешное наступление наших войск и их выход на отдельных участках на советско-финляндскую границу резко ухудшили положение Финляндии. Крайне обострилась внутривойсковая обстановка. Истощались материальные ресурсы. Трудящиеся массы, изнуренные трехлетним участием в войне, требовали ее прекращения. Антивоенные настроения проникали и в армию.

Под влиянием всех этих факторов финляндское правительство решило возобновить переговоры с СССР о выходе из войны. 5 сентября военные действия прекратились, финские войска оставляли занятую территорию и уходили в пределы своей страны.

272-я дивизия походным маршем через Импилахти и Ляскеля двинулась к границе. Воинами владело чувство радости — Карелия освобождена. Но к нему примешивалось и чувство ненависти к тем, кто развязал эту чудовищную войну...

Руководствуясь положениями перемирия, продвигавшиеся вперед наши и отходящие финские войска соблюдали пятнадцатикилометровую нейтральную зону. Ежедневно встречавшиеся офицеры связи обеих сторон определяли отрезки продвижения на каждый очередной день. Отходя, финны обязаны были производить разминирование территории и объектов, ничего не увозить и не разрушать. 26 сентября полки вышли в район Сортавалы и Лахденпохья.

Не обошлось без курьезов. Об одном из них вспоминал

поэт А. А. Иванов. По какой-то оплошности редакции дивизионной газеты не сообщили, что полки, не доходя трех километров до города Лахденпохья, останавливаются на ночь в лесу, и газетчики оказались ночью в совершенно безлюдном городе. Не мешкая, сотрудники редакции развернули в одном из домов типографию. А в четыре часа утра на свет в окне заехал командир дивизии полковник В. М. Мешков. «Кто разрешил? — загремел он. — Город будем принимать только в шесть часов утра. Свернуть хозяйство и марш назад». Но газетчикам, приступившим уже к работе, отступать было некуда. Очередной номер к утру был сверстан.

До укомплектования пограничных отрядов охрана государственной границы на участке от Элисенваара и далее на 60 километров к северо-востоку была возложена на 272-ю стрелковую дивизию. 29—30 сентября были определены подразделения для несения службы на границе.

1 октября в 9 часов утра на охрану государственной границы выступили со своими подразделениями командир роты 1063-го стрелкового полка лейтенант И. А. Исаков, который рядовым отступал из этих мест в 1941 году, и командир роты 1065-го стрелкового полка капитан Кукишев. С сознанием высокой ответственности отправились в первый пограничный дозор бойцы отделений старшего сержанта Прокофьева, сержантов Корниенко и Падюгина.

В то время, когда часть подразделений несла службу по охране государственной границы, остальные бойцы дивизии занимались сельскохозяйственными работами. На полях стояли неубранные хлеба, картофель, овощи, а гражданского населения почти не было.

К середине ноября все было убрано. Итогом этой работы была отправка в Ленинград транспорта с хлебом и овощами...

Почти два месяца дивизия находилась в этом районе. 20 ноября поступил приказ о передислокации.

Глава десятая

В ПОМЕРАНИИ

В РЕЗЕРВЕ СТАВКИ

Передав службу на границе пограничникам, полки походным маршем двинулись на погрузку в район станции Лоймола.

Эшелоны (кроме одного, проследовавшего из Сортавалы через Ленинград) двинулись через Петрозаводск на Волховстрой, а затем повернули на восток, миновали Тихвин, Вологду, остановились в Кировской области. Здесь дивизия вошла в резерв Ставки Верховного Главнокомандования и одновременно в оперативное подчинение 32-й армии, тоже выведенной с Карельского фронта.

Здесь, в глубоком тылу, обстановка была совсем мирная: на улицах и в домах горел электрический свет, звучала музыка. Однако дивизия прибыла сюда не отдыхать. За короткое время в ее состав влилось более тысячи новичков, хотя основной костяк сохранился прежний. (Кстати, еще под Сортавалой сменились командиры двух стрелковых полков: 1061-й полк принял подполковник В. Смирнов, а 1063-й — майор А. П. Медик.)

Здесь дивизия получила дополнительное вооружение и технику, пополнилась транспортными средствами. Кроме того, были проведены батальонные и полковые учения, с учетом действий уже в новых условиях.

11 января 1945 года поступил приказ готовиться к погрузке в эшелоны, а 15 января на запад отбыл первый эшелон. За ним — остальные.

На всем пути следования по освобожденным от фашистов районам нашей страны и Польши вставала страшная картина разрушений. Вот что наделала война! Тяжелая доля выпала на долю тех, кто воевал, но не меньше лишений претерпели и те, кто оказался под фашистской пятой.

27 января первый эшелон с подразделениями 1065-го стрелкового полка разгрузился в районе города Остров-Мазовецка. За ним прибыл второй эшелон, но фронт отодвигался, и последующие разгружались уже значительно западнее.

4 февраля дивизия в полном составе влилась в 19-ю армию и через двое суток начала двухсоткилометровый марш через только что освобожденную Варшаву на северо-запад. Стало ясно, что дивизии предстоит участвовать в освобождении северных земель Польши.

НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

21 февраля дивизия в составе 134-го стрелкового корпуса 19-й армии 2-го Белорусского фронта сосредоточилась западнее города Хойнице.

Войска фронта под командованием прославленного

полководца Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, начав 10 февраля наступление с рубежа Грауденц — Семпольно, в течение 10 дней вели ожесточенные бои с врагом. Их задачей был разгром противника в Восточной Померании и овладение Данцигом.

Противник, создав здесь сильную группировку войск под названием «Висла», упорно оборонялся, а кое-где наносил контрудары. Немецко-фашистское командование возлагало на эту группировку большие надежды. Нависшая с севера над далеко продвинувшимися вперед войсками 1-го Белорусского фронта группировка врага стремилась нанести контрудар с фланга по войскам Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и остановить их.

Наступление армий 2-го Белорусского фронта шло медленно. К 20 февраля они продвинулись всего на 20—50 километров. По этому поводу маршал Г. К. Жуков пишет: «10 февраля 2-й Белорусский фронт начал наступление, но, не имея в своем распоряжении достаточно сил, не смог полностью выполнить поставленную задачу».

Именно в этот напряженный момент на левый фланг фронта становится 19-я армия.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский пишет: «В ночь на 22 февраля 19-я армия, сменив правофланговые части 1-го Белорусского фронта, вошла в отведенную ей полосу и приступила к подготовке наступления».

22 февраля 272-я стрелковая дивизия, приняв на крайнем левом фланге фронта и армии четырехкилометровую полосу на рубеже станция Бухгольц — Господский Двор — Бабух у конников 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, получила приказ овладеть городом Прейс-Фридланд. В знаменательный день 23 февраля, после мощной артиллерийской подготовки, продолжавшейся 40 минут, в составе ударной группировки она перешла в наступление.

1065-й стрелковый полк с ходу овладел Господским Двором. Затем вместе с 1061-м полком, перерезавшим дороги на север и северо-восток, полки дивизии к исходу дня овладели и Прейс-Фридландом. Остатки вражеского гарнизона, видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, сдались в плен.

Это была первая победа в новом районе над новым противником. Воины дивизии и здесь дрались самоотверженно. Особенно следует отметить действия 2-го стрелкового батальона 1061-го полка, который оседлал дорогу и удержал ее до подхода основных сил. Исключительную

смелость при этом проявил боец пулеметной роты С. М. Осолихин. Находясь в засаде у перерезанного шоссе, он увидел, что немцы, используя лощину, стали скапливаться для удара по нашему флангу. В перестрелке были ранены и командир расчета, и сам Осолихин. Однако, зажав рану, отважный воин продолжал в упор расстреливать атакующих немцев. Осолихин не оставил свой пулемет и после второго ранения.

24 февраля левофланговая ударная группа в составе соединений 19-й армии и 3-го гвардейского танкового корпуса, прорвав главную полосу обороны севернее Прейс-Фридланда, устремилась вперед. Танкисты в этот день прорвались в глубь вражеской обороны на 40 километров.

Вслед за 19-й армией начала продвижение соседняя 70-я армия. К исходу 26 февраля брешь в немецкой обороне составила 60 километров по фронту и 50 — в глубину. Завязались бои за укрепленную полосу Шнейдемюль — Рарцебург — Роммельсбург — Балтийское море.

Энергичными действиями 19-й армии, которую на третий день наступления возглавил опытный волевой генерал В. З. Романовский, оборона группировки армий «Висла» взламывалась и рушилась.

Накал боев возрастал. Несмотря на это, наша ударная группировка, в состав которой входила и 272-я дивизия, за первые четверо суток продвинулась вперед на 70 километров и овладела городами Шлохау, Штегерс, Хаммерштайн, Бальденберг, Бублиц и целым рядом других населенных пунктов.

По приказу Верховного Главнокомандующего Москва салютовала в честь победителей, а всем воинам, участвовавшим в этих боях, объявлялась благодарность.

Во время наступления воины дивизии впервые столкнулись с немецкими «пантерами» и «тиграми». Жаркий бой разгорелся 2 марта в районе Цехендорфа. В контратаку против наших позиций противник бросил вместе с пехотой несколько десятков танков.

До двадцати танков прорвались между 1061-м и 1063-м стрелковыми полками и устремились в глубину боевых порядков дивизии. Но на их пути встали артиллеристы 340-го истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона, а также дивизиона капитана Н. Кирюшкина 815-го артполка и бронебойщики. Огонь вели прямой наводкой с близкого расстояния. В результате были подбиты 14 танков противника. Немцы откатились на прежние позиции. В этом поединке с танками отличились расчеты

старшины Потапова, старшего сержанта Шестакова, сержантов Селезнева и Иванова, младшего сержанта Егорова, а бронебойщик рядовой Кузнецов один подбил три танка.

Командир орудия Потапов в июле 1945 года об этом бое писал в дивизионной газете: «Уже начало смеркаться, когда ветер донес рокот моторов и лязг гусениц. Из-за пригорка показалась первая группа фашистских танков. Когда стал хорошо виден головной танк, я подал команду. Грянул выстрел. Недолет. Второй снаряд врезался в бок машины. Танк остановился и через минуту вспыхнул. Расчет тут же перенес огонь по второму танку и подбил его с первого выстрела, вслед за ним мы подожгли третий и четвертый танки».

Высокую оценку действиям 272-й дивизии в борьбе против немецко-фашистских танковых частей дал командующий фронтом, маршал К. К. Рокоссовский.

В ходе наступления дивизия своим продвижением вперед помогла 134-му стрелковому корпусу в овладении городами Руммельсбург и Поллнов. За эту победу Москва вновь салютовала войскам, а Верховный Главнокомандующий объявил участникам боев очередную благодарность.

В ночь на 4 марта 272-я стрелковая дивизия значительно продвинулась в направлении к городу Кеслин (Косшалин), важному узлу коммуникаций в этом районе. Здесь, при подходе к развилке дорог южнее Туново, наши подразделения натолкнулись на неприятеля численностью до полка пехоты, которого поддерживали танки и артиллерия. Командир дивизии В. М. Мешков, развернув два стрелковых полка, с ходу атаковал позиции гитлеровцев. Ожесточенный бой длился четыре часа. Враг понес большие потери в людях и технике и отступил на северо-запад. На поле боя осталось около 150 солдат и офицеров, столько же сдалось в плен.

Во время боя в обход фашистской обороны был выдвинут на автомашинах 3-й батальон 1065-го полка под командованием капитана Г. И. Джамаева. А через боевые порядки была направлена разведгруппа этого же полка, возглавляемая И. Д. Сенюком, с задачей устроить засаду западнее Кеслина и затруднить отход противника.

Когда батальон еще продвигался в обход Кеслина с запада, туда уже пробрались смельчаки под руководством Сенюка. При подходе к городу разведчики были об-

стреляны группой вражеских солдат, но, вступив в бой, они перебили всю группу.

Заслышав звуки боя, в район перестрелки из города вышла небольшая группа гитлеровцев. Подпустив врага на близкое расстояние, боец П. Я. Алаксеров властно командовал: «Руки вверх!» Подбежали и остальные разведчики группы Сенюка. И немцы, не ожидавшие встречи с советскими воинами у себя в тылу, сложили оружие.

Вскоре сюда подоспел и батальон Г. И. Джамаева. Количество пленных с каждым часом росло. В их числе оказались один генерал-лейтенант, два полковника, подполковник, майор и много других офицеров штаба и гарнизона. В общей сложности было пленено около 300 человек.

4 марта Кеслин был взят. Сразу же после этого к Балтийскому побережью вместе с танкистами 3-го гвардейского танкового корпуса был направлен 1-й стрелковый батальон 1065-го полка, подкрепленный артиллерией, с задачей не допустить связи между расчлененными группировками врага и отрезать им пути отступления.

5 марта на побережье были заняты населенные пункты Гроссмеллен, Бацерхуфен и Зоренбом. А к исходу дня коридор, разъединяющий вражеские группировки, был расширен до 20 километров.

Достигнув моря, генерал В. З. Романовский нацелил основные силы своей 19-й армии на разгром восточно-померанской группы, а 272-я дивизия и некоторые другие части (численностью до корпуса) должны были развернуть наступление на запад.

6 марта дивизия получила приказ командира 134-го стрелкового корпуса совместно с другими частями и соединениями занять город и порт Кольберг. Исходя из приказа, командир дивизии принял решение: 1061-й стрелковый полк наносит удар по городу с юго-востока, 1065-й полк по дороге Кеслин — Кольберг обходит противника и атакует город с востока, 1063-й полк вступает в бой, как только того потребует оперативная обстановка.

В ночь с 6 на 7 марта 1065-й полк, совершив маневр, с ходу овладел вражеским аэродромом. На нем были захвачены 73 боевых самолета, несколько десятков новых моторов и 20 неисправных самолетов. Но дальше наступление обоих полков замедлилось. Тогда в бой вступил и 1063-й стрелковый полк, однако перелома не было.

Противник сопротивлялся отчаянно. Да это и понятно — отступать ему было некуда. Город был надежно ук-

реплен. В нем находилось свыше 6 тысяч солдат, имелись шестиствольные минометы. Мощную поддержку оказывала артиллерия кораблей, стоявших на рейде. А наша артиллерия еще не подошла.

Тяжелая обстановка сложилась в батальоне майора Д. Ф. Вирченко 1063-го стрелкового полка, который на подходе к Кольбергу был встречен сильным огнем артиллерии и атакован крупными силами противника.

Несмотря на большие потери, солдаты и офицеры самоотверженно отстаивали завоеванный рубеж, однако положение все более осложнялось.

Тогда командир полка майор А. П. Медик направил в помощь батальону взвод роты автоматчиков под командованием лейтенанта Н. А. Крошкина. Взвод подошел, когда немцы уже прорвались в боевые порядки батальона. Автоматчики заняли высоту на важном участке и стали отбивать одну вражескую атаку за другой.

Все меньше оставалось патронов, выбывали бойцы, но взвод прочно удерживал занимаемый рубеж. И вот немцы поднялись в новую атаку. Видавшие виды автоматчики на мгновение пришли в замешательство: в дисках магазинов почти пусто. Но командир взвода, приказав приготовить гранаты, с возгласом «За мной! В атаку!» бросился на приближавшихся фашистов. И немцы побежали назад. Позиции остались за батальоном.

7 марта под Кольберг подошли части 1-й армии Войска Польского, входившей в состав 1-го Белорусского фронта. Бои разгорелись с новой силой. 8 марта фронт продвинулся к окраинам города, но противник сопротивлялся все так же упорно. Захваченные в этот день пленные показали, что город обороняют штурмовые отряды, остатки стрелковой дивизии с несколькими танками и батальон аэродромного обслуживания.

9 марта наша дивизия и 134-й корпус временно вошли в подчинение командования 1-го Белорусского фронта. Согласовав свои действия с соседями — дивизиями Войска Польского, наши части ворвались на юго-восточную окраину Кольберга. 10 марта передовые подразделения 1063-го стрелкового полка, а за ними и роты других полков заняли рощу и поселок около газового завода. К 13 марта в наших руках были уже и сам завод, и участок железной дороги.

Наступление продолжалось. Ожесточенные бои шли за каждый клочок земли. Воины знали, что в 1761 году здесь воевал А. В. Суворов — на карте был обозначен «Суво-

ровский редут», с которого немцы контратаковали наши подразделения. 17 марта батальон 1063-го полка выбил фашистов с этого рубежа и занял редут.

В ночь на 18 марта наши части преодолели три оборонительных вала, и дружной атакой четырех соединений к исходу дня город Кольберг был взят. И вновь дивизия вместе с другими соединениями, в том числе и союзными польскими войсками, была отмечена благодарностью Верховного Главнокомандующего.

После освобождения Кольберга части дивизии были переброшены на восток, под Гдыню, куда к этому времени продвинулись 19-я армия и 2-й Белорусский фронт в целом. 26 марта дивизия получила приказ не допустить выхода противника на прибрежную косу и, таким образом, вступила в бой за Гдыню с севера.

Взятию Гдыни предшествовали три дня тяжелейших боев вместе с 27-й стрелковой дивизией в составе 132-го стрелкового корпуса.

О беспримерном мужестве воинов дивизии, проявленном в боях за города Кольберг и Гдыня, свидетельствуют многие факты. Вот лишь некоторые из них.

Командир отделения 6-й роты 1063-го стрелкового полка сержант Гусаров и красноармеец Бабаев во время штурма Кольберга, пренебрегая опасностью, бросились к дому, из которого фашисты вели ураганный огонь. Отважные воины забросали противника гранатами, что позволило роте и полку в целом продвинуться вперед.

Мужественно действовали при штурме города саперы 555-го саперного батальона, командир отделения Евсеев и красноармеец Осинцев. Продвигаясь под огнем противника впереди танков, поддерживающих атаку стрелков, смельчаки делали проходы в противотанковых минных полях. При овладении аэродромом эти же воины разминировали два склада с авиабомбами, подготовленные немцами для взрыва к моменту подхода наших частей, а также разминировали два самолета противника.

В боях за Гдыню орудийный расчет батареи 76-миллиметровых пушек 1065-го стрелкового полка, где наводчиком был боец Астахов, находясь в боевых порядках пехоты, огнем своего орудия уничтожил 12 огневых точек врага, в том числе 5 тяжелых пулеметов. На одной из улиц под сильным автоматным и пулеметным огнем Астахов выкатил орудие на прямую наводку и расстрелял в упор контратаковавшего противника.

Нельзя не сказать и о пулеметчике 3-й пулеметной ро-

ты 1063-го стрелкового полка младшем сержанте А. М. Тухватулине. В бою за Гдыню под шквальным пулеметным и минометным огнем, будучи раненным, младший сержант огнем своего пулемета отбил все контратаки немцев на своем фланге. За этот подвиг Алим Мурхович Тухватулин был награжден орденом Славы 3-й степени.

Окончательный разгром группировки «Висла», освобождение исконно польских земель и ликвидация немецко-фашистских военно-морских баз на побережье Балтики — все это было большой победой нашего оружия.

Сразу по окончании боев за район Данцигской бухты в Гдыню были свезены все убитые советские воины. Впервые с начала войны в присутствии всего личного состава дивизии было проведено организованное захоронение павших воинов. Чувства, копившиеся долгие годы войны, выплеснулись через край. На траурном митинге с болью и яростью клялись бойцы до конца выполнить воинский долг за себя и за павших.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ

Готовилась Берлинская операция. Главная роль в ней отводилась войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, руководимым Г. К. Жуковым и И. С. Коневым. 2-му Белорусскому фронту надлежало наступать севернее Берлина, в полосе от Балтики до города Шведт.

272-я стрелковая дивизия в период с 7 по 15 апреля, совершив многокилометровый марш, сосредоточилась в районе Кеслина для дальнейшего движения на Штеттин. Однако здесь поступило распоряжение о включении всего личного состава в налаживание хозяйственной деятельности освобожденных районов. И полки приступили к строительным работам.

Скоро пришли два сообщения. Первое — нашей 272-й дивизии за активные действия по освобождению приморских земель Польши присваивается второе почетное наименование — «Померанская» и она награждается вторым орденом — Красной Звезды. Второе — дивизия вновь направляется на фронт.

По этому поводу состоялся митинг, на котором воины благодарили партию и правительство за высокую оценку их ратных дел и клялись отдать все силы на окончательный разгром врага.

Огромные чувства наполняли сердца бойцов, которым

довелось освободить старинный русский город Тихвин и древний карельский город Олонец, бить врага на территории Польши. Это их дивизии за ратные подвиги присвоены наименования «Свирская» и «Померанская». Велико расстояние между Свирью и Померанией. Но они нерасторжимо связаны героическими боевыми делами и кровью советских воинов, освобождавших от врага Карелию и Польшу...

20—21 апреля дивизия получила пополнение — 1600 человек, в основном из числа лечившихся в госпиталях опытных, видавших виды воинов. Среди них было немало и ветеранов дивизии. Однако и после этого полки были доведены только до двухбатальонного состава, а в ротах насчитывалось по 60—70 человек.

Изменение задачи дивизии было вызвано тем, что, прорвав оборону врага на берлинском направлении, войска 1-го Белорусского фронта встретили в районе Зееловских высот и в других местах ожесточенное сопротивление врага. Поэтому перед 2-м Белорусским фронтом была поставлена задача нанести удар по немецко-фашистским войскам севернее Берлина.

272-я дивизия вошла в подчинение 40-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й ударной армии и 25 апреля сосредоточилась в районе Бухалиц.

Поразительное зрелище предстало здесь перед нашими глазами: обширное поле усеяно побитыми, пожженными, искореженными и перевернутыми танками. Здесь прошло огромное сражение танковых армий.

В ночь с 26 на 27 апреля полки переправились через Одер южнее Штеттина, где река раздваивается на два рукава: восточный — шириною в 150 метров и западный — 250 метров. После этого дивизия ускоренным маршем двинулась вперед по побережью.

И в те часы, когда последние группировки врага в Берлине складывали свое оружие перед победителями и когда бойцы 5-й ударной армии поднимали флаг над Рейхстагом, части 272-й дивизии вместе с другими соединениями штурмовали на побережье город Штральзунд. 2 мая он перешел в наши руки.

Спустя трое суток дивизия вместе с частями 2-й ударной армии, форсировав пролив, переправилась на остров Рюген. 6 мая остров полностью был в руках наших войск. Здесь, на острове Рюген, и закончился боевой путь 272-й орденов Красного Знамени и Красной Звезды Свирско-Померанской стрелковой дивизии.

В ночь с 8 на 9 мая мы узнали о безоговорочной капитуляции Германии. Победа! Это короткое слово, вместившее в себя все пережитое и выстраданное за войну, наполнило ликованием наши сердца, сердца воинов дивизии, водрузивших победное знамя на Балтике, на острове Рюген.

* * *

Прошли годы, десятилетия с того времени, как отгремели последние залпы Великой Отечественной. Но память о великой войне не изгладилась и никогда не изгладится в сердцах людей. На места боев, к братским могилам приезжают ветераны войны, родные и близкие погибших защитников Родины, приходят пионеры и школьники, молодежь, принимающая эстафету труда и подвига у старших поколений.

И там, где в суровые сороковые гремели битвы, установлены и устанавливаются грандиозные мемориалы и памятники, скромные памятные знаки и обелиски...

Немало их и на местах боев 272-й стрелковой дивизии: на тихвинской земле, в Коткозере и Варловом Лесу, в Пряже и на реке Шуя, в Вознесенье, Андроновском и Оште, на рубеже у развилки дорог, где стояла деревня Коромыслово и где был остановлен враг в 1941 году.

Наступление 1944 года от Лодейного Поля на Свири до Питкяранты отмечено памятниками на всем двухсоткилометровом пути.

Знаками памяти отмечен боевой путь дивизии на земле Польши и Германской Демократической Республики. Есть они и в Гдыне и Колобжеге. На обелиске погибшим воинам, воздвигнутом на набережной в городе Колобжег, высечены названия частей, принимавших участие в освобождении города: «45-я гвардейская бронетанковая бригада, 3-я и 4-я дивизии Войска Польского, 6-я бригада ракетной артиллерии, 272-я пехотная дивизия Советской Армии»...

О подвигах воинов в годы войны рассказывают материалы музеев боевой славы, созданные в Петрозаводске и Лодейном Поле, Олонце и Питкяранте, Вытегре и Тихвине, в школах и профтехучилищах Ленинграда, Видлицы, Салми, Ошты, Погранкондушей...

Никто не забыт и ничто не забыто!

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
Глава первая. Формирование дивизии	5
Велением Родины	5
Напряженные будни	7
Присяга	10
Глава вторая. Мы готовы. Приказывай, Родина!	12
На петрозаводском направлении к началу августа	12
Дивизия вступает в бой	15
На занятых рубежах	21
Глава третья. Сентябрьские бои 1941 года	25
Дни тревог и огорчений	25
Бои за Петрозаводск	32
Глава четвертая. На оштинском направлении	38
Враг остановлен и выброшен из сел Вологодской области	38
В последние месяцы 1941 года	46
Глава пятая. Участие в Тихвинской операции	54
Первые бои в новом районе	54
Бои за город Тихвин	59
Вперед, на запад	66
Глава шестая. На винницком тракте	69
Апрельские бои 1942 года	69
Оборона должна быть активной	75
1943 год	81
Глава седьмая. Перед наступлением	87
В резерве фронта	87
Последние приготовления	91
Глава восьмая. Начало	97
Форсирование Свири	97
Освобождение лодейнопольских земель	101
Глава девятая. Освобождение южной Карелии	107
Бои за Сармяги	107
На встречу с десантом	112
На видлицком рубеже	117
Бои за Салминский укрепленный район	123
Освобождение Питкяранты	127
На государственной границе	131
Глава десятая. В Померании	132
В резерве Ставки	132
На польской земле	133
Последние дни войны	140

50 коп.

Там 2